

**ЦЕНТР СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

На правах рукописи

УДК: 32.001 (575.3)

ДОДИХУДОВ ХУРШЕД АЗАМДЖОНОВИЧ

**РОЛЬ И МЕСТО РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В
ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И МЕЖДУНАРОДНОМУ
ТЕРРОРИЗМУ: ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛ
ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора политических наук по специальности
5.6.2. Институты, процессы и
политическая технология**

**Научный консультант:
доктор политических наук,
профессор Мухаммадзода П.А.**

ДУШАНБЕ – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ПРОБЛЕМЫ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА	
1.1. Генезис и теоретико-концептуальные основы исследования сущности экстремизма и терроризма	29
1.2. Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы как основополагающий документ	54
ГЛАВА 2. ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТЕРЫ ДЕСТРУКТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СТРАТЕГИИ ПРОНИКНОВЕНИЯ В СОЦИУМ	
2.1. Экстремизм и терроризм как социально-политическое явление	77
2.2. Идеологическая основа экстремистских и международных террористических организаций в Таджикистане	107
ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РОСТУ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН	
3.1. Анализ притягивающих факторов как детерминанта роста экстремизма и терроризма	133
3.2. Анализ подталкивающих факторов как детерминанта роста экстремизма и терроризма	157
ГЛАВА 4. ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОКУСЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИМ ВЗГЛЯДАМ ЭКСТРЕМИСТКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	
4.1. Институты гражданского общества: эволюция, проблемы и потенциал	180
4.2. Механизмы взаимодействия государства и институтов гражданского общества в контексте противодействия экстремизму и терроризму	204

ГЛАВА 5. ПОТЕНЦИАЛ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

5.1. Потенциал неправительственных организаций Республики Таджикистан в противодействии экстремизму и международному терроризму	228
5.2. Фактор культуры в деятельности институтов гражданского общества в противодействии экстремизму и международному терроризму	253

ГЛАВА 6. ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

6.1. Анализ информационно-коммуникационного фактора как детерминанта роста экстремизма и терроризма	275
6.2. Потенциал средств массовой информации Республики Таджикистан в противодействии экстремизму и международному терроризму	294
ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ	318
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	330

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМФОТ — Ассоциация микрофинансовых организаций Таджикистана

ВВП - Валовой внутренний продукт

ГИПИ – Гражданская инициатива политики Интернета

ИКТ – Информационно-коммуникационные технологии

ИПДО – Инициатива прозрачности в добывающих отраслях

МИОГВ – Местный исполнительный орган государственной власти

НАНСМИТ – Национальная ассоциация независимых средств массовой информации Таджикистана

НКО – некоммерческая организация

НПО – неправительственная организация

НСРТПЭТ – Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму

ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОГО – Организации гражданского общества

ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности

ОО – Общественная организация

ООН – Организация Объединенных Наций

ПРООН – Программа Развития Организации Объединённых Наций

РТ – Республика Таджикистан

СМИ – средства массовой информации

США – Соединенные Штаты Америки

ФАТФ – Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег / Financial Action Task Force

ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization

ЮСАИД – Агентство США по международному развитию / United States Agency for International Development

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современную эпоху деструктивная деятельность экстремистского и террористического характера является одним из ключевых вызовов национальной, региональной и даже глобальной безопасности. Несмотря на существование широкой теоретико-методологической базы и концептуальных академических подходов к анализу данных явлений, динамика их развития демонстрирует высокую степень непредсказуемости. В свою очередь, это вытекает из самого характера функционирования экстремистских и террористических группировок. Проблема экстремизма и терроризма затронула все без исключения регионы и страны мира. Не исключением стала и Республика Таджикистан. В данном контексте принципиальное научно-практическое значение имеют слова Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона, справедливо подчеркивающего, что «борьба с терроризмом и экстремизмом считается приоритетным направлением, поскольку это явление превратилось в глобальную угрозу и вызвало тревогу мирового сообщества» [14]. Данная установка определяет вектор национальной политики безопасности, направленной на минимизацию рисков в условиях социально-политической нестабильности.

Государственные институты являются главным субъектом противодействия деструктивной идеологии. Их эффективность обусловлена наличием широкого спектра стратегических инструментов – от нормативно-правового регулирования и силового сдерживания до финансового мониторинга и мобилизации ресурсов, что позволяет выстраивать единую систему защиты общества от террористических угроз. Помимо традиционных устоявшихся государственных ресурсов в противодействии экстремизму и терроризму особого внимания заслуживают институты гражданского общества.

Следует отметить, что институты гражданского общества обладают огромным потенциалом и могут стать важным механизмом решения острых

социальных проблем, включая проблему экстремизма и терроризма. Последние тенденции в научных и экспертно-аналитических кругах наглядно свидетельствуют об усилении внимания к институтам гражданского общества как одного из инструментов решения злободневных социальных проблем. Особенно всё более актуализируется процесс их активного вовлечения в профилактику и противодействие деструктивной идеологии.

Сложившаяся повестка в данной области, на наш взгляд, дополнительно подталкивает научно-экспертное сообщество к поиску оптимального, наиболее эффективного и полноправного участия институтов гражданского общества в противодействии столь серьёзной угрозе общественного порядка, как экстремизм и терроризм.

Республика Таджикистан с обретением государственной независимости переживает новый исторический этап своего развития, который характеризуется значительными социальными изменениями. Так, на наших глазах происходит процесс кардинальной трансформации общества, вызванный, главным образом, переходом от одной социально-исторической формации к качественно иной. Такой переход, как правило, сопровождается глубокими, местами болезненными социально-экономическими и политико-идеологическими трансформационными процессами в обществе. Социальные изменения, в свою очередь, влекут за собой также переоценку моральных и духовных, в том числе и религиозных ценностей. В частности, после длительного многолетнего запрета, в общественную жизнь региона вернулась религия.

В целом, внешние и внутренние процессы, особенно в идеологической сфере, протекавшие как в стране, так и в регионе с момента получения государственной независимости, не прошли бесследно. Они оказали прямое негативное влияние на безопасность, создав наиболее благоприятные условия для возникновения и дальнейшего роста идей религиозного экстремизма и терроризма.

Дополнительным импульсом стал заметно усилившийся за последнее время процесс глобализации. В свою очередь, глобализация способствовала активному проникновению в регион идеологической агрессии в лице иностранных эмиссаров воинственного нетрадиционного ислама. Их целью было уничтожение сформировавшегося веками традиционного жизненного уклада общества. В результате, религиозные эмиссары из числа целого ряда радикально-экстремистских организаций стали усиленно насаждать своё мировоззрение среди населения страны.

Для продвижения своих идей в массы они обращали пристальное внимание на три основных фактора. Во-первых, демонстративно акцентировали перед обществом своё уважение к институту религии. Во-вторых, большое внимание уделяли существующим в обществе социально-экономическим проблемам. И наконец, в-третьих, выражали свою обеспокоенность падением нравственных устоев в обществе. В результате их деятельности, некогда устоявшиеся многовековые народные традиции и обычаи, включая религиозные, стали отвергаться определённой частью населения. Более того, эмиссары стали вести настоящую беспощадную борьбу с целью полнейшей ликвидации традиционных ценностей общества.

Практическая деятельность, характер и уровень воздействия действующих сегодня экстремистских и террористических организаций наглядно свидетельствуют о беспрецедентности масштаба угрозы, исходящей от них. При этом раскрывается вся сложность их системы, состоящей из различных подсистем, в особенности духовно-нравственной и культурно-идеологической, которые также сопровождаются и дополняются политическим и экономическим измерениями.

Сегодня пути эффективного решения проблемы экстремизма и терроризма таковы, что подразумевают вовлечение в данный процесс не только государственных органов, но и представителей институтов гражданского общества. Постсоветские государства Центральной Азии, включая Республику Таджикистан, до сих пор находятся в поиске наилучшего механизма

взаимодействия государства с институтами гражданского общества. При этом отметим, что институты гражданского общества стали неотъемлемой и активной частью социально-политического процесса.

Относительно сложившейся ситуации в Республике Таджикистан подчеркнём также те аспекты, которые негативно влияют на качество работы институтов гражданского общества. До сих пор наблюдается недооценка потенциала данного социального сектора. Подобное положение дел вызвано тем, что институты гражданского общества, будучи новым социальным явлением, до сих пор не смогли обрести прочный авторитет в глазах широкой общественности. Данное положение дел требует своего пересмотра. В этой связи, прежде всего, актуальным является изменение ментального восприятия и практического подхода к ним. В процессе качественной трансформации общества происходит усиление роли и потенциала институтов гражданского общества. В результате появляются новые источники и эффективные пути решения существующих социальных проблем, включая экстремизм и терроризм. В связи с этим, для Республики Таджикистан процесс дальнейшего расширения участия институтов гражданского общества в решение проблемы экстремизма и терроризма несёт большие преимущества, в частности:

- работа приобретёт целевой характер;
- усилится работа с наиболее уязвимыми социальными группами, в том числе с гражданами, находящимися в процессе дерадикализации;
- генерируются идеи, навыки, теоретические знания, практический опыт, а также профессиональная компетенция всех вовлечённых в данный процесс сторон;
- укрепится процесс социальной консолидации общества перед общей угрозой в лице экстремизма и терроризма;
- возрастет осознание обществом масштаба угрозы, исходящей от экстремизма и терроризма;

- повышается индивидуальная ответственность социального поведения отдельно взятого человека в контексте исследуемой проблемы экстремизма и терроризма;

- оптимизируется процесс распределения и задействования имеющегося ресурсного потенциала, мобилизованного для противодействия угрозе экстремизма и терроризма;

- произойдет системная интенсификация государственно-общественного взаимодействия в сфере ранней превенции и нейтрализации деструктивных вызовов экстремистского и террористического толка, что позволит качественно нарастить и капитализировать стабилизационный, превентивный и созидательный ресурс институтов гражданского общества.

Рассматриваемые и исследуемые нами векторы доктрины антиэкстремистской и антитеррористической превенции продиктованы актуальными императивами общественно-политического развития. Очевидно, что институты государственной власти и структуры гражданского социума локализованы в дифференцированных сегментах институционально-правовой матрицы Республики Таджикистан, обладая разным потенциалом, методами и степенью вовлеченности. Тем не менее, консенсус относительно необходимости консолидации их усилий является важнейшим фактором стабильности. Мы полагаем, что именно степень инклюзивности и прямого участия гражданских институтов в разрешении латентных социальных противоречий выступает ключевым фактором, обуславливающим эффективность практических мер по нейтрализации угроз. Таким образом, практическое сотрудничество государства и институтов гражданского общества является ключевым фактором более эффективной борьбы против международного терроризма.

Степень исследования научной темы. Анализируя сложившийся уровень научной разработанности исследуемой проблематики следует подчеркнуть, что данный вопрос находится в центре постоянного внимания научного и экспертно-аналитического сообщества. В результате, их

фундаментальные научные труды, безусловно, в значительной мере содействовали более объективному пониманию исследуемой проблемы. В то же время, важно отметить, что выполненные работы носят разрозненный характер. В частности, часть трудов рассматривает различные факторы, влияющие на рост проявлений экстремизма и терроризма в обществе. Другие работы посвящены методам противодействия данной угрозе, главным образом, ненасильственными методами. Данные научные труды акцентируют внимание на вовлечении институтов гражданского общества в социальные процессы. При этом отметим тенденцию, свидетельствующую о признании роли и места институтов гражданского общества в решении данной проблематики. В целом, отметим, что в научном дискурсе наблюдается наиболее полная картина по данному вопросу.

В настоящем диссертационном исследовании впервые была сделана попытка обобщить и проанализировать имеющиеся официальные источники, научные труды, тематические отчёты и публикации. Эта работа направлена на определение роли и места Республики Таджикистан в противодействии экстремизму и терроризму. Наравне с этим, анализу подверглись существующие проблемы и потенциал институтов гражданского общества в профилактике экстремизма и терроризма в обществе. Используемые в работе материалы разделены на шесть основных групп.

Первая группа – это источники, включающие в себя различного рода национальные и международные нормативно-правовые документы, посвящённые проблеме противодействия экстремизму, терроризму и вкладу институтов гражданского общества в этом процессе – Конституция Республики Таджикистан [5], Закон Республики Таджикистан “Об общественных объединениях” [4], стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2016-2020 гг. и 2021-2025 гг. [10, 13], Национальная стратегия развития Республики Таджикистан до 2030 г. [9], Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан [6] и другие. Их ценность заключается в том, что отражают официальное видение,

позицию, подходы и методы отдельных государств и международного сообщества в решении исследуемой проблемы. К тому же, в них отсутствует субъективное и частное толкование феномена. По своему предназначению эти источники рассчитаны на неограниченный временной промежуток и нацелены на решение намеченных долгосрочных задач.

Данные источники, будучи официальной точкой зрения государства на сложившуюся ситуацию, акцентируют внимание на приоритетные направления деятельности государства и институтов гражданского общества в противодействии экстремизму и терроризму с целью успешного решения поставленных целей.

Другая категория источников данной группы – это документы международного характера – Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, Декларация об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне и другие [1, 2]. Их принципиальное отличие от национальных документов заключается в их универсальности. Государства, при разработке своих национальных документов и программ, ориентируются на основные положения международных правовых актов. В них отражается стремление мирового сообщества полностью соблюдать взятые на себя обязательства в рамках целей, провозглашённых в данных документах.

Вторую группу фундаментальных основ данного диссертационного исследования составляют ежегодные Послания, программные выступления и многогранные научно-теоретические труды Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона. Данная группа материалов представляет собой не просто официальную базу, а отражает видение, национальные интересы, подходы, роль и место Республики Таджикистан в противодействии экстремизму и терроризму. В них заложена незыблемая концептуальная основа развития

национальной государственности, в которой органично синтезированы уроки тысячелетней истории и вызовы глобализирующегося мира XXI века [14-22].

В третью группу фундаментальных источников вошли труды античных классиков и современных общепризнанных мировых учёных, которые внесли неоценимый теоретический и практический вклад в изучение исследуемой проблематики. В их числе отметим научные работы Платона [72], Аристотеля [26], Р. Дарендорфа [38], Л. Козера [52], Б. Бузана [295], З. Бжезинского [32], У. Лакера [56], А. Грамши [204], Э. Хоффера [286], Ж. Шалиана и А. Блена [93], Д. Аджемоглу и Дж.А. Робинсона [24], Ю. Хабермаса [87], В. Парето [70], М. Рокича [309] и др. Особого внимания заслуживают работы учёных, которые наиболее убедительно и объективно раскрыли роль конфликта в социуме. Они концептуально и комплексно рассмотрели социальную функцию конфликта. Сегодня в отрыве от их научных трудов невозможен анализ текущих социальных конфликтов. Особенно это важно в контексте кардинальных геополитических изменений в Центрально-Азиатском регионе и вокруг него.

В четвертую группу вошли труды, исследующие методы решения проблемы экстремизма и терроризма, которые привлекают особое внимание научного сообщества Таджикистана. Среди отечественных учёных, исследующих данную проблему в контексте нашего общества, следует отметить таких авторов, как А.Н. Мухаммад [62, 142], М.Ш. Махмадбекзода [61], Г.М. Майтдинова [59, 133], Х.Б. Шарипов [189], П.А. Мухаммадзода [144-149, 186], А.К. Рахмонов [188], Ш.Т. Каримов [185, 216], Н.Н. Сангинов [81, 82], З.Д. Рахматова [187], Х.К. Сафарализода [83, 148], С.И. Шарипов [94], П. Муллоджанов [231, 232], Ш.Д. Курбонов [129] и другие.

Пятую группу составляют научно-исследовательские работы современных учёных России, государств Центральной Азии и постсоветского пространства, которые достаточно подробно изучили проблему экстремизма и терроризма, а также роли институтов гражданского общества в противодействии этим угрозам. В их числе отметим А.В. Малащенко [134], М.К. Арчакова [184], И.П. Добаева [41], М. Вершинина [198], Ю.И. Авдеева

[23], С.И. Масаулова [224], Г.Г. Почепцова [248, 249], М.Я. Яхьяева [181-183, 292], А. Сунгурова [273], Н. Эсенаманову [98], М. Азильханова и Р. Нуртазину [101], а также коллективные труды под редакциями А.-Н.З. Дибирова и Г.К. Сафаралиева [84], О.В. Павленко, Н.А. Борисова, М.В. Восканяна [86].

Их труды рассматривают современные и актуальные аспекты проблемы экстремизма и терроризма, в частности, фактор персонализации поиска, нарративные войны, методологические аспекты предупреждения идеологии, социально-экономических корней проблематики экстремизма и международного терроризма, а также роли и места институтов гражданского общества в исследуемом вопросе.

Шестая группа – это научно-аналитические отчёты, пособия, доклады и обзоры различных авторитетных национальных и международных структур, посвящённые проблеме экстремизма и терроризма, а также институтов гражданского общества – Отчеты ФАТФ о новых рисках финансирования терроризма и о финансировании террористической организации Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) [241, 242], доклад Экономического и социального совета Организации Объединённых Наций “Измерение проявлений гендерного неравенства в рамках других подгрупп населения” [212], доклад Всемирного Банка “Повышение устойчивости молодежи к радикализации: на примере Республики Таджикистан” [245], аналитический отчет Азиатского банка развития “Краткий обзор гражданского общества Таджикистана” [191], руководство по предотвращению экстремизма, реабилитации и реинтеграции возвращенцев из зон вооружённых конфликтов в Республику Таджикистан, подготовленное ПРООН в Таджикистане [79] и другие. Данные материалы базируются на основе проведённого полевого или же кабинетного исследования. В отчётах, как правило, раскрывается текущее состояние исследуемого вопроса, сопровождающийся последующим анализом ситуации. Формат данных документов предусматривает не только детальное раскрытие реальной картины, но и в результате полученных данных

предлагается комплекс мер и практических рекомендаций, направленных на исправление ситуации.

Связь исследования с программами или научными темами.

Настоящее диссертационное исследование выполнено в рамках научно-исследовательских работ Управления анализа и прогнозирования вопросов региональной безопасности Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан «Вопросы информационной, социальной, национальной и региональной безопасности как стратегия развития Республики Таджикистан» (2016–2020 гг.) и «Защита национальных интересов Республики Таджикистан в системе региональной и национальной безопасности на новом этапе развития государственности Республики Таджикистан: проблемы и перспективы их обеспечения» (2021-2025 гг.). Также диссертационное исследование по своему содержанию соответствует тематикам 9-го пункта Постановления Правительства Республики Таджикистан от 26.09.2020 г. №503 «О приоритетных направлениях научных и научно-технических исследований в Республике Таджикистан на 2021-2025 гг.». В этом пункте для исследования предусмотрены такие актуальные и злободневные проблемы, как «новые глобальные угрозы», в которых особо выделяются следующие виды угроз: кибертерроризм, киберпреступность, религиозный экстремизм и терроризм, а также вопросы «важных национальных интересов», «информационной безопасности» и др.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель данной научной диссертации – это исследование роли и места Республики Таджикистан в противодействии экстремизму и терроризму, а также проблем и потенциала институтов гражданского общества Таджикистана в противодействии экстремизму и международного терроризму.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи:**

- осуществить комплексный теоретико-концептуальный анализ сущности феноменов экстремизма и терроризма;
- провести научно-политический анализ и дать экспертную оценку эффективности претворения в жизнь ключевых положений такого фундаментального правового акта, как Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016–2020 годы;
- исследовать деструктивную природу экстремизма и терроризма сквозь призму их развития как социально-политических явлений;
- раскрыть и научно обосновать доктринально-идеологическую основу экстремистских и террористических структур;
- систематизировать и проанализировать влияние совокупности притягивающих факторов на рост экстремизма и терроризма;
- систематизировать и оценить масштабы влияния подталкивающих факторов на динамику распространения экстремизма и терроризма;
- исследовать историческую эволюцию, институциональное становление и потенциал институтов гражданского общества;
- смоделировать оптимальные механизмы взаимодействия государственных органов и неправительственного блока в противодействии экстремизму и терроризму;
- осуществить комплексное научное обоснование ресурсов неправительственного сектора Республики Таджикистан в контексте минимизации и купирования угроз экстремистского и террористического характера;
- систематизировать стабилизационный потенциал и латентные возможности культурного фактора, выступающего действенным превентивным инструментом в рамках системы противодействия распространению радикальных идеологий;
- концептуализировать на теоретико-методологическом уровне деструктивное влияние информационно-коммуникационной среды как

ключевого детерминанта, катализирующего процессы радикализации общественного сознания;

- выявить и систематизировать антиэкстремистский превентивный ресурс современных масс-медиа Таджикистана, ориентированный на информационное противоборство с проявлениями терроризма.

Объектом исследования выступает роль и место Республики Таджикистан в противодействии экстремизму и международному терроризму.

Предметом исследования является потенциал институтов гражданского общества в противодействии экстремизму и борьбе с международным терроризмом в рамках тесного взаимодействия с государством.

Гипотеза исследования базируется на предположении о том, что одним из важнейших условий повышения роли и места Республики Таджикистан в противодействии экстремизму и терроризму является полное раскрытие и использование потенциала институтов гражданского общества в решении вышеуказанной проблемы. Всесторонняя и комплексная поддержка деятельности институтов гражданского общества со стороны государственных органов способствует созданию действенного механизма прочного социального партнёрства, который повысит эффективность мер по противодействию экстремизму и международному терроризму в стране, тем самым, укрепив роль и место Республики Таджикистан в противодействии данным проблемам в мировом масштабе.

Этапы, место и период исследования. Данное исследование проводилось в 2020-2025 гг. в Управлении анализа и прогнозирования вопросов региональной безопасности Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан. В диссертационном исследовании обосновано, что экстремизм и терроризм являются одними из основных угроз национальной безопасности Республики Таджикистан. Существующие в обществе социально-экономические проблемы, а также идеологический вакуум вкупе с морально-ценностным кризисом

предоставляют экстремистским и террористическим организациям широкое поле для маневра.

В результате, уровень угрозы, исходящей от деструктивных группировок, достиг масштаба, не имеющего аналогов в истории человечества. Сегодня, пути эффективного решения проблемы экстремизма и терроризма таковы, что подразумевают вовлечение в данный процесс не только государственных органов, но и представителей институтов гражданского общества. Участие институтов гражданского общества в контексте противодействия угрозе экстремизма и терроризма достаточно глубоко анализируется в диссертационном исследовании.

Теоретическая основа исследования базируется на комплексном анализе классических и современных социально-политических учений, рассматривающих природу политических процессов и технологий в социуме, общественной безопасности и социальных девиаций. Концептуальный каркас работы опирается на идеи и общественно-политические взгляды Платона, Аристотеля, Б. Бузана, З. Бжезинского, У. Лакера, А. Грамши, Р. Дарендорфа, Л. Козера, Б. Рассела, С. Хантингтона, А. Л. К. Дестют де Траси, Э. Хоффера, Ф. Бруно, Э. Дюркгейма, Л. Даймонда, Г. Лассуэла, М. Рокича. Их труды позволяют раскрыть природу экстремизма не только как угрозу национальной безопасности, но и как результат коренных социальных изменений в ценностных ориентирах и структуре общества.

Для формирования научно обоснованного подхода к изучению феномена деструктивной идеологии в диссертации интегрированы ключевые научные теории. В частности, диссертант опирается на теорию “относительной депривации” Т.Р. Гурра, концепцию “Окно Овертона” Дж. Овертона, а также теоретические наработки в области “кризиса идентичности” и “фрустрации”. Профилактический аспект исследования усиливается за счет применения “теории разбитых окон” Дж. Уилсона и Дж. Келлинга, “конуса обучения” Э. Дейли и “теории ценностных ориентаций” М. Рокича, что дает возможность оценить эффективность образовательных, культурных, информационных,

идеологических и социальных программ в противодействии идеологии экстремизма и терроризма.

Отдельное место в работе занимает анализ архитектуры взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества. В данном контексте исследуются механизмы сквозь призму “партнёрского взаимодействия”, реализуемые посредством “модели садовника” и “модели архитектора”. Используемый диссертантом подход позволяет выявить специфику и неиспользованный потенциал институтов гражданского общества Республики Таджикистан в создании устойчивой и постоянно действующей системы противодействия деструктивной идеологии.

Методологические основы исследования. Руководствуясь характером и спецификой исследуемой работы, включающей в себя разнообразные и равнозначные политические, идеологические, информационные, психологические и социальные аспекты, в работе были применены различные методы исследования. Таким образом, методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специальных методов, обеспечивающих комплексный подход к изучению механизмов противодействия экстремизму и международному терроризму. Исследование базируется на принципах объективности, детерминизма и системности, что позволяет рассматривать институты гражданского как естественный социальный элемент системы национальной безопасности Республики Таджикистан.

В качестве основного инструментария в диссертации применены следующие научные методы:

1. Системный подход, который позволил исследовать взаимодействие государственных структур и неправительственного сектора как целостный механизм, выявив структурные связи и функциональные возможности каждой из сторон, где изменение в одной из структур повлечет за собой прямое воздействие на другие структуры.

2. Использование исторического метода позволило рассмотреть экстремизм и терроризм как непрерывный исторический процесс во времени. В центре внимания исторического метода находится трансформация угроз, исходящей от деструктивных группировок, а также этапы становления институтов гражданского общества.

3. Структурно-функциональный метод в контексте исследуемой проблематики обладает достаточно большой практической ценностью. Данный метод позволил проанализировать противодействие экстремизму путем раскрытия потенциала институтов гражданского общества в противодействии экстремизму и международному терроризму.

4. Институциональный метод в контексте вовлечения институтов гражданского общества в противодействие экстремизму и терроризму выявил устойчивость социальных институтов, а также негласных общественных правил и норм, регламентирующих жизненный уклад социума.

5. Сравнительно-политологический метод позволил сопоставить отечественный и зарубежный опыт в сфере профилактики радикализации, что помогло адаптировать лучшие практики к условиям Таджикистана.

6. Диалектический метод применен для анализа динамики основных факторов, влияющих на рост экстремистских и террористических угроз в обществе, в частности в контексте понимания подталкивающих, притягивающих и информационно-коммуникационных факторов.

7. Метод моделирования использован диссертантом в контексте понимания потенциальных механизмов взаимодействия государства и институтов гражданского общества в противодействии экстремизму и международному терроризму.

В целом, использованные диссертантом в процессе исследования методы, позволили максимально глубоко и объективно раскрыть проблемы и потенциал институтов гражданского общества Таджикистана в противодействии экстремизму и международному терроризму.

Источниковую базу исследования составили следующие нормативно-правовые акты национального и международного характера, а также другая достоверная научная информация. В частности, Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, Конституция Республики Таджикистан, Закон Республики Таджикистан «О безопасности», Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом», Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом», Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы, Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы и др. Вторую группу составляют ежегодные Послания, программные выступления и многогранные научно-теоретические труды Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона. В третью группу фундаментальных источников вошли труды античных классиков и современных общепризнанных мировых учёных. В четвертую группу вошли труды отечественных ученых, исследующие методы решения проблемы экстремизма и терроризма. Пятую группу составляют научно-исследовательские работы современных учёных России, государств Центральной Азии и постсоветского пространства. Шестая группа – это научно-аналитические отчёты, пособия, доклады и обзоры различных авторитетных национальных и международных структур, а также другие электронные ресурсы.

Научная новизна данного диссертационного исследования состоит, прежде всего, в самой постановке и совокупности исследуемой проблематики. В частности:

- впервые осуществлён комплексный теоретико-концептуальный анализ сущности феноменов экстремизма и терроризма;
- проведён научно-политический анализ и дана экспертная оценка эффективности претворения в жизнь ключевых положений такого фундаментального правового акта, как Национальная стратегия Республики

Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016–2020 годы;

- исследована деструктивная природа экстремизма и терроризма сквозь призму их развития как социально-политических явлений;

- раскрыта и научно обоснована доктринально-идеологическая основа экстремистских и террористических структур;

- впервые систематизировано и проанализировано влияние совокупности притягивающих факторов на рост экстремизма и терроризма;

- впервые систематизированы и оценены масштабы влияния подталкивающих факторов на динамику распространения экстремизма и терроризма;

- исследована историческая эволюция, институциональное становление и потенциал институтов гражданского общества;

- смоделированы оптимальные механизмы взаимодействия государственных органов и неправительственного блока в противодействии экстремизму и терроризму;

- осуществлено комплексное научное обоснование ресурсов неправительственного сектора Республики Таджикистан в контексте минимизации и купирования угроз экстремистского и террористического характера;

- систематизирован стабилизационный потенциал и латентные возможности культурного фактора, выступающего действенным превентивным инструментом в рамках системы противодействия распространению радикальных идеологий;

- на теоретико-методологическом уровне концептуализировано деструктивное влияние информационно-коммуникационной среды как ключевого детерминанта, катализирующего процессы радикализации общественного сознания;

- выявлен и систематизирован антиэкстремистский превентивный ресурс современных масс-медиа Таджикистана, ориентированный на информационное противоборство с проявлениями терроризма.

Положения, выносимые на защиту:

1. В ходе проведённого научного исследования было определено, что проблема экстремизма и терроризма является одной из самых сложных и трудно разрешаемых социальных проблем современности. При этом нынешний уровень проблемы экстремизма и терроризма беспрецедентен. Деструктивное воздействие экстремистских и террористических угроз на государственную безопасность имеет тотальный характер, поскольку они не просто провоцируют раскол социума, но и катализируют процессы социально-политической дезорганизации и деморализации гражданских институтов. Проблема усугубляется и тем, что сохраняется определённый спрос на деструктивную идеологию в обществе. Соответственно, важно понимание привлекательности и востребованности деструктивной идеологии, что позволит применить действенные меры по противодействию ей. Несмотря на то, что экстремизм и терроризм традиционно находятся в центре внимания научных кругов, тем не менее, до сих пор отсутствует общепринятая дефиниция, что значительно усложняет исследуемую проблему.

Подробный анализ Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 гг. показал, что деятельность экстремистских и террористических организаций остается главным фактором дестабилизации общества и государства. В документе отмечается роль и место институтов гражданского общества в противодействии экстремизму и терроризму. Принятие государством столь масштабного документа позволило своевременно разработать конкретные практические и логически последовательные шаги, направленные на противодействие данной угрозе.

2. Идеология экстремизма и терроризма, опирающаяся на религиозные догмы и ценности в традиционных сообществах, в глазах общества, не

имеющего критического мышления, обладает большим сакральным авторитетом. При этом практическое использование религии направлено на достижение конкретных политических целей. Анализ экстремизма и терроризма как социально-политического конфликта выявил, что он вызван противоположными видениями и разногласиями на социально-политическую структуру общества. В свою очередь, степень противоречий непосредственно влияет на характер и масштабность конфликтогенности. Деструктивные структуры в своей практике пристальное внимание уделяют пропаганде своей идеологии, которая направлена на решение поставленных задач, что было продемонстрировано на примере деятельности «Хизб-ут-тахрира».

В то же время подчеркнем, что проведённый анализ наглядно выявил, что религиозные доктрины имеют определённый спрос в обществе, главным образом, в период кардинальных социальных перемен. К тому же интерес к религиозной идеологии вызван также тем фактом, что она, в отличие от светской идеологии, охватывает и внеземную жизнь, что также дополнительно актуализирует её в жизни общества. Данная реальность способствовала активному использованию религии экстремистскими и террористическими группировками для достижения своих корыстных целей. При этом идеологическая доктринальная основа экстремистских и международных террористических организаций в Таджикистане включает в себя различные компоненты, в том числе политические, экономические и, конечно же, морально-ценностные. При этом каждый из указанных компонентов находится в постоянной динамике и направлен на достижение конкретных целей. Основной угрозой, исходящей от идеологических установок деструктивных структур, является то, что они по своей сути являются наиболее взрывоопасными для традиционного общества.

3. Изучение причин, побуждающих и стимулирующих идеологию экстремизма и терроризма в современном обществе, выявило, что таковыми также выступают притягивающие и подталкивающие факторы. В этом ключе большое внимание необходимо уделить правильно поставленной работе в этом

направлении. В контексте притягивающих факторов важна работа с информацией, а также активизация профилактически-разъяснительных мер среди местного сообщества. Данные практические меры должны разрушить привлекательность идеологии экстремизма и терроризма в социуме. Наряду с этим отметим, что существующие в обществе нерешённые социальные проблемы всегда подталкивают определённых лиц к выражению недовольства или же использованию силы. В результате подталкивающие факторы предоставляют экстремистским и террористическим группировкам не только широкое поле для их деятельности, но также и возможность пропагандировать своё представление о справедливом социальном устройстве.

4. Современные институты гражданского общества являются уникальным социальным феноменом. Процесс их становления и развития протекает исключительно эволюционным путём. Большое значение имеет и фактор гражданской культуры. Активное и целевое участие институтов гражданского общества может стать решающим фактором в укреплении устойчивости местного сообщества к деструктивной идеологии. Исследование подтвердило, что существующий характер и масштаб современного экстремизма и международного терроризма подталкивает государство и институты гражданского общества к выработке механизмов эффективного взаимодействия. В то же время проведённый нами анализ подтвердил, что институты гражданского общества обладают фактически неисчерпаемым потенциалом в эффективном противодействии идеологии экстремизма и терроризма. В данном контексте важно выявить наиболее эффективную модель взаимодействия. Это позволит определить, как систему действий, так и практический уровень вовлечения сторон. Активное использование модели взаимодействия между государством и институтами гражданского общества содействует, как консолидации общества перед лицом серьёзной угрозы, так и формированию обратной связи. Также немаловажным выглядит и то, что каждая из сторон осознает свой собственный вклад в противодействие экстремизму и терроризму.

Активное вовлечение и дальнейшее расширение участия неправительственных организаций Республики Таджикистан в противодействии экстремизму и международному терроризму внесёт существенный вклад в решение проблемы. Более того, практическая деятельность неправительственных организаций позволит максимально задействовать потенциал местного сообщества. В результате чего повысится социальная активность граждан и их инициативность. Особенно это окажет серьёзное позитивное влияние на процесс социальной реинтеграции и реабилитации граждан, вставших на путь дерадикализации. В то же время именно институты гражданского общества могут развивать такие важные социальные институты, как местные лидеры и социальное наставничество, которые в контексте противодействия экстремизму и международному терроризму обладают большим потенциалом.

5. Культура, как основополагающая, универсальная и общепризнанная ценность, несёт в себе огромный созидательный потенциал. Именно культура формирует духовность человека, определяет его мировоззрение и социализацию. Исследование подтвердило, что сегодня, прежде всего, важно изменить отношение общества к культуре и культурным ценностям. Так, именно фактор культуры в деятельности институтов гражданского общества позволит успешно противодействовать распространению идеологии деструктивных структур. Также актуальным выглядит тот факт, что данный ресурс противодействия идеологии экстремизма и международного терроризма может позитивно влиять, как на уровне отдельно взятого индивида, так и на уровне всего сообщества.

Жизнь современного общества все больше подвержена влиянию современных информационно-коммуникационных технологий. Они широко используются не только для социально-экономического развития, но также, к сожалению, в деструктивных целях. В частности, они эффективны в процессе вербовки, как источник пополнения бюджета, и, конечно же, для пропаганды своей идеологии. При этом они, как правило, работают анонимно. В целом,

существующие тенденции свидетельствуют о том, что уровень использования новейших информационно-коммуникационных технологий со стороны деструктивных группировок будет только расти. Главным фактором, свидетельствующим об их эффективности, выступает то, что данный ресурс имеет социальное предназначение. В настоящее время активное и целевое использование новейших информационных технологий делает их возможности в противодействии экстремизму и международному терроризму фактически безграничными. Так, они непосредственно влияют на формирование эффективной обратной связи в решении проблемы экстремизма и международного терроризма. В своей деятельности средства массовой информации могут содействовать достижению важных общественных целей. В частности, средства массовой информации способны наиболее эффективно и своевременно информировать население об угрозе со стороны деструктивных группировок, позитивно влиять на нравственно-воспитательный компонент общества, прежде всего, молодёжи. В результате, подобная деятельность позволит гражданам значительно повысить уровень своей грамотности и, как следствие, лучше ориентироваться в вопросах устойчивости к идеологии экстремизма и международного терроризма.

Теоретическая значимость результатов диссертации состоит в том, что она вносит вклад в политологию, так как в ней исследованы и проанализированы роль и место Республики Таджикистан в противодействии экстремизму и терроризму, а также проблемы и потенциал институтов гражданского общества в этом процессе.

Практическая значимость результатов данного исследования заключается в том, что предложенные в работе выводы и рекомендации могут быть использованы, как при разработке государственных целевых программ и проектов, так и при их практической реализации со стороны министерств и ведомств, а также непосредственно самими институтами гражданского общества. В то же время настоящее исследование может быть использовано

для подготовки семинарских и лекционных занятий, учебно-методических пособий, а также в научных публикациях, посвящённых данному вопросу.

Степень достоверности результатов настоящего диссертационного исследования основывается на беспристрастной и объективной научной оценке существующих теоретических и практических научных работ ведущих национальных и международных научных кругов. Автором используются практические результаты исследований, официальные источники информации, отчёты авторитетных международных организаций, общепризнанные научные труды по изучаемой проблеме.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Настоящее диссертационное исследование на тему «Роль и место Республики Таджикистан в противодействии экстремизму и международному терроризму: проблемы и потенциал институтов гражданского общества» соответствует паспорту специальности 5.6.2. Институты, процессы и политическая технология.

Личный вклад соискателя ученой степени в исследовании. Данное исследование выполнено самостоятельно соискателем ученой степени. Автор диссертации собрал научную литературу на протяжении последних 15 лет. В 2020-2025 гг., будучи соискателем Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан, занимался обработкой собранных фактологических и теоретических материалов, их структурным и прикладным анализом, подготовкой научных статей и докладов. Рекомендации соискателя ученой степени по практическому использованию результатов исследования изложены на основе научных выводов диссертации и личных наблюдений автора, а также непосредственным участием в реализации Стратегий противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан и других тематических государственных программ.

Апробация и внедрение результатов диссертации. Диссертация обсуждена на заседании Управления анализа и прогнозирования вопросов региональной безопасности Центра стратегических исследований при

Президенте Республики Таджикистан (Протокол №2 от 07.05.2026 г.) и рекомендована к защите.

Автор имеет практический опыт участия в работе национальных и международных научно-практических конференций, круглых столов и семинаров по данной проблематике. Основные результаты исследования, выводы и рекомендации автора диссертации по практическому использованию результатов исследования, докладывались на 15 республиканских и международных научных и научно-практических мероприятиях.

Публикации по теме диссертации. Основные результаты диссертации и выводы исследования опубликованы в 20 научных статьях автора. Данные статьи были опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан.

Структура и объем диссертации. Настоящая диссертация состоит из списка сокращений, введения, общей характеристики исследования, шести глав, двенадцати параграфов, заключения, практических рекомендаций, списка использованной литературы и публикаций по теме диссертации. Общий объем диссертации составляет 376 страниц компьютерного текста, а список использованной литературы включает 320 наименований источников и научно-практической литературы.

ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС И АНАЛИЗ ТЕОРЕТИКО- КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ПРОБЛЕМЫ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

1.1. Генезис и теоретико-концептуальные основы исследования сущности экстремизма и терроризма

Проблемы обеспечения государственной безопасности издревле относятся к той категории научных знаний, которая традиционно вызывает постоянный повышенный интерес. Такое внимание к данному явлению проявляют как государственные деятели и военная элита, так и широкая общественность в лице научных кругов и экспертно-аналитического сообщества [295].

Государства, начиная с ранней древности, стремились совершенствовать свои подходы и методы, нацеленные на снижение уровня существующих в обществе рисков, вызовов и угроз. Интерес к данной проблематике во многом заложен в её сущности, ведь именно фактор безопасности напрямую формирует обратную связь, т.е., отношение человека к государству и государства к человеку. Существующие факты и тенденции наглядно свидетельствуют о том, что проблема обеспечения безопасности изо дня в день только актуализируется. В наши дни продолжается поиск наиболее оптимальной и универсальной научной теории в области обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Соответственно, первостепенной задачей любого государства, начиная с античных времён, является обеспечение национальной безопасности. Данная задача до сих пор остаётся в числе приоритетных направлений политики государств мира. В этом смысле национальная безопасность выступает как система жизнеобеспечения государства: нет национальной безопасности – нет государства. Так же, как и для разного периода развития государств и сообществ, существовала своя иерархия угроз, так и для каждого периода существовала своя система глобальной и региональной безопасности [65, с. 202].

Анализируя генезис угроз, мы ранее отмечали, что «нынешнее состояние национальной безопасности Республики Таджикистан сформировалось в результате масштабных геополитических трансформаций. Их результатом стало получение своей государственности и политической независимости, и перехода от одной общественно-политической формации к качественно иной. Масштаб произошедших трансформаций настолько сильно повлиял на все сферы жизни общества, что видоизменились формы угроз и методы их воздействия на безопасность общества и государства. Так, на первый план вышли те угрозы, которые долгое время имели латентный характер, в частности, проблема экстремизма и терроризма, прочно занявшая первую полосу в средствах массовой информации» [5-А, с. 64].

Несмотря на все предпринимаемые мировым сообществом усилия, существующие тенденции свидетельствуют только об усугублении проблемы. Подтверждением этому является активизация деструктивных структур, а также беспрецедентное количество граждан государств постсоветского пространства, осознанно попавшее в зоны боевых действий в государствах Ближнего Востока. Масштаб вовлечения граждан в экстремистские и террористические группировки говорит о том, что процесс пропаганды их идеологии имеет хорошо отлаженный и организованный характер. На наших глазах происходит укрепление и расширение сети экстремистских и террористических группировок. Географический охват их деятельности очень широк. За короткий исторический промежуток многие деструктивные силы трансформировались от локальных до глобальных. Отличительная и принципиальная черта данной угрозы заключается в том, что она не является проблемой отдельно взятого государства или же религии, а является более широкомасштабной.

Экстремизм и терроризм как социально-политический феномен привлекают к себе повышенное внимание всех заинтересованных кругов, в том числе и научных. В этой связи в наших ранних исследованиях подчеркивалась актуальность и ценность научного осмысления данной

проблемы путём дальнейшей разработки качественно новых подходов и методов противодействия им. Важным также является и объективная оценка характера и масштаба влияния экстремизма и терроризма на национальную и региональную безопасность [14-А, с. 98].

В первую очередь отметим, что экстремизм является своеобразным промежуточным звеном от радикализма к терроризму. В отличие от экстремизма, радикализм фиксируется, прежде всего, на содержательной стороне тех или иных («корневых», крайних, хотя и не обязательно «экстремальных») идей и, следовательно, на методах их реализации. Радикализм может быть исключительно «идейным», а не действенным, в отличие от экстремизма, который всегда бывает действенным, но не всегда идейным [68, с. 166]. Как отмечает российский исследователь Э.В. Улезко, «черта, отделяющая экстремиста от террориста, является человеческая жизнь. Только экстремист переходит линию, призывая или совершая противоправные насильственные деяния, лишает себе подобного жизни, он автоматически превращается в террориста» [276, с. 123].

По большому счету, терроризм – это экстремизм в действии, его практическое воплощение. Именно экстремизм выступает идеологической основой терроризма, сущность которого составляет совокупность крайних установок, направленных на достижение политических целей нелегитимным способом. Выйдя за рамки национальных границ отдельных государств, терроризм стал сегодня масштабной угрозой для всего мирового сообщества. Цель терроризма – не просто напугать противника, а получить материальные и политические выгоды, насильственным путём заставить власть изменить свой политический курс.

Терроризм в разных проявлениях может обнаружить себя в различных сферах жизни и деятельности, как отдельных людей, так и в политике целых государств. В обыденной практике террористические действия чаще всего воспринимаются людьми как совершаемые различными криминальными

структурами взрывы, поджоги, перестрелки, заказные убийства, захваты заложников с целью получения выкупа и т.п. [131, с. 17].

К сожалению, природа данной проблемы такова, что она не имеет своего быстрого сиюминутного решения. Период возникновения подобных проблем, как правило, сопряжён большими политическими переменами. В данном контексте уместно указать характерную особенность современного общества. Так, социально-политические риски, вызовы и угрозы не только меняются, но и совершенствуются, а сам социум, как правило, остаётся на прежнем уровне своего развития. Действующие механизмы, направленные на регулирование существующих проблем не в состоянии их эффективно и своевременно решать. При подобном раскладе, имеющиеся в наличии традиционные и утвердившиеся методы решения социальных проблем, теряют всякий смысл и, соответственно, не могут способствовать решению существующих рисков, вызовов и угроз.

В настоящее время научное сообщество признаёт различные виды экстремизма. Проводя свою классификацию разновидностей экстремизма, учёные, главным образом, руководствуются различными объективными признаками. Согласно им, наибольшее внимание уделяется, прежде всего, месту проявления экстремизма и терроризма, поставленным целям, а также характеру и содержанию деструктивной идеологии.

К формам экстремистской деятельности относятся – экономический, политический, националистический (этнический), экологический, религиозный (конфессиональный), духовный, социально-протестный, информационный (киберэкстремизм), спортивный и др. [140, с. 148].

В целом, классификация экстремизма подтверждает, прежде всего, сложность рассматриваемого социального феномена. В то же время именно такая классификация предоставляет уникальные возможности для более успешного противодействия экстремизму, в частности:

- происходит процесс систематизации необходимых знаний;
- выявляются общие объединяющие признаки данного явления;

- разрабатывается последовательность необходимых шагов для решения данной проблемы.

Следует подчеркнуть, что разновидности экстремизма только возрастают. Последние тенденции свидетельствуют о появлении всё новых и новых видов экстремизма, которые охватывают различные сферы жизнедеятельности человека. В частности, широкую известность уже получили такие виды экстремизма, как потребительский, эзотерический, книжный, этический и эстетический. В целом, на наш взгляд, перечень разновидностей экстремизма будет только возрастать. Причиной тому служит, как процесс развития общества, так и природа самого индивида. Появление новой социальной реальности, как правило, разделяет общество на его сторонников и непримиримых противников. Среди последних всегда найдётся определённое количество людей, которые будут не только придерживаться экстремистских взглядов, но и стремиться их реализовать. В целом подчеркнём, что экстремизм и терроризм имеет политический подтекст.

Анализируя данную проблему, А.С. Грачев справедливо указывает на то, что «политический экстремизм и терроризм, как его крайнее выражение – это не серия выходок отдельных эксцентрически настроенных личностей или политических авантюристов. Его нельзя упрощенно сводить к очередному «заговору» реакционных сил или проискам диверсионных служб империализма. Речь идет о противоречивом и сложном общественном явлении возникновения и разрастание, которого последние годы имеют собственные корни и закономерности. Поэтому борьба с политическим экстремизмом не может быть единовременным актом или ограниченной во времени кампанией» [35, с. 250].

Сложившаяся ситуация находится в таком виде, что в настоящее время нет единого универсального определения понятий экстремизма и терроризма. В научном сообществе до сих пор не сложилось единого мнения по данной проблематике, позволяющего раскрыть всю его деструктивную сущность. Все

старания оказались тщетными. Это вызвано сложностью данного явления, а также используемыми методами и подходами при его определении.

Объективное и адекватное реагирование и противодействие экстремизму и терроризму требует последовательной научной разработки. Ее построение в значительной степени зависит от категориальной проработки базовых понятий, в частности таких, как «религиозный экстремизм», «религиозно-политический экстремизм», «религиозный фундаментализм», и «международный терроризм», общие и отличительные признаки которых ещё не стали предметом специального научного анализа.

Вопрос совместимости религии с экстремизмом и терроризмом для многих остаётся до сих пор открытым, т.е., насколько может религия содержать в себе данные деструктивные элементы? В этом вопросе также отсутствует единое мнение. Следует отметить, что современный экстремизм и терроризм находятся на стыке различных научных дисциплин. Соответственно, они являются объектом постоянного изучения со стороны представителей всех основных гуманитарных наук, включая политологию, юриспруденцию, психологию, социологию, историю и философию.

Динамика политизации религии во многом подчиняется логике напряжения, существующего между глобализацией и принципом национального суверенитета. Все более прозрачными становятся межгосударственные границы, а коммуникации – доступными, что, в конечном итоге, «приводят» религиозные идеи и установки в «броуновское движение», заставляя их мигрировать из одного региона в другой, из континента – в континент.

В этом плане особого внимания заслуживает тезис исследователя Д. Узланера [101, с. 95], который отмечает, что результатом миграции религиозных идей из одного региона в другой оказывается ощутимое перекраивание религиозного ландшафта. Появляются транснациональные религии, которые используют «артерии» глобального мира для быстрого распространения и эффективного поиска новых приверженцев.

Этот триггер особенно остро наблюдается в мусульманском мире, с его не устоявшимися, либо забытыми традициями государственности, социально-экономическими неурядицами, безответственностью элит. Именно в них радикальные течения, спонсируемые влиятельными фондами, устремлены взять верх над традиционным верованием.

Парадокс в том, что помимо перечисленных выше мотивов, в процесс стремительного взлёта религиозного экстремизма внесли влиятельные круги Запада и Востока [101, с. 95].

Безусловно, экстремизм и терроризм как негативное социальное явление имеют свою длительную историю. К экстремистско-террористическим акциям для достижения целей прибегали ещё в древности. Широкую известность получила деятельность сикариев в древней Иудее против римлян [56]. В то же время следует отметить, что современный экстремизм и международный терроризм начал формироваться относительно недавно. Его идеологи видели в данных действиях самое быстрое и эффективное решение существующих в обществе проблем.

Современный экстремизм и терроризм как политическое мировоззрение и учение начал формироваться в Европе в середине XIX столетия. Именно в этот исторический период была сделана первая попытка обосновать и оправдать деструктивную идеологию как неотъемлемую часть политической жизни общества. Первым крупным трудом, оказавшим большое влияние на данный феномен, является работа немецкого публициста – радикала Карла Петера Гейнцена «Философия бомбы». В рамках концептуализации радикальной борьбы К. Гейнцен постулировал легитимность применения деструктивных методов в политическом противостоянии, утверждая, что табу на уничтожение человека нивелируется, если речь идет о «высших интересах человечества». Он выражал убежденность в том, что точечные экстремистские акты, реализуемые даже малочисленной группой заговорщиков, способны дезорганизовать систему управления и спровоцировать хаос внутри любого мощного государства [73, с. 9].

Большое влияние на понимание этого феномена также оказала теория молекулярной революции итальянского политического деятеля и философа Антонио Грамши, сформулированная в знаменитых «Тюремных тетрадах» во время его заточения. Центральной основополагающей идеей концепции Грамши является учение о гегемонии как о пути развала государства. Грамши утверждает, что гегемония не застывшее, однажды достигнутое состояние, а динамичный, непрерывный процесс. Гегемония – не просто согласие, но благожелательное (активное) согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу. При этом он подчеркивает, что "гегемония, будучи этико-политической, не может также не быть экономической". Соответственно, подрыв гегемонии влечет за собой и подрыв основ всего государства. Наиболее эффективной формой воздействия на гегемонию власти является подрыв его идеологических устоев путем непрерывного влияния на обыденное сознание, на повседневные мысли среднего человека. Самым действенным методом воздействия является неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру, главным же проводником в разрушении гегемонии должна выступать интеллигенция [204].

Развивая данное положение, мы в своих более ранних публикациях указывали, что «спустя полтора столетие учение А. Грамши актуализировалось, став востребованным среди деструктивных группировок. Сегодня многие экстремисты и террористы используют метод, предложенный Грамши. Как показала практика, они в своей пропаганде и агитации стремятся воздействовать не на разум, а на чувства простого человека. Так, в их речи отсутствует какая-либо логика и анализ. При этом свою идеологию и мировоззрение они преподносят как единственно правильных и справедливых. Происходящие общественно-политические процессы вокруг трактуются очень узко, исходя из интересов собственной идеологии и политических целей» [5-А, с. 65].

Важно отметить, что на протяжении долгого времени одной из основных проблем в исследовании экстремизма и терроризма остаётся застывшее отношение к данной проблеме. В результате, строго придерживаясь устоявшихся неизменных точек зрения, упускались из виду другие важные источники роста экстремистских и террористических идей, тем самым повлияв на объективное исследование данного вопроса.

В этой связи первым крупным научным прорывом, позволившим отойти от устоявшегося стандартного подхода, можно назвать теорию «относительной депривации», предложенной американским исследователем Тедом Робертом Гурром [37, с. 60-61]. Согласно этой теории, люди начинают проявлять наибольшее недовольство и склонность к насилию при расхождении между ценностными ожиданиями группы и ее нереализованными ценностными возможностями. Т.Р. Гурр сформулировал три модели относительной депривации:

- ценностные ожидания остаются теми же, а возможности убывают;
- ценностные ожидания возрастают, а возможности остаются прежними;
- ценностные ожидания возрастают, а возможности убывают [264, с. 5].

Принимая во внимание то, что проблема экстремизма и терроризма в контексте Республики Таджикистан, прежде всего, подразумевает взаимосвязь с религией, на наш взгляд, важно предоставить детальный анализ этимологии и сущности религии.

Первым же из известных случаев употребления термина «религиозный экстремизм» является заметка «Пивовары Огайо» в газете «Сент-Пол Дэйли Глоуб» (Миннесота) от 16 мая 1883 г., в которой описывалось собрание пивоваров, протестующих против позиции некоторых представителей местного духовенства, обвинивших производителей алкоголя в аморальности и отступлении от истин христианства. В течение нескольких лет термин получил распространение, первоначально в публицистике США, для обозначения весьма широкого круга явлений: от обосновываемых религиозной

риторикой выступлений за трезвость до самоубийств в состоянии религиозного исступления [162, с.177].

Для правильного и объективного рассмотрения столь сложного феномена, как религиозный экстремизм, который, по сути, является основной доктриной многих деструктивных групп, необходимо тщательно определить этимологию происхождения двух первоочередных и ключевых терминов – "религия" и "экстремизм".

Термин "религия" восходит своими корнями к латинскому слову «religio» – благочестие, святыня, предмет культа [254]. Рассматривая религию как одного из древнейших устоявшихся социальных феноменов, следует исходить из того факта, что религия несет в себе определенное сформировавшееся миропонимание о роли человека в этом мире. Религия испокон веков занимает значимое место в духовной жизни любого общества. Религия выступает в ранге сформировавшегося права, моделируя нормы и правила поведения граждан. Религиозные догмы и каноны направлены на формирование у людей твердых непоколебимых убеждений. Другой важной составляющей религии является то, что она отражает точку зрения различного рода социальных слоев и пластов путем выражения их духовных устремлений и чаяний, что в конечном итоге является важнейшим фактором общественной интеграции. Религия, будучи многофункциональным институтом, включает в себя различные функции. Наиболее значимыми среди них являются компенсаторная, коммуникативная, регулятивная, легитимирующая, идеологическая и интегративная. Одним словом, религия – это намного больше, чем просто вера – это целый огромный пласт воздействия на жизнь, как отдельно взятого индивида, так и целого общества. Высокий авторитет религии способствует тому, что зачастую она становится основным инструментом, активно используемым для достижения корыстных политических или социальных целей. Любая религия обычно состоит из следующих основных элементов:

- религиозное сознание (идеология и религиозная психология);

- религиозный культ (отношения);
- религиозные организации. Сакральность этих элементов подтверждается также и в работе П.Л. Бергера [31, с. 147].

Религиозная идеология представляет собой приведенные в систему взгляды, касающиеся существования сверхъестественной силы, творящей мир и безраздельно господствующей в нем. В настоящее время религиозная идеология, в частности включает:

- догматику;
- богословие;
- учение о культах (экзегетика);
- церковную археологию;
- учение об отцах церкви (патрология);
- историю святых книг церкви;
- правила проведения служений (гомилетика) [255].

Генезис понятия восходит к латинским терминам «*extremitas*» (крайность) и «*extremus*» (крайний), которые исторически применялись для обозначения предельной, наиболее удаленной точки от условного центра или нормы (например, лат. «*extremitas mundi*» – граница мира). В этимологическом контексте экстремизм семантически тождественен научному понятию «экстремум» («*extremum*» – крайнее), выступая маркером выхода за рамки пространственных, временных или ценностных величин, общепринятых в качестве нормативных [119, с. 799].

Этимологический анализ религиозного экстремизма позволяет сделать вывод, что данный вид экстремизма базируется и формируется исключительно на основе идеологии, в данном случае – религиозной. Их стремление путем установления, укрепления и доминирования своих религиозных взглядов, ценностей, идей и убеждений в обществе, методом их активной пропаганды среди населения, сопровождающаяся открытым демонстрированием не только нетерпимости и не восприятия другого религиозного мировоззрения, но и

преследованием и уничтожением. Соответственно, вид экстремизма определяет содержание и характер, а не деяния [99].

Проблема заключается в том, что главным отличием религиозного экстремизма от прочих религиозных течений является убеждение в «своем превосходстве над другими». Это убеждение, по их разумению, дает им «моральное право» нарушать законы государства, нормы светского общества, и расправляться со своими оппонентами не только идеологически, но и физически. Что касается терроризма, то его доктринальным и концептуальным базисом выступают радикальные течения религиозных учений, характеризующиеся тоталитарной направленностью. При этом значительная часть подобных теологических систем возникает в результате сектантской фрагментации традиционных конфессий, подвергая их каноны радикальному ревизионизму. Подвергаются тенденциозной трактовке основные догматические послы/положения, вырываются из контекста сущностные теологические смыслы, что наносит ущерб традиционному вероучению. Глубинные процессы, сопровождающие религию, ее ценности и традиции, демонстрируют важность изучения для нее рисков через призму учета культурологических особенностей общества, в том числе от культурных установок и практики, целей, ценностей и интересов индивида в момент восприятия идеологии религиозного экстремизма как риска [101, с. 96].

Исходя из этого, религиозный экстремизм преимущественно детерминирован содержанием религиозной идеологии, лежащей в его основе, т.е., без религиозной идеологии нет и религиозного экстремизма. Но и наличие одной только идеологии не делает экстремистским конкретную религию, хотя верно и то, что ростки экстремизма потенциально содержатся в любой религиозной идеологии, а селективная актуализация подобных ростков при благоприятных экономических, политических, социальных, культурных и иных условиях может вести к экстремистской метаморфозе любой идеологии. Значит и проблема сводится к выяснению того, кто и в чьих интересах будет расставлять акценты среди идеологических приоритетов религии, какие

именно положения священных текстов будут взяты в качестве идейных ориентиров, которыми должны будут руководствоваться в своей повседневной деятельности массы верующих. От этого зависит и то, какое именно религиозное направление утвердится в данных конкретно-исторических условиях и получит возможность влиять на сознание и чувства верующих. Идеологическая мотивация экстремизма содержанием конкретной религиозной идеологии дает нам достаточные основания для выделения различных форм и разновидностей религиозного экстремизма, среди которых можно выделить исламский экстремизм, христианский экстремизм, иудейский экстремизм, буддийский экстремизм и т.д. От этого зависит и то, какое именно религиозное направление утвердится в данных конкретно-исторических условиях и получит возможность влиять на сознание и чувства верующих [182, с.105].

В то же время отметим, что терроризм направлен на устрашение и запугивание общества. Терроризм широко применялся в Европе в период и после Великой французской революции [93, с. 98-99]. За это время терроризм только совершенствовался, становясь все более изощренным, разрушительным и опасным для государств и обществ, превратившийся в реальную угрозу для всего человечества. Терроризм и религиозный экстремизм во многом взаимосвязаны. Террористы, руководствующиеся религиозными догмами, направляют свою деятельность на искоренение светских традиций в обществе. В данном контексте, прежде всего, следует обратить внимание на тот факт, что религиозный экстремизм подразделяется на различные формы, которые зачастую смешиваются между собой. Поэтому, экстремизм фактически не существует в единственном виде. Исследователи указывают, что «среди наиболее распространенных форм религиозного экстремизма следует выделить следующие:

- внутриконфессиональный (направлен на глубокую деформацию конфессии);
- иноконфессиональный (направлен на устранение других конфессий);

- личностно-ориентированный (направлен на деструктивную трансформацию личности);
- этнорелигиозный (направлен на преобразование этноса);
- религиозно-политический (направлен на изменение политической системы);
- социальный (направлен на изменение социально-экономической системы)» [237].

Также важно отметить, что, исследуя идеологию экстремизма, важно уделить специальное внимание определению критерий, то есть, что же является по своей сути религиозным экстремизмом? Данный подход раскрывает более глубинные причины религиозного экстремизма, а не фокусируется лишь на внешних поверхностных визуально обозримых признаках. В этом аспекте большой интерес представляет научная классификация, предложенная В.А. Бурковской, которая характеризует религиозный экстремизм следующим образом:

1. ««Однозначное» объяснение проблем существующего мира и предложение таких же «простых и обязательно помогающих» способов решения проблем;
2. Разделение бытия на «абсолютное добро» и «абсолютное зло», причем злом признается фактически все, что не вписывается в данную систему;
3. Гиперболизация одной проблемы, придание ей доминирующего положения, несоответствующего принятой в обществе иерархии ценностей;
4. Игнорирование, нивелирование других ценностей и норм» [34, с. 15].

Для глубокого понимания внутренней природы исследуемого феномена представляется целесообразным обратиться к категориальному аппарату российского религиоведа И.П. Давыдова, который предлагает комплексную четырехкомпонентную матрицу детерминации данного явления, утверждая, что «религиозный экстремизм делает:

1. Религиозное общественное (реже индивидуальное) сознание, и только если ему присущи признаки тоталитаризации и гиперболизации ценности определенного конгломерата религиозных идей в ущерб всем остальным религиозным и светским идеям (например, нигилизм и фанатизм).

2. Религиозная идеология, характеризующаяся произвольным провозглашением «абсолютной истины», сопровождающееся игнорированием или пренебрежением значимости альтернативных точек зрения. При этом, аксиологически мир окрашивается монохромно, с резким отграничением своего «белого» от всего остального «черного».

3. Религиозная деятельность, направленная на воплощение в жизнь провозглашенной идеологии с использованием методов физического и психического насилия.

4. Религиозные организации, подпадающие под легальное определение «экстремистской организации». Религиозному экстремизму могут быть присущи такие черты, как партикуляризм, конформность умонастроений, иррациональность мышления, иррегулярность проявления, стереотипизация поведения (социальная ригидность), т.е., слепое копирование образцов, чреватых «славой Герострата»» [206, с. 136].

Для объективного понимания нынешней формы религиозного экстремизма и терроризма необходимо тщательно и досконально его проанализировать, обратиться к его истокам и корням. В силу того, что базовые конфессии обладают интенцией на эксклюзивное владение истиной, истоки радикальных проявлений латентно кроются в искаженном толковании канонических доктрин со стороны отдельных религиозных авторитетов. Необходимо констатировать, что семантическая многозначность некоторых сакральных текстов формирует условия для их тенденциозной интерпретации экстремистскими структурами. Подобные прецеденты верифицируются как в христианстве, где радикальные течения нередко апеллируют к евангельским метафорам (например, «не мир пришел Я принести, но меч...» [Мф. 10:34]), так и в Исламе [110, с. 795].

В зависимости от характера институционального генезиса, процессы радикализации в религиозной сфере могут разворачиваться в рамках двух основных векторов:

1. Внутриконфессиональный вектор, выражающийся в радикализации устоявшихся догматов, ценностных ориентаций и канонических норм внутри конкретного вероисповедания (примером служат анабаптизм в христианстве, ваххабизм в Исламе и др.);

2. Внеконфессиональный вектор, формирующийся на основе синкретического объединения разнородных учений и доктрин либо посредством искусственного конструирования принципиально новых деструктивных культов (например, «Аум Синрикё»).

Ключевой целью религиозного экстремизма выступает фундаментальная реформация существующей религиозной системы в целом либо коренная перестройка её отдельных системообразующих компонентов. Исходя из специфики целеполагания, в политической науке дифференцируют два базовых типа данного феномена: внутриконфессионально ориентированный и социально ориентированный [137, с. 818].

Рассматривая социокультурную специфику верований в рамках компаративного анализа форм общественного сознания, британский философ Бертран Рассел подчеркивает многоаспектную структуру религиозного института, отмечая: «С социальной точки зрения, религия представляет собой более сложное явление, чем наука. В каждой из великих исторических религий присутствуют три элемента:

1. Церковь.
2. Вера.
3. Кодекс личной морали.

Относительная важность каждого из этих элементов изменялась с течением времени и была разной у различных народов. В древних религиях Греции и Рима – пока стоики не превратили их в этику, не слишком много внимания уделялось личной морали; в исламе церковь всегда имела меньшее

значение, чем светская власть; а в современном протестантизме проглядывает тенденция смягчить догматизм веры. Тем не менее, все три элемента – пусть в неодинаковых пропорциях – существенны для религии как социального феномена» [252].

Взаимосвязь политики и религии имеет неразрывную историю с древнейших времен, начиная с появления первых государств античности. Так, многие правители древности порой сочетали в своих руках светскую и духовную власть одновременно. Со временем с историческим развитием государства произошло разделение власти между двумя центрами силы. Тем не менее, их взаимоотношение базируется на большом историческом пласте, так как традиционно действующая правящая власть и религия в отдельно взятом государстве исторически всегда тесно переплетались и удачно друг друга взаимодополняли. Религия служила не только прочной социальной опорой власти, но и священное писание, по сути, служило официальной доктриной государства в осуществлении своей политики. Достаточно вспомнить, что именно под религиозными лозунгами осуществлялись многие политические инициативы, в том числе крестовые походы, испанская Реконкиста, гугенотские войны, гуситские войны и, конечно же, знаменитая тридцатилетняя война. Активное использование религии в политике местами приводит к политизации религии, что в конечном итоге способствует росту экстремизма [27, с. 86].

Российский исследователь М.К. Арчаков в своем диссертационном исследовании выделяет детерминирующие факторы, катализирующие деструктивные проявления в современном социуме:

1. Активизация возрожденческих процессов в религиозной сфере, зачастую сопряженная с их политизацией. На фоне дефицита системных теологических знаний у населения рост религиозного сознания создает условия для деструктивного манипулирования ценностными ориентациями верующих ради достижения политических целей радикальных структур.

2. Несбалансированность государственной политики в сфере регулирования межконфессиональных отношений и отсутствие четко выверенных механизмов взаимодействия с представителями различных религиозных общин.

3. Деструктивное идеологическое воздействие внешних религиозных миссионеров, ориентированное на искусственное обострение межконфессиональных противоречий в геополитических интересах зарубежных акторов.

4. Институциональный кризис и пассивность традиционных конфессий, влекущие за собой эрозию доверия к ним со стороны наиболее уязвимых социальных страт, в особенности – молодежной среды.

5. Системная деятельность радикальных религиозных объединений и сектантских формирований, спекулирующих на идеях фундаментализма и конструирующих специфический социально-информационный базис для институализации экстремистских организаций [184, с. 96-97].

Из предложенных российским учёным М.К. Арчаковым пяти факторов, наиболее актуальными, на наш взгляд, являются первые два. Процесс ренессанса института религии проходил очень болезненно и бессистемно, спонтанно и местами хаотично. При этом государство не имело четко выстроенной политики, что стало результат допущенных фатальных ошибок.

Анализируя процесс проникновения, развития и закрепления идей экстремизма и терроризма в обществе необходимо отметить, что сам по себе данный процесс сложный и многоэтапный. Исследование российских ученых показало следующие основные этапы формирования и распространения деструктивной идеологии в современном обществе:

На первом, самом начальном этапе его формирования, в обществе возникает определенная идеология, представляющая собой некоторую систему крайних взглядов на формы и способы разрешения какого-либо актуального социального противоречия.

В рамках второго этапа сформированная идеологическая доктрина катализирует процессы собственной латентной экспансии, существенно масштабируя ареал своего информационного и ценностного воздействия. Начинают приобретать себе более или менее обширные круги своих сторонников и приверженцев, которые усваивая новые взгляды начинают отстаивать и пропагандировать их в кругу людей, озабоченных морально-теоретическими проблемами общества.

На третьем этапе новые идеи начинают овладевать уже и массами (не десятками и сотнями, а уже тысячами людей), чему способствует деятельность популяризаторов и проповедников новых идей.

На четвертом этапе новая идеология воспринимается уже не только идеологами, но и практическими деятелями, создающими на ее основе соответствующие конкретные планы и программы переустройства общества в соответствии с новыми идеями. Под указанные стратегические планы и программы активизируются процессы рекрутирования не столько пассивных приверженцев модернизированной доктрины, сколько непосредственных деструктивных акторов, ориентированных на практическую имплементацию данных установок. Разрабатывается стратегия и тактика достижения поставленных целей.

На пятом этапе формирования феномена экстремизма, уже устоявшиеся структуры и имеющие значительное количество сторонников и «боевиков», приступают к конкретным деструктивным акциям. Их деятельность протекает уже в изменившейся социальной среде, в которой они находят достаточное число сочувствующих и способствующих реализации их планов. При этом ключевым детерминантом институционализации структуры выступает обеспечение её деятельности финансовыми ресурсами и формирование устойчивой материально-технической базы [84, с.30-31].

Экстремисты действуют не в целях личного или группового обогащения, а ради достижения более «высоких» целей, которые ими часто приносятся в жертву и чужие, и собственные материальные интересы, а нередко и сами

жизни. Такими целями могут быть: «освобождение» каких-либо угнетаемых или притесняемых (по оценке самих экстремистов) социальных групп или народов, завоевание суверенной политической власти (полной или частичной), обретение независимости от каких-либо социальных групп или народов; утверждение в обществе нового, «более справедливого» государственного порядка и т.д. Однако экстремизм, в отличие от простого терроризма, предполагает, кроме того, еще и определенную идеологическую основу. К террору могут прибегать и обычные уголовные преступники. Экстремисты же всегда руководствуются некоторыми «идейными» соображениями. Более того, экстремизм может и не выражаться (особенно в начальной стадии его развития) ни в каких социальных действиях, и может ограничиваться одной только идеологической и пропагандистской (или проповеднической) деятельностью. Именно в этом и состоит своеобразие рассматриваемого феномена по сравнению с другими, родственными ему негативными социальными явлениями. Образно говоря, экстремизм – это всегда идеологически нагруженная негативная социальная деятельность [84, с.29].

Природа и сущность экстремизма и терроризма таковы, что подразумевают активную социальную направленность. При этом они на практике используют оба основных вида деятельности – экстремистское действие и экстремистскую речь. Говоря о публичности экстремизма и терроризма необходимо учитывать тот факт, что деструктивная идея проникает во все слои общества. Наиболее беспристрастно и объективно раскрыл суть публичной деятельности экстремистских организаций российский ученый М.К. Арчаков. Он констатирует, что доминирующая часть радикальных акций детерминирована фактором публичности. Данный аспект выражается в целенаправленном стремлении деструктивных акторов апеллировать к массовой аудитории. Подобная стратегия ориентирована не только на демонстрацию собственного потенциала, но и на масштабирование лояльной социальной базы, равно как и на легитимацию своих противоправных действий посредством спекуляции на «чрезвычайных обстоятельствах». В

этих целях экстремистские структуры активно задействуют как собственную информационно-коммуникационную инфраструктуру (профильные веб-ресурсы, печатную агитационную продукцию), так и любые медийные каналы, включая интервью и аналитические публикации в официальных средствах массовой информации [184, с. 58].

В данном контексте, на наш взгляд, большое внимание, прежде всего, необходимо уделить вопросу мотивации экстремистов и террористов. То, что для них служит побудительным мотивом, фактически, становится смыслом их жизни и подталкивает совершать преступные действия.

Рассмотрение мотивации позволяет выявить не только основное направление деятельности религиозных экстремистов и террористов, но и раскрыть смысл их деятельности. Следует отметить, что детерминация экстремизма и терроризма носит комплексный характер ввиду гетерогенности провоцирующих его факторов. В частности, исследователь Ю.Г. Касперович дифференцирует девять ключевых мотивационных моделей:

1. Меркантильный (материальный) мотив – для большинства рядовых членов экстремистских и террористических организаций именно он является первостепенным.

2. Идеологический мотив, детерминированный совпадением персональной ценностной системы индивида с доктринальными установками радикального сообщества. Данный стимул актуализируется в процессе инклюзии личности в близкую по духу квазисоциальную общность.

3. Мотив трансформации окружающей действительности, генезис которого связан с глубокой социальной фрустрацией индивида, осознанием несовершенства существующего миропорядка и радикальным стремлением к его насильственному переустройству.

4. Мотив властного доминирования, выступающий одним из глубинных психологических драйверов человеческой активности, где потребность в контроле над окружающими становится главным вектором деятельности.

5. Мотив латентного самоутверждения, тесно коррелирующий с интенцией на подавление и подчинение социума. Подобный деструктивный паттерн поведения позволяет индивиду компенсировать комплексы и обеспечивать иллюзию личной безопасности, легитимируя свои действия идеологическими догмами.

6. Мотив специфического интереса, базирующийся на привлекательности экстремистской и террористической деятельности как экстремальной сферы самореализации.

7. «Товарищеский» мотив, в основе которого лежат различные формы эмоциональной привязанности – от кровной мести за ликвидированных соратников или единоверцев до конформизма, когда в деструктивную организацию вовлекаются лица из ближайшего дружеского или родственного окружения.

8. Молодёжный романтизм и псевдогероизм, выражающиеся в стремлении придать своей жизнедеятельности маргинальную исключительность и яркость. Зачастую это сопровождается уходом в область деструктивных мифов о «бесстрашных борцах за справедливость», готовых к самопожертвованию ради свержения существующего строя.

9. Игровая мотивация, тесно переплетенная с потребностью в неоправданном риске, опасных операциях и перманентном поиске адреналина. В процессе планирования акций и ухода от преследования субъект испытывает пик эмоционального напряжения. Данный аспект также проявляется в специфической конфронтационной «игре» с государственными институтами, силовыми ведомствами и СМИ, где публичное принятие ответственности за теракты служит инструментом деструктивного самовыражения [122, с. 81-82].

При анализе мотивации необходимо учитывать все грани, подталкивающие индивида к подобному поведению. Как справедливо отмечает Ю.Г. Касперович: «Мотивация преступного поведения имеет многоуровневый характер. Сами по себе, мотивы в значительной мере бессознательны, поэтому их необходимо различать в зависимости от многих

факторов, в том числе и от видовой принадлежности конкретного преступного акта. Многие мотивы переплетаются друг с другом, одни могут осознаваться (в различной степени), другие нет. В конкретных видах экстремистского поведения мотивы заметно отличаются даже в рамках одного и того же преступного акта, разные его участники могут стимулироваться разными мотивами» [122, с. 81].

Ценность раскрытия мотивации экстремистов и террористов позволяет выявить ключевые факторы, непосредственно подталкивающие индивида к подобной деятельности. Экстремизм и терроризм являются очень динамичными явлениями, методы проявления которых постоянно совершенствуются деструктивными организациями в процессе своей преступной деятельности. Научная полемика вокруг экстремизма и терроризма не утихает, но, к сожалению, в большинстве случаев она носит узконаправленный характер, затрагивая лишь их отдельные моменты. На наш взгляд, сегодня назрела острая необходимость в синтетическом подходе, объединяющем методы противодействия экстремизму и терроризму с глубоким анализом генезиса радикальных идей. Выявление объективных детерминант этого процесса позволит не просто купировать внешние проявления экстремизма, но и трансформировать саму социальную среду, делая её невосприимчивой к разрушительному идеологическому воздействию. В частности, данный подход позволит раскрыть сущность факторов, находящихся в латентном состоянии, и прежде всего – феномена скрытого насилия, которое зачастую предшествует открытой фазе деструктивных и агрессивных проявлений в обществе. Подобная точка зрения находит широкую поддержку в работах выдающегося норвежского социолога и теоретика безопасности Йохана Галтунга, который ввел концепцию структурного насилия как невидимого, но определяющего фактора социальных конфликтов [299, с. 175].

Мотивационные факторы радикализации необходимо рассматривать в тесной связи с действующими механизмами внедрения и легитимации

деструктивных идей в современном – информационном обществе. В научном дискурсе одной из наиболее эффективных моделей целенаправленной трансформации общественного сознания признается концепция «Окно Овертона» [294]. Согласно данной теоретической модели, через последовательное прохождение шести этапов – от «немыслимого» до «действующей нормы» - в общественное поле могут быть интегрированы даже наиболее маргинальные и антисоциальные идеологемы. Особую опасность представляет адаптация этих технологических приемов субъектами религиозного экстремизма, которые используют механизмы смещения границ допустимого для постепенной деконструкции традиционных ценностей и замещения их радикальными установками. В свою очередь, этот процесс не только способствует росту экстремистских настроений, но и существенно усложняет процесс профилактики и предотвращения экстремизма [294].

Предупреждение экстремизма и международного терроризма с позиции системного подхода требует решения двух задач: предупреждение идеологии и экстремистских действий по реализации религиозных доктрин. Предупредительное воздействие на идеологию религиозного экстремизма необходимо осуществлять, учитывая, что все религии включают в себя элементы экстремистской идеологии и тесно связаны с национально-культурными особенностями конкретных народов. Необходимо понимать, что неблагоприятная социально-экономическая ситуация способствует проявлению негативных сторон вероучений, и наоборот [165, с. 119].

Проведенный анализ наглядно свидетельствует о том, что исследуемая проблема всегда находилась в поле зрения научно-экспертного сообщества. Причина данного интереса, на наш взгляд, обуславливается двумя основными факторами:

Первый фактор данного интереса кроется в природе экстремизма и терроризма. Побудительным мотивом служат различные социальные факторы, в том числе политические, экономические, культурные, идеологические, религиозные и иные.

Второй фактор заключается в том, что данное явление стало оказывать серьезное влияние на общественно-политические процессы в государстве. Часть граждан стали активно использовать экстремистско-террористическую деятельность для продвижения своих целей.

Согласно классической философской традиции, восходящей к античным временам Платона, именно идеи выступают определяющим вектором развития социальной реальности [72]. К сожалению, в определенные исторические этапы развития государства, в обществе начинают проявляться, распространяться и укрепляться деструктивные идеи. Восприимчивость определенной части социума к экстремистско-террористическим воззрениям обусловлена тем, что общество включает в себя различные страты, которые находятся между собой в постоянном противостоянии.

По нашему глубокому убеждению, эффективная борьба с экстремистской и террористической угрозой неосуществима вне перманентного и системного анализа данного феномена. Лишь посредством комплексного мониторинга причинно-следственных связей его генезиса возможно достичь значимого успеха в минимизации рисков.

Выводы

1. Экстремизм и терроризм как явления социального и политического характера всегда были в центре внимания различных научных кругов. На наш взгляд, интерес к исследуемой проблематике обусловлен, главным образом, целым рядом объективных факторов. Важными среди них являются, как объективное понимание привлекательности самой деструктивной идеологии в обществе, так и выявление склонности определенных людей прибегать к столь категоричным и антисоциальным действиям.

2. Уровень экстремизма и терроризма достиг масштаба, не имеющего аналогов в истории человечества. В результате, экстремизм и терроризм стали оказывать большое влияние на безопасность современных государств. Появление экстремизма и терроризма в жизнедеятельности общества имеет чрезвычайно негативные последствия для государства. В конечном итоге,

активность деструктивных групп способствует как расколу социума, так и системной деформации социально-политических институтов, а также глубокой ценностно-нормативной аномии общества в целом.

3. Ключевая теоретико-методологическая трудность, возникающая в процессе исследования феноменов экстремизма и терроризма, заключается в том, что несмотря на всю актуальность и востребованность данной проблемы, до сих пор отсутствует общепринятая дефиниция термина. Более того, в современной научной среде признано множество различных дефиниций по экстремизму и терроризму. Такое положение дел вызвано, прежде всего, как сложностью феномена экстремизма и терроризма как социального явления, так и используемыми методами и подходами при его определении.

4. Политика и религия на протяжении всей истории человечества имеют неразрывную связь. При этом они активно и постоянно воздействуют и влияют друг на друга. В данном контексте при изучении религиозного экстремизма и терроризма следует отметить, что именно религиозная идеология выступает как некий манящий и притягивающий фактор, вовлекающий людей в ряды экстремистско-террористических группировок.

5. Большое и беспристрастное внимание, на наш взгляд, необходимо уделить фактору мотивации. Объективный анализ позволит достигнуть важных и стратегических целей. Так, на практике он будет способствовать пониманию причин присоединения к экстремистско-террористическим организациям, но и что более важно, выработке конкретных адресных мер, ориентированных на нейтрализацию деструктивного потенциала экстремистских и террористических проявлений.

1.2. Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы как основополагающий документ

Последние внутрирегиональные и глобальные тенденции в сфере борьбы с международными террористическими и экстремистскими

организациями свидетельствуют о существующих пробелах в области обеспечения безопасности государства. Их преодоление невозможно без единого алгоритма комплексных действий. Как правило, такие действия подразумевают разработку и последующее внедрение в жизнь базового универсального документа, нацеленного на эффективное и своевременное воздействие на проблему. Безусловно, к числу подобных документов относится национальная контртеррористическая стратегия, в рамках которой реализуется полномасштабная государственная политика в строго определенных хронологических рамках. Соответственно, подобные правовые акты нацелены на достижение поставленных государством стратегических целей и задач [10].

Концептуальные положения, развиваемые автором на протяжении ряда лет в области анализа документов стратегического планирования, сводятся к следующему методологическому базису: «Термин «стратегия» за последнее время приобрел большую значимость и актуальность в экспертно-аналитической среде, став предметом активной полемики. Непрерывающаяся дискуссия в научном сообществе вокруг документов подобного характера стала устойчивым трендом современной науки. Отметим, что интерес к стратегии обусловлен целым рядом объективных факторов, среди которых, прежде всего, следует отметить нижеследующие:

- во-первых — это формат документа, который представляет сформировавшуюся официальную позицию государства путем разработки определенной системы воззрений, взглядов и подходов;

- во-вторых, уникальность и ценность стратегии как государственного документа заключается в том, что, будучи государственным курсом, она определяет национальные интересы, в частности цели, задачи, приоритеты и практические механизмы ее реализации;

- в-третьих, социальная направленность документа. Природа и статус документа таковы, что требуют консолидацию усилий всех заинтересованных сторон. К тому же, стратегия требует синхронности в проведении совместных

мероприятий, согласно утвержденному плану действий. В конечном итоге задачей стратегии является достижение позитивных фундаментальных социальных сдвигов в решении данной проблемы;

- в-четвертых, структура подобных программных документов базируется на скрупулезном и детальном анализе проблемы;

- в-пятых, в контексте проблемы экстремизма и терроризма восприятие существующих вызовов и угроз в обществе на уровне стратегии демонстрирует качественно новый уровень их осознания со стороны государства» [4-А, с. 126-127].

Обеспечение надежной защиты коренных интересов как всего государственного аппарата, так и каждого отдельного гражданина выступает главным императивом, который заложен в Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016–2020 гг. Так, по своей сути, Стратегия является основным документом, способным защитить интересы государства в его борьбе с такими устоявшимися угрозами, как международный терроризм и экстремизм. Более того, Стратегия качественно меняет механизм действий, поскольку общество перестает быть сторонним наблюдателем и превращается в эффективного партнера государственных структур в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Стратегия наделяет полномочиями каждого участника противодействия экстремизму и терроризму и юридически оформляет поле их деятельности [10].

Стратегически, терроризм – это социальная манифестация зла, и он требует полного уничтожения. Человечество нуждается в детальной разработке и реализации глобальной антитеррористической стратегии, включающей, в себя во-первых, стратегию предотвращения терроризма и экстремизма, во-вторых, стратегию борьбы с террористами и экстремистами: расследование их преступлений и преследование по суду в соответствии с нормами правоприменения, и, в-третьих, восстановление нормальной социально-экономической жизнедеятельности после террористических атак,

которые еще долгое время, как это не трагично сознавать, будут происходить [50, с. 139].

В этой связи следует указать на тот факт, что экстремизм и терроризм как социальные явления подвергаются серьезному воздействию со стороны различных общественных факторов. В официальном Руководстве ОБСЕ особ подчеркивается, что «террористическая радикализация – это динамический процесс: его можно ускорить, замедлить, а в некоторых случаях и обратить вспять» [251, с. 42], что актуализирует необходимость глубокого научно-теоретического осмысления латентных механизмов деятельности экстремистских структур и масштабов экспансии их деструктивной идеологии.

Острота и нелинейный характер современных вызовов радикализации обуславливают необходимость перманентного поиска качественно новых концептуальных подходов и превентивных методов противодействия. Как показывает эмпирический опыт, традиционный инструментарий сдерживания террористических организаций зачастую демонстрирует ограниченную эффективность, что в конечном итоге актуализировало потребность в разработке и институционализации стратегических документов более высокого государственного статуса.

Институциональным базисом для развертывания системных мер безопасности в данном направлении послужил Указ Президента Республики Таджикистан от 12 ноября 2016 года (№ 776), утвердивший «Национальную стратегию Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы» [10]. Важно подчеркнуть прецедентный характер данного нормативно-правового акта – в Центральной Азии Таджикистан стал первым государством, переведшим стратегическое планирование в сфере борьбы с радикализацией и террористическими угрозами на наднациональный концептуальный уровень.

Во введении документа аргументированно перечислены основные причины, побудившие государство разработать и внедрить национальную

стратегию. Ключевым детерминантом актуализации антитеррористической повестки выступило то, что Республика Таджикистан, сталкиваясь с эскалацией экстремистских угроз национальной безопасности, была вынуждена интенсифицировать контрмеры против данных деструктивных вызовов. Синхронно фиксировалась активизация радикальных структур, ориентированных на экспансию деструктивной идеологии, разжигание конфессионального раскола, рекрутирование молодежи и совершение актов политического насилия с целью насильственной трансформации конституционного строя. Вполне закономерно, что в целях защиты прав и свобод граждан, государственного строя и общественной стабильности, Таджикистан инициировал адекватный институциональный ответ. Опираясь на практический международный и отечественный опыт, возникла объективная необходимость имплементации комплекса мер, нацеленных на нивелирование идеологических, социально-экономических, правовых и институциональных триггеров радикализма.

В данном контексте принятая на период 2016-2020 годов Национальная стратегия, ориентированная на противодействие экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан, выполняя функцию базового доктринального документа, концептуализирует целеполагание, задачи и стратегические векторы государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности [10, с. 2].

Специфика данного документа заключается в том, что в нем государством впервые определены наиболее значимые принципы, которыми необходимо руководствоваться при реализации национальной стратегии, среди них:

- понимание – объективное осознание деструктивного потенциала, масштаба и характера угрозы такого негативного социального явления для традиционного общества, как деятельность экстремистских и террористических группировок;

- открытость – максимальная прозрачность исполнения пунктов стратегии активное взаимодействие с представителями гражданского общества в рамках действующего законодательства и в соответствии Конституцией страны;

- координация – широкое вовлечение ответственных министерств и государственных ведомств в решении данной проблемы, обеспечение координации с целью плодотворного сотрудничества при полной синхронизации действий путем разделения ответственности;

- адекватность – наиболее эффективное использование имеющихся в наличии ресурсов, в том числе человеческих, финансовых, материально-технических, научно-информационных в рамках утвержденного пятилетнего плана действий;

- мониторинг – осуществление перманентного надзора деятельности профильных министерств, ведомств и партнерских институтов гражданского общества. Данный принцип предполагает систематическую верификацию уровня фактического выполнения возложенных обязательств в строгом соответствии с утвержденным временным регламентом Плана реализации Национальной стратегии.

Система целей рассматриваемой Стратегии ориентирована на комплексную защиту национальных интересов и включает в себя ряд ключевых векторов:

- в аналитическом измерении: осуществление системного мониторинга факторов и актуальных тенденций радикализации;

- в стратегическом измерении: нормативно-доктринальная фиксация основных направлений государственной политики в сфере безопасности, нацеленных на защиту основ конституционного строя;

- в правовом измерении: перманентная модернизация регулятивной и организационно-институциональной базы, равно как и оптимизация правоприменительной практики в области противодействия радикализму;

- в социокультурном измерении: стимулирование инклюзивных процессов, формирование устойчивых паттернов толерантного сознания, гражданской идентичности и межконфессионального консенсуса в обществе;
- в консолидирующем измерении: синергия и объединение усилий органов государственной власти, институтов местного самоуправления, институтов гражданского общества и международных акторов с целью блокирования каналов распространения радикальной идеологии;
- в операционном измерении: интенсификация межведомственного взаимодействия профильных ведомств в сфере пресечения сопутствующих трансграничных угроз, таких как незаконный оборот наркотических средств и легализация доходов, полученных преступным путем, выступающих финансовым базисом террористических ячеек;
- в международном измерении: поступательное расширение форматов регионального и глобального сотрудничества в области упреждения экстремистских вызовов [10, с. 2-3].

Декларируемые в рамках Национальной стратегии целевые ориентиры не просто транслируют государственные приоритеты, но и концептуально систематизируют задачи, стоящие перед политической системой Республики Таджикистан. Несомненным достоинством данного документа выступает высокая степень реализма и верифицируемости при оценке актуального состояния экстремистских угроз. В качестве фундаментального элемента архитектуры Стратегии выделяется партнерский компонент, предполагающий выстраивание устойчивых сетевых коммуникаций между государственными ведомствами, институтами гражданского общества и местными сообществами (махаллами).

Большой интерес вызывает также сама структура Стратегии. В соответствии с содержанием глав и параграфов Стратегии противодействия экстремизму и терроризму последовательно раскрывается план практической реализации приоритетных направлений деятельности.

Первая глава, состоящая из 13 параграфов, посвящена приоритетным направлениям и механизмам реализации Стратегии. В первом параграфе уделяется внимание повышению уровня правовой культуры граждан и социально-правовой защищенности личности. Одной из острых проблем среди молодежи является правовой нигилизм. Он выражается не только в низком уровне базовых правовых знаний, но и местами к осознанному неуважению действующего законодательства страны. В конечном итоге наличие в обществе данного явления потенциально чревато большими социальными проблемами. Безусловно, его преодоление требует огромного усилия всех заинтересованных сторон и практически возможно путем активизации правового воспитания граждан. Развитие и упрочение правовой культуры в общественном сознании и, прежде всего, среди молодежи, служит мощным гарантом укрепления социальной стабильности. Именно правовая культура является реальным действенным механизмом преодоления правового нигилизма среди граждан страны. В целях успешного решения данной проблематики в Национальной стратегии предусматриваются следующие задачи:

- углубленная гармонизация национальных правовых институтов и этических норм с признанными международными стандартами и универсальными ценностями посредством интенсификации межгосударственного обмена опытом и расширения партнерства с международными структурами для модернизации законодательства и усиления системы социально-правовой защиты личности;

- формирование высокого уровня правосознания, стимулирование устойчивых навыков законопослушного поведения граждан, а также повышение уровня их осведомленности о юридических последствиях деструктивной деятельности;

- гарантированное обеспечение и практическая реализация всего комплекса личных, политических, социально-экономических и культурных прав и свобод человека на всех уровнях управления [10, с. 4].

Во втором параграфе анализируются факторы, ведущие к устранению социально-экономических предпосылок. В своих научных работах современное экспертно-аналитическое сообщество справедливо уделяет пристальное внимание социально-экономическим предпосылкам экстремизма и терроризма как одному из ведущих факторов, способствующих их росту. Экономический кризис в обществе традиционно сопровождается коррупцией, безработицей, обнищанием населения, социальной незащищенностью граждан. Их прямым последствием является расслоение общества, в результате чего появляется значительная часть бедного и озлобленного населения. Данный сегмент социума имеет своё собственное понимание о социальной справедливости и социальном равенстве. Как правило, люди из данной социальной группы в реальности фактически лишены возможности собственной самореализации как личности. К тому же для них многие социальные блага остаются недоступными. Подобное положение дел не проходит бесследно, оно приводит к моральному упадку и духовному опустошению. В конечном итоге, зачастую это служит появлению и укреплению в сознании человека экстремистских и террористических воззрений и взглядов [298, с. 786-787].

В третьем параграфе рассматривается идеологический аспект, который сильно актуализировался в стране за последнее время. Несомненно, наличие в обществе общепризнанной идеологии имеет свои плюсы. Так, она предопределяет политическую культуру, политическое сознание, политическое поведение, политические ценности граждан, а также выступает важным консолидирующим элементом. В этой связи следует подчеркнуть, что в Республике Таджикистан отсутствует единая общенациональная идеология. Конечно, это также имеет свои последствия для общества. По мнению многих экспертов, одним из последствий является общественный идеологический вакуум, духовно-нравственная дезориентация и обесценивание традиционных ценностных ориентиров граждан, прежде всего, молодежи. В соответствии с социологическими закономерностями, данный содержательный разрыв стал

объектом активной доктринальной экспансии со стороны деструктивных сил, навязавших обществу альтернативные квазирелигиозные учения экстремистского и террористического характера. В этом контексте, большого внимания заслуживает мнение таджикского ученого С.И. Шарипова, который отмечает, что «потеря ценностных ориентиров, страх за будущее и растерянность являются спутниками нашей жизни, общества» [94, с. 31].

В четвертом параграфе раскрывается вопрос предупреждения и формирования культуры толерантности. Несмотря на возросший социальный спрос на толерантность, этот фактор продолжает оставаться в числе самых дискуссионных и неоднозначных вопросов. Следует отметить, что в традиционном консервативном обществе отношение к толерантности неоднозначное и воспринимается многими, как утрата исторических народных традиций. В контексте решения проблемы экстремизма и терроризма укрепление общественной толерантности играет очень важную социальную роль. Так, она формирует и устанавливает определенные общественные нормы и правила, способствуя эффективному противостоянию идеологии экстремистских и террористических группировок. Таким образом, толерантность выступает ценностно-нормативной системой, направленной на формирование в обществе идей гуманизма и миролюбия. В этом контексте особую ценность представляет научная точка зрения ведущего западного эксперта, анализирующего методы примирения консервативных традиций и толерантности в контексте предотвращения социальных конфликтов [317, с. 170].

В пятом параграфе рассматривается процесс профилактики экстремизма и радикализации среди несовершеннолетних и молодежи. Сегодня непрерывная и эффективная разъяснительно-профилактическая работа является надёжным заслоном на пути распространения идеологии экстремизма и терроризма в обществе. Она препятствует распространению экстремистских и террористических идей в обществе и, прежде всего, среди уязвимых слоёв населения. Также профилактика направлена на повышение

правовой грамотности местного сообщества. В результате, они получают достоверную информацию об истинных канонах Ислама, что значительно повышает устойчивость простых граждан к восприятию экстремистских и террористических идей [320, с. 262-266].

Общепризнанно, что одной из главных проблем нынешнего общества в Таджикистане, напрямую содействующей росту вовлечения граждан в данные группировки, является религиозная неграмотность. Обычно она выражается в неправильном и ложном истолковании и понимании основ классического ислама. Не умея отличить истинного от ложного, они попадают под пагубное влияние экстремистской идеологии. К тому же сегодня наблюдается большой поток деструктивной литературы различного содержания в цифровом и печатном формате.

В этой связи усиление профилактических и разъяснительных работ в данной сфере является актуальным и востребованным. Такая работа обеспечивает население достаточным уровнем религиозного знания. Как известно, хорошо информированный человек лучше всего защищен от негативного влияния идеологии деструктивных сил.

Шестой параграф рассматривает гендерные аспекты. В настоящее время прослеживается гендерная трансформация рекрутинговой политики радикальных структур, в рамках которой объектом целенаправленного деструктивного воздействия и вовлечения в экстремистские и террористические сообщества все чаще выступают женщины. Факторы, влияющие на их стремление присоединиться к данным группировкам различные. К их числу относятся персональный ментально–психологический характер, социально-политические, культурно-идеологические и иные факторы. В этой связи следует подчеркнуть, что участие женщин в экстремистских и террористических организациях значительно расширяет их возможности в реализации конкретных действий. Это также дает данным группировкам определенное стратегическое преимущество. Прежде всего, женщины вызывают меньше подозрений. При этом они могут активно

участвовать в различных социальных акциях и пикетах. И наконец, они могут быть задействованы в транспортировке документов, веществ или же денег, необходимых для данных организаций.

Путь к эффективному решению данной проблемы лежит исключительно в использовании гендерного подхода. Именно женщины обладают наибольшим потенциалом в его решении. Они могут быть чрезвычайно важными посредниками в контактах между правительственными учреждениями, в том числе правоохрательными органами, и местными сообществами. Они могут выявлять проблемы безопасности и потребности местного населения. Будучи членами консультативных групп граждан и муниципальных советов по вопросам безопасности, женщины могут взаимодействовать с представителями правоохрательных органов на местах и предупреждать их о проблемах безопасности, которые имеют гендерную специфику [236, с. 66]. Соответственно, они могут внести заметный вклад в успешном противодействии экстремизму и терроризму непосредственно в местном сообществе.

В седьмом параграфе рассматривается противодействие использованию глобальной сети Интернет в распространении идей экстремизма и терроризма. Прежде всего отметим, что сама аудитория Интернета ежегодно неуклонно растет большими темпами по всему миру. Возможности всемирной паутины превратили её в незаменимый стратегический ресурс для экстремистских и террористических группировок. Интернет, социальные сети и мессенджеры позволяют экстремистским и террористическим организациям эффективно решать важные для себя задачи. В первую очередь, для проведения широкой и активной пропаганды своей идеологии с целью её популяризации и расширения численности своих сторонников по всему миру. Согласно многочисленным исследованиям и экспертным оценкам, именно глобальная сеть является основным источником получения информации. Одним из трендов последнего времени является активное формирование различного рода виртуальных социальных платформ экстремистского и

террористического характера. Также с помощью Интернета регулярно осуществляются кибернетические преступления, т.е., взлом сайтов, тем самым наносится большой урон информационной безопасности страны.

Совершая свою преступную деятельность при помощи Интернета, экстремисты и террористы зачастую остаются безнаказанными, уходя от уголовной ответственности. Этому способствует специфика глобальной сети, предоставляющая уникальные преимущества. В частности, простота доступа, независимость от географического расположения, неограниченная потенциальная аудитория, высокая скорость передачи информации, трудности осуществления контроля со стороны правоохранительных органов и другие. В виртуальном пространстве осуществляется управление деятельностью автономных групп, проводится идеологическая работа, сбор средств, а также непосредственная подготовка к совершению экстремистских акций. Одной из главных задач, решаемых экстремистскими и террористическими объединениями с помощью Интернета, является как можно более широкое освещение своих акций с привязкой их к идеологическим установкам и устрашением общества [53, с.13]. К вышесказанному необходимо отметить, что такие технологии как «VPN» и «DarkNet» предоставляют деструктивным силам дополнительную уникальную возможность скрыть персональные данные.

В то же время Интернет может быть использован в противодействии радикальным, экстремистским и террористическим структурам. Более того, ресурсы и возможности глобальной сети потенциально могут сделать его решающим фактором в успешной борьбе с данными организациями. Важно отметить в этом контексте два стратегических направления в эффективном использовании Интернета в противодействии деструктивным социальным организациям.

Во-первых, Интернет также открывает возможности для сбора информации и проведения иных мероприятий, направленных на предотвращение и пресечение террористических актов. Также позволяет

осуществлять сбор доказательств в целях уголовного преследования за совершение таких актов. Получить от Интернет-ресурсов значительный объем знаний, например о функционировании, видах деятельности, а иной раз и об объектах нападения террористических организаций. Кроме того, чем шире Интернет используется в террористических целях, тем более доступными, соответственно, становятся электронные данные, которые можно подвергать обобщению и анализу в целях борьбы с терроризмом. Правоохранительные органы разрабатывают все более совершенные инструменты для активного предотвращения, обнаружения и сдерживания террористической деятельности, связанной с использованием Интернета. Все шире применяются также традиционные методы следствия, такие как выделение специализированных переводческих ресурсов для своевременного выявления потенциальных террористических угроз.

Во-вторых, онлайн обсуждения дают возможность выражать противоположную точку зрения или же вести конструктивные дискуссии, которые способны отвлечь потенциальных сторонников террористов. Контртеррористические материалы, твердо опирающиеся на факты, можно доносить до целевой аудитории через дискуссионные интернет-форумы, а также в виде изображений и видео. Эффективные сообщения, помимо прочего, могут содержать выражение сочувственного отношения к глубинным проблемам, способствующим радикализации, таким как политические и социальные условия, и предлагать альтернативы насильственным методам достижения желаемых результатов. Кроме того, в целях охвата широкой, разнообразной в географическом плане аудитории стратегически важные сообщения, содержащие воспитательно-просветительские материалы для развенчания террористической пропаганды, могут распространяться через Интернет на многих языках [214, с. 12].

В восьмом параграфе анализируется проблема вовлечения граждан в экстремистские и террористические организации во время пребывания в трудовой миграции. Анализы свидетельствуют, что подавляющее

большинство граждан Республики Таджикистан были завербованы в период трудовой миграции в крупных городах Российской Федерации. Трудовые мигранты, особенно представители молодежи, находятся в зоне постоянного риска вовлечения в данные группировки. Для деструктивных организаций трудовые мигранты являются одной из приоритетных целей для вербовки в свои ряды, так как они делают акцент на существующие проблемы трудовых мигрантов. Следует отметить, что трудовая миграция подняла понимание обеспечения безопасности государства на качественно иной уровень. Отныне безопасность не детерминирована исключительно государственными границами.

Завлечение трудовых мигрантов в ряды радикальных и экстремистских группировок предоставляет деструктивным силам принципиальное преимущество – организация постоянного и одновременно действующего экстремистско-террористического подполья в активной мобильной форме на территории обоих государств [61, с. 76-79].

Уезжая на заработки в крупные российские города, многие граждане Республики Таджикистан открывают для себя совершенно новый мир. Они воочию сталкиваются с новыми большими проблемами, которые, как правило, становятся для них трудноразрешимыми, а иногда вовсе и не разрешимыми. В итоге многие из них не могут найти себе постоянную и хорошо оплачиваемую работу, живут в очень стесненных условиях, при этом они теряют связь и контроль со стороны своей семьи. В целом, современный трудовой мигрант из государств Центральной Азии – это самый незащищенный человек.

В этой связи большое значение приобретает процесс управления трудовой миграцией. В данном случае важна целевая работа, как с самими трудовыми мигрантами, так и с заинтересованными государственными структурами и неправительственными организациями.

В девятом параграфе актуализируется проблема распространения экстремистских и радикальных взглядов в исправительных учреждениях. Прежде всего, следует отметить саму структуру тюрем и форм содержания

заклученных. Они во многом способствуют, как свободному распространению идей экстремистов, так и пополнению их рядов за счет других заклученных. Вербовка из числа преступного сообщества имеет также своё дополнительное преимущество. В частности, данный контингент не нуждается в каком-либо психологическом обрабатывании и настраивании в совершении опасного преступного деяния.

При этом, как отмечают эксперты, осужденные по статье экстремизма и терроризма, обладают отличительной чертой. Отличие заключается в наличии четко сформировавшейся идеологии, непоколебимых жизненных убеждений и принципов. Они готовы отстаивать их любой ценой, даже ценой собственной жизни. В то время как другая категория заклученных внутренне абсолютно пуста. Соответственно, она не обладает какой-либо идеологией и ими движут качественно иные мотивы, нежели принципы или же убеждения [304, с.37-42].

Экстремисты и террористы, как показала практика, несмотря на место своего пребывания, будь то свобода или же места заклучения, никогда не откажутся от своей преступной деятельности [301, с. 47].

В контексте вышесказанного большую актуальность приобретает специальная подготовка сотрудников, работающих в данных учреждениях. Она важна и по причине того, что далеко не каждый из них способен «на равных» общаться с идеологически и психологически подготовленными «духовными учителями и наставниками» экстремистов. Поскольку современные «духовные» наставники и учителя экстремистов и террористов не только хорошо знают содержание Священных Писаний, труды апологетов, их веры, но и владеют специальными психолого-педагогическими и коммуникативными методами и средствами внушения и переубеждения аудитории. «Переформатировать» религиозное сознание апологетов того или иного вероисповедания, переубедить их настолько, чтобы они стали законопослушными гражданами страны дело не только чрезвычайной важности, но и сложности [67, с. 99-100].

Десятый параграф посвящен профилактике экстремизма среди действующих сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что данная категория представителей государственных органов на законодательном уровне призвана защищать действующий политический строй государства, а также в целом обеспечить общественную безопасность. Они находятся в постоянном поле зрения представителей экстремистских и террористических организаций.

Согласно положениям НСРТПЭТ, в качестве детерминантов, катализирующих радикальные настроения в среде сотрудников силовых ведомств и военнослужащих, могут выступать деформация управленческого контура со стороны командного состава, общая профессиональная фрустрация (недовольство службой), неуставные взаимоотношения, а также трудности социально-бытового обеспечения. Кроме того, значимыми триггерами признаются личностная морально-психологическая неустойчивость субъектного состава и системные недостатки политико-воспитательного процесса [10, с. 14].

С целью недопущения проникновения идей экстремизма важно регулярное проведение организационно-правовых и учебно-воспитательных работ, направленных на повышение нравственной устойчивости и укрепления морального духа сотрудников правоохранительных органов. Наличие сформировавшихся традиционных ценностей и крепкого морального духа среди представителей правоохранительных органов и военнослужащих является важным фактором успешного противодействия распространению идей радикализма и экстремизма.

В одиннадцатом параграфе отмечается необходимость совершенствования различного рода превентивных мер, о своевременного принятия которых сегодня невозможно противостоять возросшей угрозе радикализма и экстремизма. Государством впервые был разработан целый комплекс мер, включая повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности государственных органов правопорядка, непрерывный

мониторинг информационного пространства, повышение уровня информированности граждан путем проведения разъяснительно-профилактических работ и т.д. Предусматривается также усиление пограничного, паспортного, а также визового контроля, что позволит воспрепятствовать передвижению сторонников экстремистских и террористических организаций [10, с. 15].

Комплекс предпринимаемых государством мер, прежде всего, обусловлен особенностями самого феномена экстремизма и терроризма, а также разнообразием форм их проявления. Тем самым, с помощью указанных мер государство оказывает сильное воздействие проявлениям экстремизма и терроризма в обществе.

Двенадцатый параграф Национальной стратегии рассматривает участие институтов гражданского общества и частного сектора. Сегодня в стране функционируют порядка трех тысяч неправительственных организаций. Их практическая значимость состоит в том, что в результате своей повседневной деятельности они существенно повышают человеческий капитал, а также способствуют укреплению потенциала местного сообщества. Также их другим дополнительным преимуществом является то, что они, будучи составной и неотъемлемой частью местного сообщества, могут более объективно оценивать ситуацию и своевременно на неё реагировать.

Практический срез данной проблематики, исследованный нами ранее, подтверждает необходимость институциональных изменений в этой сфере: «Тем не менее, сегодня в обществе в отношении участия институтов гражданского общества в решении проблем экстремизма и терроризма сохраняется тенденция, наглядно свидетельствующая об их слабом практическом вовлечении. На наш взгляд, необходимо внесение изменений в формат участия общественного сектора в решение проблем экстремизма и терроризма. Целесообразным выглядит усиление координации деятельности государственных органов, министерств и ведомств с представителями

гражданского общества, подняв до уровня приоритетного социального партнера» [4-А, с. 128].

В заключительном, тринадцатом параграфе изучается международное и региональное сотрудничество. Сегодня экстремизм и терроризм перестал быть проблемой одного государства или одного региона. Характер и масштаб существующей угрозы подразумевает активное международное сотрудничество всех заинтересованных сторон. В этой связи налицо целесообразность расширения формата международного сотрудничества путем формирования единой международной повестки по противодействию экстремизму и терроризму. Тем более, в настоящее время очевидно, что все предпринимаемые усилия в рамках одного государства недостаточны и малоэффективны. В результате, своевременная координация деятельности станет важным компонентом, так как позволит достичь ряд принципиальных результатов, а именно:

1. Повышение уровня взаимного доверия.
2. Разработка и практическая реализация совместных подходов, акции, программ, научных исследований и иных необходимых специальных мер направленных на достижения поставленных целей.
3. Практическое осуществление единого мониторинга уровня представляющих опасность для государства угроз.
4. Широкий обмен информацией и консультации.
5. Оказание взаимной помощи.

Вторая глава документа в структурном плане состоит из четырех параграфов. В первом рассматриваются цели реализации и ожидаемые эффекты. Практическая реализация указанных в национальной стратегии целей позволяет достигнуть важных задач, включая:

- создание комплексной системы юридических, институциональных и идеологических механизмов предупреждения и пресечения экстремистской и террористической деятельности, а также формирование культуры толерантных взаимоотношений в социуме;

- формирование эффективных барьеров на пути распространения радикальной идеологии в различных социально-демографических группах общества;
- модернизация и существенное повышение результативности функционирования органов государственной власти, осуществляющих превентивные мероприятия и непосредственное противодействие проявлениям радикализма;
- консолидирование населения Таджикистана на основе начал гражданской идентичности, повысить международный авторитет Таджикистана как страны свободной от религиозной и этнической нетерпимости, экстремизма и радикализма [10, с. 18].

Во втором параграфе указаны практические механизмы и временные рамки исполнения пунктов Национальной стратегии. Пятилетний план реализации Национальной стратегии во временном измерении разделён на три этапа.

Реализация положений рассматриваемого доктринального документа была жестко структурирована и распределена по трем хронологическим периодам. На начальном этапе (2016 г.) базовый акцент ставился на формировании институциональных предпосылок, мобилизации потенциала государственных структур, гражданского общества и международных институтов, а также на детальном проектировании Платформ действий по конкретным направлениям. В рамках второго этапа (2017-2018 гг.) стратегический вектор сместился в сторону непосредственного конструирования и внедрения практических механизмов профилактики радикализации и противодействия террористическим угрозам. Заключительный, третий этап (2019-2020 гг.) ознаменовался интенсификацией применения созданного инструментария, его адаптацией и модернизацией на основе данных перманентного мониторинга, а также подведением итогов деятельности с последующим выстраиванием контуров для новых документов стратегического планирования [256].

В рамках третьего параграфа фокус смещен в сторону финансово-экономического и материально-технического сопровождения, необходимого для практического воплощения мероприятий, заложенных в Плане действий Национальной стратегии. Данный доктринальный документ, регламентировавший противодействие экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан в период 2016-2020 гг., рассматривается здесь сквозь призму достаточности источников его ресурсного наполнения.

В заключительном четвертом параграфе Генеральная прокуратура Республики Таджикистан отмечена как орган, координирующий деятельность государственных ведомств, институтов гражданского общества и международных организаций по реализации Стратегии. Соответственно, Генеральная прокуратура непосредственно следит за ходом практического исполнения Национальной стратегии.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо подчеркнуть, что именно в ходе выполнения намеченных на 2016-2020 гг. ориентиров Национальной стратегии, удалось заложить долгосрочный и прочный фундамент скоординированной политики государственных институтов в сфере нейтрализации радикализации. Данные результаты нашли свое отражение в осуществлении комплекса следующих системных мер:

Правовая и институциональная база: приняты Закон РТ «О противодействии экстремизму» (2020), Концепция государственной политики в сфере религии (2018), создан Единый информационный центр по предотвращению экстремизма, терроризма и киберпреступлений Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан и Межведомственный штаб по координации оперативных служб.

Укрепление межведомственной координации: налажено взаимодействие между всеми ветвями власти, создан механизм непрерывного участия представителей МИОГВ в профилактике экстремизма и терроризма.

Профилактика и образование: внедрены учебные курсы по истории религий и противодействию радикализму; расширено информационное освещение угроз национальной безопасности в СМИ.

Социально-экономический сектор: в целях устранения причин радикализации акцент сделан на поддержку частного сектора (доля в ВВП – 70%) и развитие спортивной инфраструктуры (введено 1155 объектов на сумму свыше 637 млн сомони). За последние 10 лет Таджикистан четыре раза вошёл в число стран реформаторов в индексе Всемирного Банка «Ведение бизнеса».

Технический и пенитенциарный контроль: созданы подразделения по борьбе с киберэкстремизмом; усилена воспитательная работа в исправительных учреждениях.

Гуманитарные меры: осуществлена репатриация из зон вооруженных конфликтов свыше 300 сограждан и 84 несовершеннолетних с их последующим включением в государственные программы комплексной социально-психологической реабилитации. На нормативно-правовом уровне регламентировано освобождение от уголовной ответственности лиц, добровольно прекративших свое членство в деструктивных структурах.

Международное сотрудничество: РТ демонстрирует высокую дипломатическую активность, выступая организатором серии международных форумов по проблематике безопасности. Ярким примером послужило проведение 4 мая 2018 г. Международной конференции высокого уровня «Противодействие терроризму и насильственному экстремизму», итоговым документом которой стала авторитетная Душанбинская декларация, получившая поддержку на уровне ООН [13, с. 63-66].

Выводы

1. В качестве ключевого вывода исследования констатируем, что статус системообразующего доктринального акта в национальной правовой системе прочно закрепился за Национальной стратегией, координирующей противодействие экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан и рассчитанной на хронологический период 2016-2020 годов.

2. На уровне масштабного и фундаментального документа, коим является Национальная стратегия, государством признается, что сегодня экстремизм и терроризм является основной угрозой безопасности страны.

3. Принятие и реализация Стратегии демонстрирует политическую волю государства в решении проблемы экстремизма и терроризма.

4. Национальная стратегия определяет не только приоритеты и стратегические цели государства в области обеспечения национальной безопасности, но и механизмы практической реализации указанных задач. Также формат и структура Национальной стратегии позволяет обеспечить достижения целого комплекса важных стратегических для государства задач.

5. Опыт Республики Таджикистан по реализации Стратегии показал его успешность и целесообразность. Так, вслед за Таджикистаном и Туркменистан принял аналогичный государственный документ под официальным названием «Национальная стратегия по предотвращению насильственного экстремизма и противодействию терроризму на 2020-2024 годы».

ГЛАВА 2. ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ДЕСТРУКТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СТРАТЕГИИ ПРОНИКНОВЕНИЯ В СОЦИУМ

2.1. Экстремизм и терроризм как социально-политическое явление

Глобальный кризис доверия, следствием чего стал тотальный хаос на Ближнем Востоке, наглядно выявил уязвимость функционирующих систем обеспечения безопасности современных государств. Для Центрально-Азиатских республик данная реальность приобрела экзистенциальное значение, требуя адаптации национальных систем обеспечения безопасности к новым радикальным угрозам.

Анализируя проблему региональной безопасности государств Центральной Азии, на наш взгляд, необходимо учитывать два принципиальных момента, заметно влияющих на систему безопасности. Первый – это географическое месторасположение государств региона, и второй – геополитические глобализационные процессы конца XX – начала XXI вв., в условиях которых страны региона обрели свою политическую независимость [142, с.18].

К первому фактору, прежде всего, относится незатихающий военно-политический кризис в сопредельном Афганистане, затянувшийся на десятилетия. Само афганское государство, в настоящее время, является одним из главных источников региональной напряжённости. Исходящие вызовы и угрозы из Афганистана в лице терроризма, религиозного экстремизма и незаконного оборота наркотиков, продолжают нести самую серьёзную угрозу национальной безопасности Республики Таджикистан и других стран региона.

Вторым географическим фактором является сопричастность севера страны к Ферганской долине. Так, в экспертном сообществе за данным регионом закрепились дефиниции "пороховой бочки" Центральной Азии или "Евразийских Балкан", что обусловлено высоким конфликтогенным потенциалом долины [32, с. 151-152]. Следует отметить, что деструктивные

организации умело используют существующие в долине острые социальные проблемы для популяризации своей идеологии среди местного населения, и, прежде всего, местной молодежи.

Указанные факторы непосредственно содействовали формированию благоприятной среды для появления экстремистских и террористических группировок в регионе. В результате, регион фактически оказался на передовой линии противостояния деструктивным организациям.

Оценивая влияние внешних факторов на региональные процессы, мы ранее подчеркивали, что «вкуче с географическим фактором необходимо также отметить процесс глобализации, который сегодня является основным трендом современного мирового развития. Республика Таджикистан, как и другие государства Центральной Азии, все более активно вовлекается в данный процесс. Безусловно, глобализация оказывает объективное положительное влияние на социально-экономическое развитие современных государств. Тем не менее, в современном научном дискурсе отношение к глобализации неоднозначное. В экспертных кругах все больше стали рассуждать о её негативных последствиях, главным образом, для обеспечения безопасности государств» [18-А, с. 57].

Оценивая деструктивный потенциал глобализационных сдвигов в рамках концепции сетевого общества, испанский социолог М. Кастельс справедливо констатирует: «Процесс глобализации минимизировал роль фактора расстояния, размыв границы. В результате, отдалённые социально-политические процессы стали максимально быстро преодолевать значительные географические расстояния. В этом контексте одним из прямых негативных последствий процесса глобализации для традиционных сообществ стало его воздействие на духовную, составляющую индивида и общества. Его конечным результатом стала тотальная трансформация духовной жизни социума» [49, с. 56]. Экстраполяция данных теоретических положений на современную геополитическую реальность позволяет верифицировать глубокую реконфигурацию ценностно-нормативной матрицы

центральноазиатских обществ. На нынешнем этапе транзита центральноазиатские государства оказались в эпицентре интенсивной культурно-мировоззренческой экспансии, реализуемой посредством агрессивной диффузии нетрадиционных и экзогенных религиозных конструкторов, искусственно укореняемых в массовом сознании населения в ущерб исторически сложившейся духовной идентичности.

Векторы эволюции угроз общественной безопасности в своих трудах подробно исследуют отечественные ученые А. С. Рахмонов и Б. Ш. Шарипов. Рассматривая деструктивные процессы сквозь призму социологии конфликта, авторы констатируют: «Одним из самых социально опасных угроз нетрадиционного характера в регионе, безусловно, является проблема экстремизма и терроризма. Сегодня общепризнанно, что к числу наиболее сложных и трудноразрешимых конфликтов относится социальный конфликт. Его отличительной чертой является многогранность, ведущая к полному демонтажу политической, экономической, социальной, нравственной и культурной жизни общества путем разжигания вражды. В конечном итоге это приводит к расколу общества» [160, с.109].

Фундаментальное значение для понимания масштаба, целей и последствий для общества о преступной деятельности деструктивных организаций имеют программные установки Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона, который в рамках Кувейтского этапа «Душанбинского процесса по контртерроризму» подчеркнул следующее: «Распространение экстремистских идей, разжигание вражды и религиозных конфликтов в обществе, привлечение молодежи к совершению террористических преступлений стали реальным оружием террористических и экстремистских организаций. Они, активизируя свою деятельность этими средствами, намерены насильственным путём изменить общественно-политический строй той или иной страны» [18].

Развивая данную проблематику сквозь призму классической западной социологии, целесообразно обратиться к концепции Л. Козера, который обосновывает перманентный характер конфликтогенности в любой общественной системе. По мнению исследователя, детерминанты социальных столкновений имманентно присущи любой социальной архитектонике, поскольку отдельные акторы и групповые объединения неизбежно конкурируют за обладание дефицитными ресурсами, статусными предпочтениями и властными полномочиями. При этом Л. Козер дифференцирует институциональные системы по степени их адаптивности к антагонистическим проявлениям, указывая, что различные типы политических структур обладают неодинаковым уровнем толерантности к возникающим социальным расколам [52, с. 180].

Начало XXI века ознаменовалось фундаментальной трансформацией вестфальской системы международных отношений и интенсификацией амбивалентных тенденций в плоскости межкультурного и межконфессионального взаимодействия. В условиях нарастающей турбулентности и декомпозиции глобального правопорядка традиционные религиозные институты вынуждены осуществлять перманентный поиск адаптационных стратегий, направленных на сохранение своей субъектности и защиту базовых ценностных ориентиров. Ситуация осложняется исторически укорененными в массовом сознании деструктивными стереотипами межрелигиозного отчуждения, которые катализируются явлением социокультурной и экономической асимметрии развития современных государств. В данном контексте конфессиональная идентичность выступает в качестве одного из стержневых элементов легитимации и сохранения национальной государственности как таковой. Данный фактор предопределяет сохранение глубокой специфики в нормативно-правовых системах различных государств, где религиозные императивы продолжают оказывать существенное влияние на институты государственного, семейного и уголовного права [45, с. 36].

Для системного понимания природы исследуемого феномена представляется необходимым ответить на ряд ключевых исследовательских вопросов, в частности, откуда же берётся экстремизм? Каковы его источники и причины возникновения в обществе? В каких основных видах и формах обнаруживает себя современный политический экстремизм?

Известно, что любое общество, каким бы благополучным, монолитным и солидарным не выглядело внешне, внутренне всегда дифференцировано, разнородно и противоречиво, что обусловлено противоположностью политических интересов, мнений, ценностей и, наконец, идеологий, которые отстаивают в своей жизнедеятельности разные социальные классы, группы и отдельные индивиды.

Политическое сообщество людей, как показывает практика, предполагает, как их сотрудничество между собой, так и конкурентность и конфликтность в деле распределения властных полномочий или ресурсов. В современной политологии исследуемый нами процесс рассматривается как фундамент устойчивого развития: в частности, ведущие представители современного институционализма Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон в своем фундаментальном научном труде подчеркивают, что именно постоянное соперничество между государством и организованным обществом за влияние на институты власти предотвращает деградацию системы [24, с. 12-13]. Выявление и урегулирование конфликтов и противоречий между противоборствующими сторонами – важное условие успешного развития общества.

Общество должно быть заинтересовано в том, чтобы контролировать возникающие в нём конфликты с целью либо урегулирования, либо разрешения спорных ситуаций. Конфликты, связанные с неантагонистическими противоречиями сторон, можно урегулировать на основе компромисса и взаимных уступок сторон друг другу. Если же конфликт касается коренного расхождения взглядов людей, их объединений в основополагающих базовых ценностях и политических идеалах, то

разрешение такого конфликта невозможно себе представить без борьбы, без устранения одной из сторон другой, без политического экстремизма и терроризма, приобретающих крайне радикальные формы [131, с.15].

В этом контексте в одной из наших предыдущих публикаций отмечалось, что «возникает естественный вопрос, почему экстремистские и террористические организации в регионе используют именно религию, её догмы и каноны для достижения своих целей? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, кроется, как в природе самой религии, так и в менталитете местного населения. Вера во всевышнего создателя относится к самой древней и массовой форме общественного сознания. Соответственно, она обладает наибольшим авторитетом среди населения, при этом она не только облагораживает саму идею, но и придает ей определенную святость. В современной политической психологии и конфликтологии этот феномен объясняется превращением обычных политических предпочтений в «сакральные ценности», которые выводят конфликт из рациональной плоскости в плоскость экзистенциального противостояния» [18-А, с. 58].

Для достижения максимальной исследовательской объективности при анализе данного феномена представляется принципиально важным дифференцировать ключевые имманентные свойства и структурные детерминанты, которые определяют успешность конвертации религиозных канонов в идеологический базис экстремистских и террористических сообществ. С нашей точки зрения, данные основания сводятся к трем фундаментальным аспектам:

«Во-первых, ментальная укорененность религии в общественном сознании даже в условиях секуляризации. Этот фактор обуславливает высокий уровень конфессионального детерминизма при оценке социальных и межгосударственных коллизий, а также весомый потенциал мобилизационного влияния религиозных лидеров и лозунгов. Во-вторых, статус религии как интегративного символа и маркера макросоциальной идентичности общностей. В ситуации реального или мнимого ущемления их

интересов религиозный фактор используется политическими акторами не только для мобилизации масс, но и в качестве телеологической основы конструирования властных институтов, векторов социально-экономического развития и внешнеполитического курса. В-третьих, сохранение функции сакрализации, позволяющая признавать определенные фигуры, идеи и движения священными. Данное свойство используется политическими силами для метафизической легитимации собственных конъюнктурных целей и методов борьбы, которые зачастую прямо противоречат каноническому содержанию самой религиозной доктрины» [23, с. 179-180].

В подтверждение данного тезиса представляется важным тезис Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона о том, что «несмотря на все осуществленные до сегодняшнего дня меры, всестороннюю поддержку государства и Правительства для нормализации религиозной ситуации в стране, распространение разногласий на религиозной почве, поклонение чуждому, экстремистские и террористические действия превращаются в фактор, вызывающий серьёзную озабоченность» [15].

Анализ традиционного характера жизненного уклада народов Центральной Азии, их мировоззрения и сложившейся системы духовных и материальных ценностей немыслим без учета религиозного фактора. Государства Центрально-Азиатского региона по мере своего становления осознали, что в своей внутренней политике им неизбежно придется учитывать то, что доминирующей в этом обществе религией является Ислам во всем многообразии его проявления. Было очевидно, что в качестве неизбежного императива рано или поздно перед каждым из этих государств встанет необходимость борьбы с религиозным экстремизмом и связанной с ним террористической деятельностью [141, с. 44].

Оценивая конфликтологическую составляющую данного процесса, мы ранее отмечали: «Присутствие в общественной жизни идей, подпитывающих экстремизм и терроризм, как социальных явлений, наглядно свидетельствует не только об имеющихся существенных разногласиях в обществе, но и

видениях его решения. Диаметральные противоположные точки зрения, в конечном итоге, как правило, вытекают в социальный конфликт, который как всякий процесс имеет свои стадии развития» [18-А, с. 60].

Развивая авторскую концепцию периодичности кризисных явлений в общественной системе, в одной из наших опубликованных работ мы отмечали: «Традиционно, динамика социального конфликта имеет три стадии – начальный, предконфликтный период, когда протестный потенциал в обществе носит латентную форму, только зарождается и имеет слабо выраженный характер. Его отличительная черта заключается в том, что конфликтующие стороны вырабатывают свою линию поведения. Вторая стадия – это резкое обострение кризиса, подразумевающее активную и острую фазу конфликта. Момент кульминации конфликта сопровождается демонстрацией намерений противоборствующими сторонами. Наконец, третья, заключительная стадия – постконфликтная, когда уже острая фаза кризиса преодолена обществом. Социальный конфликт может быть полностью исчерпан только в том случае, когда враждующие стороны удовлетворены результатом примирения» [18-А, с. 60].

В этом контексте фундаментальное теоретическое значение приобретает концептуальный взгляд Р. Дарендорфа, который констатировал: «Никакой опыт организации, институционализации и регулирования, рожденный демократической классовой борьбой, неприменим к активным меньшинствам, либо требующим отделения от существующего целого, либо старающимся навязать всем остальным свою фундаменталистскую веру. Не случайно данный процесс, как правило, сопровождается террористическими актами и угрозами гражданской войны; и то и другое, пока дело не зашло настолько далеко, что удержать события под контролем нет никакой надежды, настигает нас непредсказуемыми волнами, остановить которые не представляется возможным» [38, с. 254-255].

В процессе исследования структурных алгоритмов нарастания общественной нестабильности, в ряде наших прежних научных трудов нами

было зафиксировано: «Возникновение конфликтных ситуаций в обществе возможно в различных моделях государственного управления. Первопричиной социального конфликта служит накопившийся в обществе большой пласт нерешенных проблем. Как правило, чем более неразрешимой видится проблема, тем больше возрастают притязания сторон, принимая категоричный и радикальный характер» [18-А, с. 60].

Как показывает социальная практика, чем менее доступными кажутся пути к взаимопониманию и поиску компромисса, тем сильнее возрастает эмоциональная и смысловая нагрузка на позиции сторон. В этих условиях требования участников могут приобретать категоричный характер, что является сигналом о необходимости совершенствования процедур общественного согласия. Согласно концепции Юргена Хабермаса, именно развитие "жизненного мира" и создание условий для свободного, инклюзивного дискурса позволяют трансформировать радикальные притязания в конструктивный поиск общего блага [87, с. 119].

Изучение экстремизма и терроризма как социальных явлений сегодня крайне актуально, так как они обладают всеми характеристиками масштабных общественных процессов. Главная задача радикальных структур заключается в том, чтобы добиться полного превосходства своей религиозной системы над всеми остальными. Конечной целью в данном случае выступает построение моноконфессионального мира. В своей основе религиозный экстремизм стремится утвердить одну конкретную религию в качестве главной, а зачастую и единственно допустимой идеологии. На практике это оборачивается либо насильственным навязыванием своих догм инакомыслящим, либо их физическим устранением. Кроме того, рассматриваемый феномен тесно связан с религиозным фундаментализмом, ключевое стремление которого заключается в возвращении к первоначальным, жестким основам веры [63, с. 4].

Суть деструктивного мировоззрения является сложной, поскольку любая идеология складывается в результате влияния комплекса установок,

включающих в себя этнокультурный субстрат, иными словами, традиции и обычаи общества, психологическое подражание авторитету лидеров радикальных группировок и механизмы межпоколенческой трансмиссии.

Как отмечает исследователь Б.В. Кодзоков: «Если у человека не сформированы, в силу разных причин, положительные установки, взгляды, убеждения или в этих структурных элементах наблюдается пробельность, такой человек нормы права, правовую действительность воспринимает как чуждую ему. Есть вероятность того, что такой человек будет нарушать законы, не исполнять правовые предписания, эмоционально реагировать на политико-правовые общественные явления. Именно такие люди чаще других подвержены экстремистским взглядам» [124, с. 62].

Фундаментальным и основным признаком экстремизма и терроризма является реакция отдельных слоёв общества на текущие социально-экономические и политические процессы в государстве. В то же время, именно они предлагают обществу свое видение управления данными процессами.

По мнению А.А. Горбунова: «В политическом плане экстремизм выступает против сложившихся общественных структур и институтов, пытаясь подорвать их стабильность, расшатать и низвергнуть ради достижения своих целей, как правило, силовыми методами. Для этого экстремистские организации и движения используют зажигательные лозунги и призывы, откровенную демагогию, организуют и провоцируют беспорядки, забастовки, гражданское неповиновение, террористические акции, методы партизанской войны. Лидеры экстремизма и их сторонники отрицают в принципе какие-либо компромиссы, переговоры, соглашения, основанные на взаимных уступках, руководствуясь в своих действиях лозунгом – «все или ничего». В идеологическом плане экстремизм отрицает всякое инакомыслие, пытаясь жестко утвердить свою систему политических, идеологических или религиозных взглядов, навязать их оппонентам любой ценой, требует от своих сторонников слепого повиновения и исполнения любых, даже самых абсурдных приказов и инструкций. Аргументируя свои

взгляды, экстремисты обращаются не к разуму, а к чувствам и предрассудкам людей, пропагандируют лозунги и призывы, рассчитанные не на знания, а на примитивное сознание и инстинкты толпы. Доведенная до крайности идеологизация экстремистских действий создает особый тип сторонников экстремизма, склонных к самовозбуждению, потере контроля над своим поведением, готовых на любые акции, на нарушение норм, сложившихся в обществе. Для экстремистов характерно стремление к охлократии (власть толпы). Отвергая демократические методы разрешения возникающих конфликтов, экстремизм неотделим от тоталитаризма, культа вождей, которые объявляются носителями высшей мудрости, чьи идеи воспринимаются массами на веру» [200].

При этом экстремистские и террористические организации оперируют к религиозным чувствам граждан, формируя их отношение и акцентируя их внимание к наиболее острым социально-политическим и духовно-нравственным процессам, придавая им определенную духовность. Самым эффективным и проверенным методом в отношении широких слоёв населения остается неоднократно использованный метод убеждения [91, с. 167].

«Убеждение – это процесс воздействия на ценностно-смысловую сферу личности, где критическое восприятие выступает лишь инструментом легитимизации уже принятых интуитивных решений. Согласно модели Джонатана Хайдта, убеждение ориентировано прежде всего на моральные интуиции человека («Слона»), в то время как интеллектуально-познавательная сфера («Всадник») выполняет роль "адвоката", подбирающего рациональные оправдания для эмоциональных импульсов [88, с. 21]. Суть метода заключается в том, чтобы через апелляцию к базовым моральным основаниям добиться первичного интуитивного согласия, на базе которого затем выстраивается логическая конструкция новых установок.

В рамках этой парадигмы процесс убеждения должен следовать специфическим правилам:

1. Резонанс с моральной матрицей: аргументация должна опираться на те моральные ценности (справедливость, лояльность, авторитет, святость), которые являются ведущими для данного объекта воздействия.

2. Приоритет "Слона" над "Всадником": убеждать необходимо через создание доверительной атмосферы и общности интересов; если интуиция объекта настроена враждебно, никакая логика не будет воспринята как доказательная.

3. Нарративность и примеры: информация должна содержать живые примеры и истории, которые активируют глубокие эмоциональные слои психики, подготавливая почву для принятия абстрактных идей и принципов.

4. Когнитивное правдоподобие: убеждающая информация должна гармонично вписываться в существующую картину мира объекта, не вызывая резкого отторжения на уровне базовых убеждений.

5. Эмоциональная разметка фактов: сообщаемые положения должны не просто информировать, а вызывать сопричастность, поскольку без эмоционального "одобрения" логические аргументы лишаются своей побудительной силы» [88, с. 61].

Эффективность психологического механизма убеждения традиционно измеряется степенью сформированности убеждённости субъекта. Данный феномен представляет собой устойчивую ментальную уверенность в истинности принятых концептов, ценностей и образов, которая позволяет индивиду принимать однозначные решения, минимизировать внутренние колебания и занимать твёрдую позицию при оценке социальных фактов. Именно через призму убеждённости конструируются базовые поведенческие установки личности, детерминирующие её действия в конкретных практических условиях. При этом сущностной характеристикой убеждённости выступает её глубина, которая напрямую обусловлена предшествующим социокультурным воспитанием человека, уровнем его информированности, накопленным жизненным опытом и развитостью навыков критического анализа окружающей действительности [54, с. 102].

В рамках концепта политической религии процессы земного бытия интерпретируются как непосредственное отражение метафизических, сакральных явлений вселенского масштаба. Программы и цели, декларируемые религиозно-политическими движениями, позиционируются ими как глобальная, трансцендентная миссия всего человечества, выполнение которой санкционировано высшими силами. Деятельность участников таких движений мотивируется не субъективными политическими интересами, а восприятием себя как исполнителей божественной воли. Подобная сакрализация политического противостояния неизбежно трансформирует и восприятие оппонента. Враг в данной системе координат перестает быть просто политическим или личным соперником, превращаясь в абсолютное воплощение вселенского зла. Как следствие, любые компромиссы и прагматические сделки с противоположной стороной исключаются, а любые масштабы жертв ради уничтожения этого противника признаются оправданными и необходимыми [138, с.117].

Анализируя доктринальные основы радикальных сообществ, в своих более ранних исследованиях мы подчеркивали, что фундаментальным принципом мировоззрения религиозных экстремистских и террористических группировок выступает жесткая бинарная оппозиция «свой – чужой». Исторический опыт наглядно демонстрирует, что данная ментальная установка не просто исключает проявление эмпатии или гуманизма к оппонентам, но и служит базовым оправданием для масштабных конфессиональных преследований и репрессивных практик. Ключевая причина подобного разделения кроется в абсолютизации собственного религиозного опыта, который воспринимается адептами радикальных движений как единственно верный и непогрешимый. Данный бескомпромиссный идейный раскол находит свое прямое и деструктивное выражение в практической деятельности экстремистских организаций [18-А, с. 61]. Как отмечал К. Шмитт, когда религиозная общность определяет иноверцев как "экзистенциально чужих", конфликт перестает быть дискуссией

и превращается в политическую борьбу, где само существование "чужого" воспринимается как отрицание собственного образа жизни [95, с. 302-303].

Оценивая ретроспективу и геополитические предпосылки радикализации обществ государств нашего региона, мы в своих исследованиях указывали на неизбежность данных процессов: «Центральная Азия, будучи самым крупным мусульманским регионом на территории бывшего Советского Союза, не могла остаться в стороне от внимания экстремистских и террористических организаций. Очевидно, что регион сразу стал объектом пристального внимания со стороны подобных структур и организаций. Начавшийся после распада Советского Союза процесс исламского ренессанса в Центральной Азии на начальном этапе был воспринят многими гражданами с воодушевлением. Ведь ислам оставил в истории народов Центральной Азии большой неизгладимый след. К тому же сам регион сыграл ключевую роль в дальнейшем развитии и распространении мусульманской культуры по всему миру. Религиозность всегда представляла большую ценность для народов региона. Фактически жизнь народов невозможно представить без религиозной составляющей. В данном случае необходимо упомянуть, что в постсоветский период регион переживал социально-экономический кризис и идеологический вакуум, прямым последствием которого для определенного сегмента населения стало то, что именно религия считалась единственным источником жизни. Подобное положение вещей в конце XX века сыграло только на руку экстремистским и террористическим группировкам. Используя традиционно высокий авторитет института религии среди населения, деструктивные силы стали активно пополнять свои ряды из числа местных жителей. Тем самым начался активный процесс политизации религии в регионе. Набирало оборот использование экстремистскими и международными террористическими группами авторитета ислама для достижения своих конкретных политических целей» [18-А, с. 61-62].

Данная динамика подтверждает тезис Оливье Руа о том, что в условиях идеологического вакуума происходит "аккультурация" религии, при которой

традиционные духовные ценности отрываются от своих исторических корней и превращаются в жесткий политический идеал, используемый радикальными группами для мобилизации масс [78, с.114].

В плоскости практической реализации геополитических и идеологических проектов радикальных сообществ особое место занимает прагматичное использование классического института миссионерства. Вектор экспансии внешних религиозных эmissаров в Центральной Азии был направлен на искусственную трансформацию локального социокультурного поля. Посредством агрессивного насаждения нетрадиционных доктринальных установок и жесткого их противопоставления укоренившейся конфессиональной традиции, зарубежные акторы пытались монополизировать духовную сферу жизнедеятельности общества. Категорическое отрицание местной религиозно-культурной специфики и навязывание радикальных концептов в качестве безальтернативной истины выступили ключевыми факторами деформации ценностных ориентаций части населения.

Искажая дух и букву вероучения, изложенного в Коране, названные и многие другие менее значительные движения и организации, которые постоянно возникают в разных регионах мира под разными названиями, начисто отвергают веротерпимость и призывают своих сторонников вести непримиримую и бескомпромиссную вооруженную борьбу со всеми, кто не разделяет их религиозные убеждения.

При этом для достижения своих целей они используют все доступные средства и формы воздействия на массы, включая теракты и войны. Государственную же власть, если она не принимает их религиозные убеждения и соответствующие им нормы жизнедеятельности, они считают преградой на пути достижению своих целей и потому, по их мнению, подлежит свержению. Описанный процесс вытеснения локальных канонов агрессивными внешними доктринами созвучен выводам Адиба Халида о том, что деятельность зарубежных миссионеров привела к разрушению традиционной социокультурной целостности региона, заместив её

политизированными формами веры, отрицающими саму возможность межрелигиозного и внутриконфессионального диалога [90, с.196].

Одной из первых действующих деструктивных организаций, начавшей свою подрывную деятельность в регионе является «Хизб-ут-Тахрир», обладающая разветвленной сетью по всему миру. Появившийся в середине прошлого века, «Хизб-ут-Тахрир» за сравнительно небольшой исторический промежуток времени смог распространить свою идеологию и найти своих сподвижников почти во всех континентах земного шара. Задачи, поставленные перед организацией, демонстрируют её большую амбициозность. Так, последователи «Хизб-ут-Тахрира» стремятся воссоздать единый мировой халифат, не признающий существующие межгосударственные границы. Уже сегодня география его деятельности носит масштабный общепланетарный характер [198].

«В частности, достижение целей партии должно осуществляться в три этапа:

1. Борьба за формирование «правильного исламского образа мышления».
2. Революция мышления.
3. Захват власти.

Структура организации носит ярко выраженный пирамидальный характер, состоящий из восьми ступеней:

1. Совет главных руководителей.
2. Главный руководитель.
3. Руководитель областной организации.
4. Помощник руководителя области.
5. Руководитель района.
6. Помощник руководителя района.
7. Руководитель одной или нескольких групп обучения или учитель («старшина»).
8. Ученик-послушник» [198].

При этом действует так называемая «центральная ячейка организации» («аппарат»), которая координирует деятельность местных образовательных ячеек по следующим направлениям:

I. Логистика – доставка людей и грузов до нужной географической точки (разработка маршрута, покупка билетов, упаковка и маскировка груза).

II. Политическая работа – вербовка и организация «учебных групп», распространение информации среди «учеников», проведение занятий, работа в интернете, «агитационная работа против официальных представителей местной мусульманской общины».

III. Подготовка сопротивления – закупка оружия, обучение пользоваться оружием и взрывчаткой, управление наземным и воздушным транспортом, обучение «сопротивлению при задержании» «не-халифатскими государственными спецслужбами».

IV. Организация общей деятельности – поиск мест проживания, организация поддельных документов (паспорт, прописка, удостоверения сотрудников СМИ и т.п.), регистрация общественных и молодежных исламских правозащитных организаций, конспиративных квартир для проживания или мест проведения «учебных занятий», изучение территории для организации терактов или покушений [198].

Программа деятельности «Хизб-ут-Тахрира» в Центральной Азии в целом соответствует общим целям и методам международной партийной сети. Литература, распространяемая в регионе, содержит те же два основных требования: создание исламского общества и установление исламского государства – халифата. Центральноазиатские отделения создают свои материалы, строго следуя центральной партийной программе, добросовестно воспроизводя её прокламации, а также материалы из других стран, представляющих интерес. Однако они также выпускают собственные листовки, где отражена конкретная программа партии в Центральной Азии. Листовки глобального содержания печатаются на киргизском, узбекском и таджикском языках и распространяются как можно более широко [226, с. 29].

Столь серьезное отношение Организации к своей деятельности свидетельствует о её комплексном подходе, который позволяет ей наиболее эффективно использовать существующие в обществе проблемы в своих собственных интересах. Данный подход включает в себя не только постоянный мониторинг и анализ социально-политической ситуации на местах с целью дальнейшего планирования своих акций, но и различного рода устойчивые направления деятельности, в частности:

- распространение своих пропагандистских агитационных листовок среди населения;
- акцентированная подрывная деятельность в обществе против светских устоев и ценностей в государстве;
- проведение публичных провокационных общественных действий.

Помимо каждодневной пропагандистской работы, включающей изучение специальной литературы, тиражирование и распространение воззваний, пресс-релизов, видеороликов и вербовки новых членов, «Хизб-ут-Тахрир» занимается проведением резонансных акций, призванных дискредитировать государственную политику в глазах мусульман, сеять недовольство в обществе, сталкивать мусульман с гражданами других вероисповеданий [222].

Цели, задачи, формат и методика деятельности экстремистских и террористических организаций подразумевают двухуровневый механизм работы с населением. На первом уровне деятельность ведется непосредственно внутри самого сообщества, его можно также охарактеризовать как латентный от общества. В него вовлечены узкий круг лиц, определяющих структуру, ее базовое целеполагание, а также доктринальный инструментарий и стратегические направления активности. На втором уровне разворачивается медийная активность структуры, выражающаяся в контролируемой социальной экспансии ради достижения декларируемых ориентиров.

Движение «Хизб-ут-Тахрир» имеет жесткую, хорошо организованную структуру. Каких-либо специальных требований для того, чтобы стать членом движения, помимо необходимости быть мусульманином и разделять идеологию «Хизб-ут-Тахрира», не существует. Однако процесс обучения и подготовки новых членов занимает, как правило, несколько лет. Целевой аудиторией движения являются преимущественно молодые, хорошо образованные мусульмане из средних слоев общества. Отказ от использования радикальных и насильственных методов и проведение интеллектуальной и политической работы по «просвещению» мусульман является основной стратегией партии. Это дает возможность привлекать новых членов, хотя и немногочисленных, а также позволяет распространять свое политическое и религиозное послание в арабских и других странах с преобладанием мусульманского населения [279].

Главным, официально пропагандируемым принципом «Хизб-ут-Тахрира», согласно провозглашенным целям, является принцип, направленный на распространение культурно-гуманистических и духовных ценностей Ислама как прочного ядра, формирующего непоколебимую исламскую идентичность у отдельно взятого человека. Активная идеологическая пропаганда среди местного населения стоит во главе угла деятельности партии и преследует цель внести качественные изменения. Сама пропаганда состоит из трех стадий. На начальной стадии происходит идеологическая борьба, подразумевающая формирование «правильного исламского мышления». Далее наступает вторая стадия, именуемая как «идеологический переворот», согласно которой необходимо активно применять на практике имеющиеся в наличии методы. Финальная третья стадия подразумевает захват политической власти в собственные руки. Отличительной чертой членов этой партии, отмеченная всеми без исключения экспертами, является деятельность в рамках глубокого подполья, то есть, строгое соблюдение секретности и конспирации.

Стратегия больше напоминает принцип «снизу-вверх», где движение продолжает привлекать всё больше последователей, до тех пор, пока она не достигнет такого положения, при котором оно сможет взять власть и произвести широкомасштабные социальные и политические изменения. Активисты «Хизб-ут-Тахрира» очень хорошо организованы, где бы они ни действовали, и Республика Таджикистан не исключение [85, с. 27-28].

Феномен востребованности и привлекательности религиозных структур в современных условиях выступает предметом активных научных дискуссий. В частности, в своем исследовании российский психолог И. Молчанов отмечает: «Секрет успешности религиозно-мистических организаций прост. Они используют три основные потребности каждого человека: потребность в общности, структурированности и значимости для окружающих. Этим торгуют все культы» [230].

Тем не менее, проблема гораздо сложнее, её объективное понимание требует комплексного и беспристрастного анализа. В данном случае, прежде всего, целесообразно рассмотреть две основные составляющие данного процесса. Первая составляющая – это рассмотрение практических методов, используемых при проведении работ с населением со стороны экстремистских организаций с целью популяризации своих идей в обществе и привлечения все больше людей в свои ряды. Вторая составляющая – раскрытие и выявление наиболее объективных причин, способствующих тому, что люди воспринимают и разделяют экстремистскую и террористическую идеологию и, в конечном итоге, примыкают к подобным структурам.

Российский исследователь Р. Сулейманов, проанализировав первое составляющее, приходит к выводу, что практическая сторона деятельности экстремистских и террористических групп включает в себя следующие последовательные шаги:

«Вначале они стремятся к организации культурных и социальных мероприятий, связанных с исламом (благотворительные обеды, пикники, культурные вечера, раздача еды или одежды малоимущим). Цель подобных

акций – расположить к себе окружающих. Зачастую их социальная работа направлена на привлечение пенсионеров, которые начинают питать за оказанное им внимание уважение и признательность, рассказывая об этом своим детям и внукам. Культурно-просветительской работе они уделяют большое внимание.

На втором этапе, получив расположение к себе, люди из партии «Хизб-ут-Тахрир» начинают рассказывать о своей организации и тех, кто проявил интерес, приглашают в кружки (халакат) по изучению религиозной литературы. Естественно, старики не являются для них целевой группой идеологической обработки, они чаще нужны для прикрытия своей деятельности, упор делается на молодежь. Второй этап – это идеологический переворот в сознании людей, расширение своего влияния на население. Сделать это можно уже более публично, например, провести митинг, пикет, автопробег, шествие с демонстрацией своей атрибутики, обычно в форме флага. Цель – привлечь внимание к организации. При этом используется либерально-правозащитная демагогия и популизм. Сами представители партии начинают говорить, что они выступают за права мусульман, могут изображать себя ярыми сторонниками Конституции и светских законов государства.

Наконец, третий этап – захват власти в свои руки с помощью уже сочувствующих им чиновников и общества. На этом этапе они допускают использование оружия. Яркое доказательство тому – активное участие «Хизб-ут-Тахрира» сейчас в войне против законного правительства Сирии. При этом, несмотря на определенные идеологические различия, они легко могут объединяться с другими радикальными течениями ислама, например, с ваххабитами» [272].

Вторая составляющая акцентирует свое внимание, как на социальных потребностях человека, так и на его понимании текущих процессов в обществе. Отличительной чертой современного общества является его динамичность, масштабность, а также постоянные изменения и новшество в

жизни людей, многие из которых для традиционного общества являются просто неприемлемыми, и воспринимаются населением весьма негативно. При таком бурном ритме жизни, часть граждан и, прежде всего, молодежь, не может найти свое место в обществе, и как результат начинается поиск самого себя, который зачастую приводит их в различные деструктивные организации, включая религиозные.

Как отмечают современные исследователи Л. Гырла и А.О. Жефля: «Религиозные секты являются формой поиска путей социального утверждения молодежи и ухода от проблем, затрудняющих социальную адаптацию индивида. Ценности и нормы поведения, которые молодые люди усваивают в подобных организациях, негативно влияют на формирование и становление личности. Мировоззренческий, деятельностный и экзистенциальный вакуум диктует необходимость педагогической деятельности, направленной на предупреждение вовлечения молодежи в деструктивные религиозные секты, так как под влиянием деструктивных религиозных сект у молодежи нарушаются процессы жизненного самоопределения, полноценного самовыражения и самосовершенствования.

Анализ причин ухода молодежи в деструктивные религиозные секты позволил выделить три блока причин данного явления:

Первый блок составляют социальные причины, к которым относятся социально-экономическая и политическая нестабильность, социальное неравенство, девальвация нравственных ценностей и норм поведения;

Второй блок – это причины социально-психологического и педагогического характера (кризис государственных институтов воспитания, дисгармония внутрисемейных отношений, отрицательное влияние социума);

Третий блок включает личностные причины (патохарактерологические особенности личности, деформация ценностных и смысловых ориентиров, не критичность мышления)» [114, с. 75].

Обозначенные детерминанты носят фундаментальный характер, однако наряду с ними действует комплекс дополнительных факторов, оказывающих

длительное негативное воздействие на исследуемый процесс. Включаясь в деятельность деструктивных сообществ, радикализируемая молодежь демонстрирует готовность не только к усвоению их доктринальных установок, но и к практической реализации любых директив радикального характера. Как отмечалось в наших ранних публикациях, итогом данного процесса выступает установление тотального контроля над ментальной сферой личности со стороны лидеров радикальных организаций [18-А, с. 62-63]. В подобных условиях происходит глубокая деформация идентичности новых адептов, сопровождающаяся замещением их личностных ценностей групповыми деструктивными идеалами. Через подавление собственного «Я» и нивелирование индивидуальности субъект фактически утрачивает когнитивную автономию, трансформируясь в объект жесткого внешнего манипулирования. Процесс подавления индивидуальности Роберт Лифтон классифицирует как "смену личной идентичности на групповую", где в условиях жесткого идеологического контроля человек утрачивает способность к самостоятельной оценке реальности [58, с. 308].

В данном контексте необходимо акцентировать внимание на том, что методы и доктрины, транслируемые религиозно-экстремистскими и международными террористическими организациями, не просто противоречат действующим политико-правовым нормам светского государства, но и нацелены на системный демонтаж основ светской идентичности граждан. Радикальные акторы подвергают тотальной обструкции любые светские идеологические концепты, делегитимизируя их и позиционируя как противоестественные и деструктивные для социума. Подобное нигилистическое отношение детерминирует специфическую модель социального поведения членов экстремистских сообществ, в основе которой лежит жестко радикализованное религиозно-психологическое сознание [18-А, с. 63]. В этом аспекте П. Нойманн подчеркивает, что критика светских моделей со стороны экстремистов направлена на создание "параллельной

социальной реальности", где религиозные догмы заменяют неэффективные, по мнению радикалов, государственные институты [66, с. 82].

Специфика психологии религиозной личности детерминирована рядом уникальных дефиниций, требующих системного учета в рамках исследовательского процесса. Религиозное мировосприятие несет в себе элементы интолерантности, поскольку базируется на жесткой аксиологической дихотомии и противопоставлении абсолютных категорий: сакрального и примитивного, блага и греха, абсолютной истины и заблуждения. Вследствие придания собственной вере сверхценного статуса, адепты конфессиональных доктрин рассматривают расширение круга единоверцев как экзистенциальный долг, что в практической плоскости трансформируется в экспансивные, а нередко и агрессивные формы религиозного прозелитизма [121, с. 46].

Идея насилия является центральным звеном идеологии экстремизма и терроризма. Она вытекает из предположения о принципиальной неразрешимости существующих общественных противоречий и конфликтов мирными, цивилизованными средствами, из представления о невозможности найти компромисс между противоборствующими силами, добиться мира и согласия [266].

Возникновение, развитие и укрепление в обществе идеологии насилия возможно только при наличии острых социально-политических проблем и сопутствующего ему идеологически-духовного кризиса. Экстремизм и терроризм, как и всякая социальная идеология, зарождаясь, начинает оказывать своё негативное воздействие на сознание людей, мотивируя их на совершение деструктивных общественных деяний. Воспринимая мировоззрение религиозных экстремистских и террористических организаций, типа «Хизб-ут-Тахрира», имеющих глобальный характер, у последователей создается ложное впечатление и иллюзия формирования истинных религиозных норм и ценностей, придающие им осмысленность в их социальной активности. Причем, сама социальная активность требует от

сторонников полного безоговорочного исполнения поставленных задач, так как воспринимается ими как особая миссия, направленная на качественное изменение мира. Эта потребность в осмысленности через радикальную активность подтверждается исследованиями Харви Уайтхауса, который указывает, что в условиях социально-политической аномии участие в экстремистских организациях дает индивиду ощущение "психологического слияния" с группой, где деструктивные задачи начинают восприниматься как сакральный долг и единственный путь к качественному преобразованию реальности [320, с. 194].

Исследование ключевых детерминант и латентных причин, побуждающих индивидов к интеграции в деятельность экстремистских и террористических группировок, остается одной из центральных проблем современной конфликтологии. В процессе поиска ответов на данный вызов ведущими международными исследователями был верифицирован широкий спектр теоретических моделей и гипотез. Несмотря на это, консенсуса относительно существования единого универсального мотива в экспертной среде до сих пор не достигнуто. Подобный методологический плюрализм обусловлен исключительной сложностью, многоаспектностью и динамическим характером самой анализируемой проблематики. В современной экспертной литературе психологический портрет радикально настроенного индивида коррелирует с рядом личностных деформаций:

1. Гиперкомпенсаторная агрессия: наличие выраженного комплекса неполноценности провоцирует развитие защитных механизмов, проявляющихся в повышенной враждебности. Постоянная потребность в актуализации собственного «Я» порождает состояние хронической агрессивно-оборонительной готовности.

2. Кризис психосоциальной идентичности: дефицит самоидентификации выступает катализатором вступления в деструктивные сообщества, которые выполняют роль психостабилизирующего института, предлагая индивиду новую систему групповой принадлежности.

3. Рационализация мотивов или самооправдание: использование идеологических доктрин часто служит инструментом проекции и рационализации латентных психологических потребностей. Политические лозунги в данном контексте замещают глубинные запросы на усиление личностной значимости.

4. Аксиологический и эмоциональный инфантилизм: для радикальных субъектов характерны максимализм и догматизм, обусловленные поверхностным когнитивным восприятием социально-политических процессов и интеллектуальным дилетантизмом [197].

Обозначенные детерминанты наглядно подтверждают, что базовым триггером вступления молодежи в деструктивные радикальные сообщества выступает глубокий личностный кризис. В рамках наших более ранних исследований данный этап характеризовался как фаза социальной и ментальной неустроенности человека, которая содержательно сочетает в себе как болезненный поиск собственной духовной и конфессиональной идентичности, так и деформацию процессов первичной и вторичной социализации [18-А, с. 63-64]. Данные факторы указывают на то, что фундаментом радикализации молодежи выступает период острого жизненного кризиса. В контексте эпигенетической теории Эрика Эриксона, этот этап соотносится с кризисом идентичности, когда личность сталкивается с проблемой самоопределения. Согласно Эриксону, если процесс позитивной социализации оказывается нереализованным, индивид, стремясь избежать состояния неопределенности или «диффузии идентичности», может выбрать путь формирования «негативной идентичности» [97, с. 184].

Название террористической группы служит первым и главным признаком того, как группа позиционирует себя обществу и как общество воспринимает её. В основном, название террористической группы предполагает две части: «Кто мы такие», то есть, идентичность группы, и «Что мы хотим», то есть цели группы. Террористические организации различаются по своей иерархии, стилю лидерства и организационной структуре. Анализ

сетей террористических групп может предоставить важную информацию об уникальных характеристиках террористических организаций – от вопросов сетевой вербовки последователей, сетевой эволюции, до распространения радикальных идеологий через сети [114, с. 74].

В этой связи возникает естественный и основной вопрос, в чем заключается опасность, исходящая от деятельности экстремистских и террористических группировок для современного социума?

Во-первых, конфликт, содержащий религиозный фактор, является одним из наиболее взрывоопасным и быстро развивающимся за счет мобилизации сочувствующих. Подобные конфликты нельзя разрешить, они всегда будут сопровождаться «социальной травмой». Неурегулированные религиозные конфликты могут спровоцировать усиление религиозного экстремизма. Наибольшую остроту религиозный экстремизм приобретает в случае использования религиозной идеологии для оправдания националистических или сепаратистских тенденций в поликонфессиональных государствах, особенно в случаях совпадения религиозной и этнической самоидентификации народов.

Во-вторых, управление конфликтами на религиозной почве основывается на создании технологии изменения религиозной идентичности, которые необратимы. Это в очередной раз демонстрирует, что религия представляет собой одно из наиболее мощных средств, как созидания, так и разрушения.

В-третьих, противостоять деятельности «засланцев» можно только путем информирования населения о механизмах их создания и функционирования и поддержанием высокого уровня критического мышления и пытливости ума. Это возможно путем постоянного самообразования и благодаря регулярному выходу человека из своей «зоны комфорта» [167, с. 56-57].

Эффективное противодействие экстремизму и терроризму сегодня является одним из наиболее приоритетных направлений деятельности

правоохранительных органов Республики Таджикистан. Противодействие подразумевает разработку нового социального механизма практических действий с активным вовлечением всех заинтересованных сторон в решение данной проблематики. Природа экстремизма и терроризма такова, что она требует не только критического анализа при выявлении причин его появления в обществе, но и объективного его толкования как социально-политического явления.

Следует отметить, что терроризм можно назвать самым опасным и тяжело прогнозируемым явлением современности, которое постоянно эволюционирует в новые формы и угрожающие масштабы. Террористические акты в большинстве случаев приносят массовую гибель людей, разрушение духовных и материальных ценностей, которые порой невозможно восстановить, создают ситуации для зарождения враждебных отношений между странами, провоцируют войны, сеют ненависть и недоверие между социальными и национальными группами, которые иногда невозможно преодолеть в течение жизни целого поколения. При этом террористическая деятельность не имеет статического состояния, отличается высокой степенью адаптивности и постоянно находится в стадии развития, в ряде случаев опережая системы антитерроризма и контртерроризма. Сегодня терроризм превратился в опасный и долговременный фактор развития современного общества. Таким образом, терроризм стоит определять, как способ борьбы в социально-политической сфере, включающая активную систематическую эскалацию насилия в виде упорядоченного использования террористических актов с целью решения основной (глобальной) проблемы за счет второстепенных, субъективных факторов: искусственной дестабилизации аппарата управления, всеобщего устрашения и др. [136, с. 315-317].

Исследование и анализ религиозного фактора в социальном конфликте на территории Центральной Азии останется актуальным и востребованным в обозримой перспективе по причине того, что фактор религии продолжит оказывать своё сильное воздействие на социально-политическую жизнь

государств [293, с. 56-57]. Действующие экстремистские и террористические группировки в регионе в своей пропаганде и далее будут делать упор на институт религии в силу её высокого авторитета среди населения. Большинству современной молодежи стран Центральной Азии присущ активный поиск своей личной самоидентификации и как результат многие из них испытывают тяжелый когнитивный диссонанс. Существующие в обществе тенденции таковы, что можно охарактеризовать их как процесс поиска идентичности посредством религиозного сознания, особенно среди молодежи. Динамика возрастания интереса к религии также играет на руку действующим в регионе экстремистским структурам и организациям. Деструктивные силы и далее будут активно пользоваться этой возможностью для расширения влияния своей идеологии в жизни общества. В итоге в обществе будут усиливаться религиозные трения, которые время от времени будут перерастать в открытые социальные конфликты на религиозной почве. Данная динамика находит прямое подтверждение в исследованиях таджикского ученого У. Маджиди, который подчеркивает, что цифровая среда региона выступает не только катализатором поиска смыслов, но и пространством для радикализации [306].

Воспринимая и анализируя идеологию и деятельность экстремистских и террористических группировок как выражение социального конфликта, можно более объективно выявить все имеющиеся факторы, способствующие росту столь негативного явления в обществе.

Выводы

1. Очень трудно оценить подлинный уровень влияния социального института религии на жизнь и уклад традиционного общества, коим является Республика Таджикистан. Как правило, религия имеет самый сильный и непоколебимый авторитет в глазах широкой общественности. Данная реальность способствует тому, что фактор религии вызывает повышенный интерес со стороны экстремистских и террористических организаций. Их интерес к религии вызван необходимостью достижения конкретных задач и

целей. В первую очередь, религия становится наиболее действенным инструментом с целью получения массовой социальной поддержки, что позволяет более эффективно решать поставленные цели. В то же время религия позволяет претендовать на получение своей легитимной ниши в социально - политической жизни общества.

2. Религия как источник социального конфликта, в научных кругах относится к числу наиболее сложно прогнозируемых и трудно решаемых вопросов. В целом, социально-политическую жизнь государства невозможно представить без конфликтов. Природа социального конфликта вызвана различными видениями и разногласиями на социально-политическую структуру общества. Таким образом, конфликтность возникает в обществе в период, когда между различными участниками социального процесса возникают разногласия. Уровень разногласия определяет характер и масштабность конфликтности. Чем ожесточеннее и непреодолимее выглядят разногласия, тем сильнее будет протекать социальный конфликт.

3. Активное использование экстремистскими и террористическими группировками отмеченного нами фактора убеждения с целью пропаганды деструктивной идеологии имеет вполне практическое значение. Массовое и безостановочное использование убеждения притупляет критическое мышление у человека, и он перестает отличать правду от лжи, становясь наиболее уязвимым для восприятия деструктивной идеологии.

4. Комплексный анализ деятельности экстремистских и террористических организаций, на примере «Хизб-ут-Тахрира», позволяет раскрыть методы их работы. Так, текущие процессы и существующие проблемы в обществе трактуются деструктивными силами исключительно с учетом их политических задач на основе своего мировоззрения. Характерной чертой деструктивных сообществ является жесткая идеологическая селективность, предполагающая полное отторжение любой информации, не соответствующей доктринальным установкам организации. Базовым элементом стратегии данных групп выступает интенсивная идеологическая

экспансия в молодежной среде, выстраиваемая вокруг нарратива «религиозной исключительности». Позиционирование себя в качестве единственных носителей «истинного Ислама» выступает инструментом мобилизации и формирования групповой идентичности, основанной на чувстве превосходства и элитарности.

5. Проблема изучения психологии экстремиста и террориста относится к числу наиболее дискутируемых и, по праву, принадлежит к группе трудно исследуемых вопросов. Фактор психологии и ментального состояния участника экстремистского и террористического сообщества представляет интерес по причине того, что он раскрывает не только их внутреннюю идентичность, природную сущность, но и мотивацию, приведшую их в деструктивные организации. В то же время данный фактор выявляет и общественные задачи, то есть, предполагаемые социально-политические цели и намерения.

2.2. Идеологическая основа экстремистских и международных террористических организаций в Таджикистане

Как нами было отмечено в ранних исследованиях: «Проблема идеологии принадлежит к той категории социальных вопросов, которая вызывает постоянный интерес со стороны не только ученых, но и простых граждан. Наибольшую актуальность она приобретает в тот исторический период, когда в государстве происходят судьбоносные и кардинальные социальные, экономические и политические перемены. Сами трансформационные процессы подталкивают общество переосмыслить свои ценности. Они, по сути, определяют и формируют духовные скрепы, которые позволяют максимально консолидировать народ в преодолении существующих проблем в государстве» [16-А, с. 214]. Это полностью соответствует принципу Маннгейма о «ситуационной детерминированности». Он утверждал, что в периоды стабильности идеология кажется незыблемой, но как только

социальный фундамент меняется, «коллективное бессознательное» группы вынуждено выходить наружу и переформулироваться [60, с. 33-34].

Текущие социальные трансформации требуют, как своего объективного анализа, так и идеологического обоснования происходящих изменений. Особенно это было характерно для всего постсоветского пространства, когда страны, получившие свою государственную независимость, изменили свою общественно-политическую фармацию.

Полученные в ходе предшествующего анализа результаты показали, что «несмотря на всю социальную значимость фактора идеологии, до сих пор в научной среде нет единого устоявшего мнения. В целом, само отношение к нему как со стороны общества и экспертно-аналитических кругов можно фактически подразделить на две условные группы:

Первая группа – это сторонники наличия сильной государственной идеологии. Свою позицию они обосновывают тем, что государственная идеология является важным социальным стержнем, который объединяет воедино различные социальные группы. К тому же она способствует формированию единых духовных ценностей в обществе, а также укреплению государственного патриотизма.

Вторую группу составляют их прямые и принципиальные оппоненты. Они выступают против наличия государственной идеологии, закреплённых в официальных государственных нормативно-правовых актах. Подобное положение дел было, в частности, во времена Советского Союза, когда государственной идеологией был коммунизм. Согласно их точке зрения, общество должно быть свободно от какой-либо идеологии. Главный их довод сводится к тому, что любая утвержденная идеология позволяет местной элите манипулировать и управлять общественным сознанием, а также жестко пресекать любое иное мировоззрение» [16-А, с. 214].

Термин «идеология» имеет чуть более 200-летнюю историю. Идеология в научный оборот был официально введен в конце XVIII в. – в 1796 г. французским философом Антуаном Луи-Клодом Дестют де Траси в научном

докладе «Проект идеологии». Позже, развив свою научную мысль, он подготовил фундаментальный труд, ставший широко известным в научных кругах под названием «Элементы идеологии» [40]. Он рассматривал идеологию, прежде всего, как некую систему первоначальных знаний в области морали, политики и права. Тем не менее, сама полемика вокруг идеологии имеет гораздо более длительную историю. Еще на заре письменной истории человечества первые государственные образования Запада и Востока стремились дать определенное рациональное объяснение текущим процессам в государстве. В частности, они пытались обосновать действующий социальный строй, политическую модель управления государством, экономическую структуру общества, религиозные каноны и догмы [26, с.376-378].

С развитием же самого института государства непрерывно развивалась и идеология, как значимый социальный институт. В современной политической науке сложились устойчивые подходы к классификации идеологических систем. На основе их целеполагания и ценностных ориентиров их можно разделить на несколько ключевых групп.

В первую группу входят идеологии социально-политической направленности, такие как анархизм, консерватизм, либерализм и фашизм.

Вторая группа – это экономические идеологии, в число которых входят социализм, коммунизм и капитализм.

Третью группу составляют агрессивные идеологии национально-этнического толка. Данная группа включает в себя расизм, нацизм, национализм и шовинизм.

При этом достаточно популярными в последнее время стали такие идеологические концепции, как гуманизм, феминизм и меритократия [47].

В данном случае можно предположить, что роль идеологии будет только возрастать, затрагивая все новые сферы жизни. Это будет вызвано, главным образом, самим развитием человеческого общества, а интерес к ней значительно актуализируется. Причина тому служит само её предназначение и

социальная функция. Так, именно идеология формирует и развивает политическое сознание людей, дает ценностные ориентиры и способствует реализации политических решений. Она неоднозначна по содержанию, характеру, формам проявления, но, в сущности, является политическим ориентационным ценностным сознанием. Поэтому, наверное, неслучайно в демократически развитых государствах политические партии в основном конкурируют на уровне политических идей и убеждений.

Идеология эффективна, если обеспечивает единство общества, объединяет его граждан вокруг общенациональных задач, адекватных времени и условиям. И неэффективна, если она не воспринимается обществом, не способствует достижению поставленных целей, не определяет пути дальнейшего развития общества в конкретных исторических условиях. Идеология является побудительной силой, непосредственным импульсом для соответствующих идей, так как придает действиям людей определенный общественный смысл. Кроме того, побуждая людей к социальным действиям, она вместе с тем обеспечивает необходимую ориентацию, формируя при этом определенную модель поведения, как человека, так и общества. Именно поэтому идеология и выступает как система идей и представлений, побуждающих отдельные социальные группы или общество в целом действовать, приближаясь к поставленной цели [213, с. 213].

Появление той или иной идеологии в государстве невозможно без ряда принципиальных моментов, что во многом обусловлено, прежде всего, сложившимся объективным социальным запросом на появление новой идеи политического, экономического, национального или же религиозного характера. При этом сама идеология должна быть востребована и иметь свой прямой адресат в лице целевой социальной группы. Последний значимый фактор — это практическая возможность активного распространения идеологии в массы с целью привлечения новых последователей [30, с. 420].

Сформулированные нами ранее выводы позволяют констатировать, что «в государствах постсоветской Центральной Азии рассматриваемый нами

вопрос стоит особенно актуально. Многие существующие в обществе проблемы, как правило, объясняются, прежде всего, отсутствием государственной идеологии. Данная реальность воспринимается многими не иначе как идеологический хаос общества. В результате наблюдается упадок духовной нравственности, традиционных норм и ценностей. Другим его последствием является апатия к текущим социально-политическим процессам. На наш взгляд, объективное понимание данного состояния в контексте Республики Таджикистан возможно с точки зрения восприятия его как постидеологического общества. В данном случае важно отметить тот факт, что сам человек XXI века абсолютно по-иному воспринимает идеологию, нежели еще 40-50 лет назад» [16-А, с. 215].

Сегодня же мы наблюдаем исчезновение и упадок традиционных идеологий на фоне возникновения новых форм манипулирования сознанием масс, ведущих свое происхождение от процессов конституирования непрочных, либо «ослабленных», идентичностей феномена постправды, разрушения привычных представлений об обществе, действительности и, например, о таких базовых проявлениях человеческой жизни, как война. Человек сегодня управляется, пожалуй, мозаичной картиной мира, в которой отсутствуют прочные острова истины как абсолютной убежденности в соответствии наших представлений реальности, где понятия настоящего и виртуального, справедливого и нечестного, войны и мира стали размытыми и зачастую неотличимыми [105, с. 82].

Современная стадия «постидеологического» развития социума детерминирована трансформацией механизмов формирования и трансляции смыслов. Во-первых, наблюдается утрата политическими элитами монополии на генерацию идеологических концептов, что обусловлено сетевой природой современного информационного пространства. Во-вторых, происходит отчуждение идеологической сферы от массового сознания: повседневная активность граждан обретает высокую степень автономии от государственных институтов. В-третьих, идеологический дискурс становится ситуативным,

превращаясь в инструмент краткосрочного электорального цикла, что, несмотря на повышение гибкости политических сил, закономерно ведет к эрозии общественного доверия. Наконец, такая динамика исключает формирование устойчивой электоральной базы для большинства политических игроков, за исключением радикальных движений, чья маргинализация, впрочем, становится общемировым трендом [282].

Также уместно отметить и другую значимую и ключевую тенденцию современного периода постидеологии, которая заключается в идеологическом плюрализме, который закреплён на законодательном уровне. В частности, в восьмой статье первой главы Конституции Республики Таджикистан отмечается:

«В Таджикистане общественная жизнь развивается на основе политического и идеологического плюрализма.

Идеология ни одной партии, общественного объединения, религиозной организации, движения или группы не может быть признана как государственная.

Общественные объединения и политические партии создаются и действуют в рамках Конституции и законов.

Религиозные объединения отделены от государства и не могут вмешиваться в государственные дела.

Создание и деятельность общественных объединений и политических партий, пропагандирующих расовую, национальную, социальную и религиозную вражду или призывающих к насильственному свержению конституционного строя и организации вооруженных групп запрещаются.

В Таджикистане запрещается деятельность политических партий других государств, создание партий национального и религиозного характера, а также финансирование политических партий зарубежными государствами и организациями, иностранными юридическими лицами и гражданами» [5].

Тем самым, государством был осознанно выбран путь политического плюрализма, который гарантирует невозможность установления какой-либо идеологии в качестве общественного гегемона.

Процесс политического плюрализма или же деидеологизации общества в Таджикистане начал формироваться в нестабильное время. По времени совпал с периодом, особенно в самом начале, когда ему были присущи такие явления, как социальная турбулентность и политическая нестабильность. Данная реальность определенной частью общества воспринималась достаточно негативно и болезненно. Главным инструментом преодоления существующих социальных проблем они видели в наличии государственной идеологии. Только идеология является тем универсальным социальным механизмом, который сможет не только решать проблемы, но и придать морально-ценностную значимость их социальной деятельности [62, с. 53-54].

В то же время для простого обывателя же человека стало достаточно сложно определить значимость и востребованность идеологии. При этом в период постидеологии они не могли определить, какая же из пропагандируемых в обществе идеологий является простой утопией, а какая может в реальности внести свой позитивный вклад в развитие государства.

На наш взгляд, текущий период постидеологии необходимо оценивать объективно. Так, его нельзя воспринимать и анализировать как некий временной исторический отрезок времени, когда в обществе отсутствует идеология, а необходимо воспринимать как период, в котором происходит жёсткое противостояние между идеологиями. Само противостояние преимущественно протекает в латентном виде.

Общество не может быть свободным от идей. Сама же значимость идейных ценностей для общества и государства никогда не подвергалась сомнениям. Как отмечал русский писатель Ф.М. Достоевский, без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. Тем самым человек всегда постоянно находится в поиске своих ценностей, которые позволяют ему обрести, как духовную гармонию, так и понимание самой жизни. Сегодня

вопрос идеологии в обществе является одним из насущных и широко дискутируемых [42, с. 48].

Подробный анализ фактора идеологии и его места в жизни человека и общества позволяет нам вплотную подойти к сложившейся ситуации в данной области в Республике Таджикистан. Особо следует отметить, что классические светские идеологии в обществе стали активно притесняться религиозной идеологией. На наш взгляд, прежде чем ответить на этот социально значимый вопрос, следует указать на взаимосвязь между идеологией и религией, которая берет своё начало с древнейших государственных образований. За это время она не потеряла своей социальной актуальности и до сих пор продолжает оказывать сильное воздействие на мировоззрение людей. Религиозная идеология имеет одну значимую принципиальную особенность, отличающая её от светской идеологии. Её постулаты и концепции распространяются не только на земную жизнь, но и охватывают также жизнь человека после его физической смерти. Безусловно, данный факт делает религиозную идеологию очень привлекательной в глазах общества консервативного типа.

Уместно подчеркнуть, что религия является универсальной формой общественного сознания. Она пронизывает и оказывает сильное воздействие на человека на протяжении всей его жизни. Данная реальность способствует тому, что сегодня многие экстремистские и террористические группировки активно и успешно пропагандируют свою агрессивную идеологию [31, с. 105]. В этой связи беспристрастное понимание феномена возникновения и популяризации идеи религиозного экстремизма и терроризма, на наш взгляд, требует учета определенных факторов, исторически сложившихся в регионе:

Во-первых, институт религии в Республике Таджикистан имеет традиционно высокий уровень авторитета в обществе. В настоящее время определённая часть граждан не мыслит свою жизнь вне религии. Оно все больше в своей повседневной жизни стало исходить, прежде всего, из своего религиозного мировоззрения.

Во-вторых, важно отметить географическое месторасположение Центральной Азии, являющейся одним из тех мест, в котором пролегают стратегические транспортно-коммуникационные пути. Это позволяло региону постоянно поддерживать контакты с сопредельными территориями, включая исламские страны и народы.

В-третьих, за многовековую исламскую историю в регионе появились очень много культурно-исторических религиозных памятников. Данный факт также способствовал тому, что Центральную Азию воспринимают как неотъемлемую часть обширного мусульманского мира.

Текущий исторический период является уникальным для региона, который внес огромный вклад в развитие исламской цивилизации. После семидесятилетнего периода государственного атеизма, заново открывается и переосмысливается сущность религии. Процесс религиозного ренессанса не был исключительно внутренним процессом. Его отличительной чертой стал внешний фактор. Многие иностранные эмиссары из числа представителей зарубежных религиозных организаций активно развернули свою широкую агитационно-пропагандистскую работу среди местного населения.

Установление прямых дипломатических отношений стран Центральной Азии с мусульманскими государствами стало отправной точкой. Это позволило многим мусульманским религиозным центрам, благотворительным фондам и духовным организациям активно проводить свою работу среди местного населения, неискушенного в религиозных тонкостях.

Важное методологическое обоснование роли внешнего фактора в процессах радикализации представлено в работах П. Муллоджанова. Автор обоснованно выделяет дихотомию взаимодействия постсоветских государств с ближневосточными государствами, разделяя его на геополитический и идеологический уровни [232]. В первом случае речь идет о прагматичном межгосударственном сотрудничестве; во втором – об интенсивной трансмиссии религиозно-политических доктрин, заполнивших идеологический вакуум в регионе после распада СССР. Исследователь

акцентирует внимание на неготовности центральноазиатских республик к специфике сложного синтеза геополитики и идеологии в современном мусульманском мире, что, согласно позиции ученого, стало фундаментальной предпосылкой институционализации религиозного экстремизма. В данном контексте актуализируется исследовательская задача по анализу механизмов конвергенции ближневосточных геополитических стратегий и их проекции на социально-политическую стабильность в регионе Средней Азии [232].

В контексте вышесказанного уместно упомянуть сам формат их деятельности. Радикальные эмиссары в процессе распространения своей идеологии делают упор на следующие аспекты:

1. Всякая деструктивная группировка преподносит себя обществу как исключительно единственных «истинных мусульман», а все же остальные учения, по их мнению, являются ложными или же незнающими. Согласно их мнению, подобное отношение, должно способствовать формированию у новоиспечённых последователей «большой гордости».

2. Изучение Ислама проходит исключительно с учетом их политических задач строго в соответствии с их идеологией. В то же время они категорично игнорируют и отрицают иную точку зрения, если она им в практическом плане невыгодна.

3. Процесс обучения адепта протекает, по сути, на уровне гипнотизирования, а именно методом автоматического заучивания, то есть без какой-либо логики и анализа.

4. Интересы организации становятся превыше всего. Самое главное, новые лица, став активными членами деструктивных структур, должны быть готовы к практическому воплощению своей идеи. В частности, совершить преступные деяния, отказаться от общения со своими родственниками и друзьями, если же последние не поддерживают их новое мировоззрение.

Детерминированность религиозного экстремизма доктринальными установками обусловлена онтологической претензией любой конфессии на монопольное владение истиной. В рамках теоцентричных систем данная

претензия трансформируется в жесткую дихотомию, где собственная догматика постулируется как абсолютная и универсальная, в то время как альтернативные теологические концепты квалифицируются как ошибочные или враждебные. Именно такой подход неоднократно служил катализатором масштабных этноконфессиональных и межрелигиозных столкновений, охватывающих различные регионы мира – от Европы до Южной и Юго-Восточной Азии, а также Балканы [263].

Воздействие религиозной доктрины на сознание человека громадно и полностью контролирует мышление человека. В результате это заставляет человека воспринимать текущую реальность без какого-либо критического анализа. Наиболее объективно рассмотрел значимость религиозной доктрины американский философ Э. Хоффер, анализируя природу массовых социальных движений, пришел к таким выводам:

«Действенность доктрины заключается не в смысле ее, а в ее несомненности. Никакая доктрина, – как бы глубока и высока не была, – не будет действительна, если она не представлена как воплощение одной единственной истины. Она должна быть тем единым словом, от которого произошло и говорит все сущее. Явные нелепости, тривиальный вздор, высокие истины – все одинаково хорошо подготавливает людей к самопожертвованию, лишь бы люди все это принимали за единственную вечную истину.

Самоочевидно: для доктрины, чтобы быть действительной, главное не то, чтобы ее понимали, а чтобы в нее верили. Мы можем быть абсолютно уверены только в тех вещах, которые мы не понимаем. Понятая доктрина теряет свою силу. Как только мы что-нибудь постигаем, нам начинает казаться, что это мы сами родили. А это значит, что люди, которых просят отказаться от самих себя и принести себя в жертву, не увидят вечной истины в том, что родилась в них самих. Как только они поняли что-то, – оно теряет для них и убедительность, и несомненность. Истинноверующих всегда убеждают искать истину сердцем, а не разумом» [286].

Полностью отдаваясь изучению священных текстов своего вероучения и апеллируя к их абсолютному авторитету, религиозные фундаменталисты считают их безошибочными, тем самым предполагая возможность их однозначного понимания. Они полностью отвергают герменевтический подход к изучению религиозных текстов, что, в конечном счете, приводит к навязыванию собственной интерпретации как единственно правильной и к требованиям ее соблюдения. Искаженное толкование священных писаний и других религиозных книг позволяет адептам религиозного экстремизма представлять аргументы в свое оправдание, и прежде всего, в политической практике [175, с. 48].

Среди действующих деструктивных идеологий наиболее распространенной в массах и агрессивной по своей форме является идеология «Салафизма». Традиционно в экспертных кругах принято считать, что данное учение стало активно проникать в жизнь общества приблизительно на стыке конца 80-х и начала 90-х гг. прошлого столетия. Характерной чертой указанного периода является возрождение религии, а также возрастание её социальной значимости в государствах региона. Отличительная и принципиальная черта движения «Салафизма» заключается в том, что оно демонстративно противопоставляет себя к традиционному исламу, считая его ложным и искаженным.

Идеологическое и общественно-политическое течение, ориентированное на реставрацию доктринальных первооснов вероучения, в исламской традиции детерминируется как «салафизм». Адепты данного направления настаивают на обязательном соответствии всех аспектов жизнедеятельности, религиозных практик и нормативно-ценностных регуляторов мусульман стандартам эпохи раннего Ислама. Стоит указать, что сама парадигма апелляции к первоисточникам с целью нивелирования исторических искажений и наслоений признается абсолютно легитимной в рамках религиозного типа сознания. Более того, в контексте исламской цивилизации подобный алгоритм выступает в качестве фундаментальной

модели, детерминирующей трансляцию духовной традиции и воспроизводство конфессиональной идентичности. На различных исторических этапах обращение к фундаментальным истокам ислама традиционно использовалось как эффективный аналитический и практический инструмент преодоления системных кризисов в переходные периоды [41, с. 43].

Идеология продвигалась и распространялась в массы по поэтапному принципу. Перед каждым новым этапом стояли свои собственные цели, задачи и инструменты их реализации. При этом с наступлением каждого нового этапа ставились всё более сложные и амбициозные задачи. В этой связи большой научный интерес представляет классификация этапов проникновения идей салафизма в Республике Таджикистан, разработанная российским экспертом С.И. Масауловым. Согласно его классификации, проникновение деструктивной идеологии «Салафизма» состояло из восьми взаимосвязанных и последовательных этапов:

«1. Вхождение в страну. Признаки этапа: появление вербовщиков (не ведут споров, держатся подчёркнуто вежливо, не привлекают к себе внимания, главное – отсутствие развёрнутой пропагандистской кампании). На этом этапе решается задача предоставления финансовой помощи, в основном мусульманским организациям. Активно поддерживаются молодые лидеры, часто не религиозные, особенно на уровне районов и джамоатов (структур местного управления). Первый этап завершается укоренением в стране группы людей, которая сначала ничем не привлекает внимание общественности.

2. Проникновение. Признак этапа: формирование устойчивой группы сторонников вокруг неформального лидера, часто лидера молодёжной группы. Задачей является, прежде всего, финансовая поддержка неформальных групп. Обычно выплачиваются стипендии, различного рода гранты, компенсационные выплаты на лечение и решение социальных проблем местного сообщества. Подобные субсидии для семей в джамоатах доходят до \$500 в месяц. Весьма важная задача – достижение доминирования

неформальной группы в джамоате, и выдвижение членов этой неформальной группы на посты в государственном аппарате, а также на уровне местных органов власти и в традиционных религиозных структурах.

3. Организационное развитие. Признаком начала третьего этапа является формирование джамаатов это объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой и т. п. На этом этапе решаются задачи отправки членов джамаатов, особенно молодых людей, в центры салафитов. По рекомендации амиров кандидаты отбираются и направляются целевым образом для прохождения учёбы. Джамааты проводят различные конкурсы, получают и распределяют гранты, поощрения для не имеющих и т.п. На этом же этапе начинается проведение различных курсов обучения в иностранных лагерях салафитов.

4. Легализация. После 2003 г. духовные лидеры салафитов – амиры, переходят к открытой проповеди вне пределов своей общины. В Таджикистане салафиты применили успешную тактику: на первых порах, чтобы завоевать симпатии власть держащих, они всячески поддерживали все начинания государственных чиновников. На базарах появились места продаж книг, брошюр, кассет, CD, DVD и других носителей информации салафитского характера. Кроме того, через мощные колонки, установленные в местах продаж, осуществлялось постоянное, активное, информационное воздействие в виде трансляции проповедей лидеров салафитов, бесед религиозного характера, различного рода призывов и т.п.

5. Экстремистские действия. Признаком этапа: на основе традиционных структур формируется оппозиционное «подполье», а также структуры, способные поддержать мятежников и сепаратистов. На данном этапе решаются задачи формирования боеспособной воинской части джамаатов, находящихся под контролем амиров. Происходит расширение джамаатов и увеличение количества людей, проходящих курс обучения за границей, открытие новых подпольных лагерей.

6. Управляемый кризис. Признак этапа: ослабление традиционных структур в обществе, и – наоборот, усиление джамаатов. На этом этапе салафиты решают задачи перехода реальной власти к т.н. «шуре амиров», т.е. к совету всех основных джамаатов региона. Также сохраняются традиционные структуры для легитимизации шуры амиров в глазах населения и внешнего мира.

7. Силовой захват власти. Признак этапа: разгром либо деморализация правительственных войск, с однозначной их ликвидацией вместе со всеми традиционными структурами, в том числе правоохранными.

8. Мобилизация. Концентрация сил для распространения влияния салафитов на соседние территории. Такова стройная концепция взятия власти салафитами, в корне отрицающими любую власть не от Бога, отрицающими национальное государство» [224].

На всех восьми этапах явно просматривается социальная активизация последователей движения салафизма. Именно их гражданская активность была тем механизмом, который позволял расширить своё влияние в обществе. Это достигалось путём целевой работы с различными социальными группами. В их числе уязвимые социальные группы населения, люди утратившие свои духовные ориентиры или же остро переживающие кризис личной идентичности, и те, кто стремился пересмотреть свое отношение к жизни и религии. Тихое и ползучее распространение идеологии салафизма в массах подобным образом таило в себе большую угрозу для самого социума. В сознаниях граждан формируется впечатление, что общество само добровольно воспринимает и разделяет идеи салафизма. Следовательно, процесс не происходит путем насильственного принуждения. Таким образом, метод гражданской ползучей активности является чрезвычайно привлекательный.

Таким образом, «гражданская» радикализация является более опасной, потому что с ней верующим, в первую очередь уязвимым, легче навязать идею исламизма, чем террористическими методами. Проникновение подобной стратегии в религиозно и социокультурно плюралистические общества может

вызвать серьезные внутренние конфликты. Иными словами, неофундаментализм может в корне негативно изменить нынешний религиозно-политический ландшафт Центральной Азии [44, с. 41].

Анализ идеологии салафизма показывает, что цементирующим принципом выступает такфир. Данное понятие является агрессивным и запугивающим, суть которого заключается в обвинении в неверии. Тем самым они определяют тот круг, куда относят всех тех, кого они считают злейшими врагами ислама. Категория врагов ислама достаточно широкая и включает себя, в том числе и самих мусульман. Такфир распространяется также на тех мусульман, которые не согласны с их идеологией. Другой группой, попадающей под такфир, являются все без исключения иноверцы, которых принято считать кафирами, т.е., неверными. Зародившись в Египте в конце 60-х годов прошлого века, такфиризм стал широко и быстро распространяться в мусульманской среде. Следует отметить, что сегодня приверженцами такфиризма являются многие действующие экстремистские и международные террористические группировки [51, с.72].

Социальную опасность, исходящей от радикальной салафитской идеологии точно подметил эксперт Национального института социальных и культурных исследований Ирана Хасан Джаббари Насир. Он указал, что с начала XXI в. салафитская исламская социальная модель и верования в некоторых странах начали превращаться в радикальную такфиристскую идеологию. Это привело к формированию радикальной идентичности, адепты которой критикуют нормы традиционного ислама и в некоторых случаях отвергают прошлые подходы политического ислама. Салафиты-такфиристы создали идеологию, опирающуюся на буквалистское понимание Корана и одобряющую террористические акты для достижения политических и идеологических целей создания исламского государства [283].

Названная трансформация политического ислама, которая географически произошла на Ближнем Востоке и на соседних с ним территориях, начала быстро распространяться по всему миру. Это был вызов

глобальной безопасности, поскольку появилась сила, которая активно использовала насильственные методы достижения целей и продвигала радикальное, то есть слишком отличающееся от господствующего видение устройства мира. Данный вид политического ислама бросает вызов всем акторам международных отношений и мировой политики с политической и интеллектуальной точек зрения в отношении вопросов, связанных с руководством, идеологией, модернизацией и развитием, плюрализмом, демократией, элитами традиционной религией, а также с внешней политикой стран и международными отношениями [283].

Активное применение такфира салафитами имеет вполне практическое значение. Они обосновывают и легализуют не только своё отношение к своим противникам, но также и применение насильственных действий в отношении них.

Мировоззрение салафитов отличается крайней нетерпимостью, антидемократичностью и прославлением культа насилия. Они внушают верующим, что только строгое соблюдение законов шариата и последующих догматов может обеспечить им место в Раю. В противном случае их постигнут ужасы Ада [262].

Характеризуя доктринальные основы салафитского такфиризма, таджикский эксперт М. Анварзод подчеркивает его ярко выраженный радикально-агрессивный вектор. Ключевым элементом данной идеологии является практика такфира – вынесение такфиристского «приговора» в неверии как отдельным мусульманам, так и государственным институтам в целом. Согласно его точке зрения, деструктивный потенциал такфиризма заключается в легитимации насильственных действий, где объявление правителя, армии или сотрудников правоохранительных органов «кафирами» выступает обоснованием для вооруженного противостояния [193]. В генезисе такфиристской концепции важное место занимает идеологическая конструкция А. аль-Фараджа, осуществившего синтез салафитской акиды с концепцией «вооруженного джихада», опирающейся на радикальные

интерпретации афганского опыта. Фактически, любая политическая система, не соответствующая экстремистскому прочтению шариата, признается сторонниками такфиризма нелегитимной, что создает доктринальные предпосылки для борьбы за насильственную смену государственного строя [193].

Столь свободное трактование такфира подтверждает тот факт, что истинные цели салафитов гораздо шире, нежели просто путь возвращения к первоначальным истокам ислама, как они сами утверждают. В данном случае салафиты являют собой некую новую модель социального обустройства. В предлагаемой им модели нет места светскому мировоззрению, а также другим морально-нравственным религиозным ценностям, которые противоречат идеям салафизма. В этом контексте особую значимость имеют выводы П. Муллоджанова, акцентирующего внимание на регрессивном векторе идеологии фундаментализма. Согласно его позиции, предлагаемая сторонниками данного течения модель социально-политического устройства не является вектором прогрессивного развития, а представляет собой попытку архаизации общественных отношений путем возврата к догматам раннего средневековья [232]. Теоретический фундамент этой стратегии базируется на радикально-буквалистской интерпретации священных текстов, что неизбежно ведет к деструкции многовековой традиции исламской философской мысли. Подобная установка изначально детерминирует конфликтный потенциал салафитской идеологии: исключительное право на «истинное» толкование делает невозможным сосуществование не только со светскими институтами, но и с традиционными направлениями мусульманской религиозной мысли, что, по существу, превращает салафизм в фактор дестабилизации конфессионального пространства [232].

Начиная с 2009 г. деятельность салафитов попала под официальный запрет решением Верховного Суда Республики Таджикистан, а спустя 5 лет – в 2014 г. это движение уже официально было признано экстремистским течением [8].

Как всякая доктрина, идеология крайнего радикального ислама имеет своё историческое развитие и своих первопроходцев. В их числе, на наш взгляд, особо следует выделить трёх крупнейших религиозных идеологов и теоретиков ислама XX века – Хасана аль-Банна, Саида Ибрагима Кутба и Мауляна Абуль Аля Маудуди. Именно их труды оказали самое сильное влияние на процесс формирования и развития радикализации Ислама. Так, разработанные ими политико-религиозные концепции стали основой для ныне действующих религиозных экстремистов и террористов. Они разделяли нижеследующие религиозные принципы:

Религия как политический инструмент. Исламисты, идя в политику, стремятся вернуть религию в центр общественной жизни, превращая её в этический стержень социума и тотальную политическую идеологию, что подразумевает восстановление иерархии «религия – общество – государство». характерной для эпохи первоначального ислама.

Незыблемость священного писания. Коран рассматривается как прямое и неделимое выражение божественной воли. Фундаменталисты отвергают любое аллегорическое толкование или фрагментацию священных текстов, считая их единственной основой жизни. [125, с. 36]

«Динамическое право» Сайида Кутба. Согласно ему, быстрые социополитические изменения современного мира, характерные возвращением «доисламского неведения» или (джахилийи), угрожают существованию самого «сообщества верующих», то есть “уммы” [125, с. 39].

“Война за права Бога”, в рамках которой главной задачей мусульманина является борьба за полное утверждение «суверенитета Бога». В этом контексте, джихад имеет своей целью воплотить существующие противоречия в сражение двух единственно существующих «партий» – истинно верующих и неверующих, состоящей из «идолопоклонников», «ложных мусульман», индивидов, групп и государств, противостоящих «суверенитету Бога» [125, с. 44].

Возрождение первоначальных исламских канонов в процессе активного сопротивления. Для легитимации своей политической программы, исламские фундаменталисты оперируют к ценностям божественного откровения, которые в настоящее время, как утверждают исламисты, оставлены и преданы не только политическими деятелями и общественными силами – носителями светских и модернизаторских идеологий, но и большей частью самих мусульман, придерживающихся «склеротизированной и компромиссной религиозной традиции, отказавшейся от следования божественным предначертаниям» [125, с. 36].

Ислам сквозь приму технологий и знаний. Согласно утверждениям исламистов, любые современные достижения, включая науку и технологии, должны быть лишены западных семантических кодов и переосмыслены в рамках исламской этики. Технологический прогресс ими рассматривается лишь как инструмент для распространения «подлинного» исламского дискурса и мобилизации верующих в обход официальных структур. Падение барьера между слоем избранных и подавляющим большинством населения было подготовлено и распространено западными технологиями. Тексты, аудио и видеокассеты в многочисленных Интернет-ресурсах делают исламистский дискурс доступным для целых социальных страт, ранее лишенных какого-либо толкования традиции, не прошедшего «официальную» обработку [125, с. 41].

Эти идеологи, прежде всего, Кутб, в агрессивно-жесткой форме критиковали современные социально-политические и морально-нравственные устои и порядки мусульманских общин, утверждая, что они отошли от первоначальных традиционных столпов ислама. Социальные и политические проекты западного мира противоречат исламу и, соответственно, являются фактически не приемлемыми и чуждыми для мусульман. Критика в отношении светской идеологии во многом строилось по принципу того, что они не смогли решить поставленные перед собой цели и задачи, в том числе преодоление социально-экономического отставания мусульманских государств. Следует отметить, что представители светских идеологий воспринимались

исключительно как чужеродные ставленники. В конечном итоге это и формировало отношение исламистов к ним, а именно противопоставляя себя им.

Идеологический конструкт Сайида Кутба базируется на концепции нео-джахилии – радикальной реинтерпретации состояния социума, формально идентифицирующего себя как мусульманский, но, по мнению автора, деградировавшего до уровня доисламского невежества [284]. Основополагающей категорией доктрины Кутба выступает «хакимия» – исключительный суверенитет божественной воли, выступающая антиподом секулярных моделей управления. Кутб обосновывает полную несостоятельность глобальных политических парадигм XX века, включая капитализм, социализм, национализм в пользу теократической альтернативы. Предложенная им идеологическая модель, сфокусированная на воспитании радикально настроенного авангарда молодежи, характеризуется ярко выраженным эксклюзивизмом: в системе координат Кутба «внутренний враг», то есть умеренные режимы и отступники представляют большую угрозу, нежели внешнее влияние [284]. Фактически, идеолог осуществил трансформацию консервативных постулатов в жесткую политическую стратегию, требующую тотального демонтажа существующих государственных институтов ради установления ортодоксальной модели «исламского образа жизни» [284].

Анализируя причину появления радикального ислама научными кругами и мировым экспертным сообществом, были отмечены различные факторы, непосредственно повлиявшие на данный процесс. Среди них, прежде всего, выделяют кризис и местами полное банкротство светской идеологии в мусульманских сообществах [134, с. 143]. Другим важным обстоятельством служит то, что агитируемые среди широких масс лозунги деструктивных групп, как правило, основываются на критике существующих в обществе актуальных проблем. При этом их идеи, отформатированные в религиозные рамки, преподносятся в очень доступной для населения форме, что также

делает их привлекательными. В данном контексте также важным является уровень самой религиозной составляющей в обществе. В данном случае отметим религиозную грамотность самих граждан.

Последний фактор на практике нашел свое подтверждение в Республике Таджикистан. На национальном экспертно-аналитическом уровне одной из самых главных и общепризнанных проблем считается слабая религиозная грамотность населения. При этом оно сопровождается сильными религиозными убеждениями. Данный тандем на практике порождает крайне агрессивное религиозное поведение человека [187, с. 21].

В частности, большой интерес представляет доктрина движения «Братьев-мусульман», основывающаяся на четырех постулатах:

1. Ислам – универсальный общественный порядок, он должен определять все аспекты человеческой жизни.

2. Мусульмане должны вернуться к вере благочестивых предков, которая была свободна от внешних чуждых влияний, проникших позднее в теологию и философию.

3. Все аспекты жизни должны быть реисламизированы, поскольку они деформированы западным влиянием. Законодательство необходимо очистить от европейских норм и восстановить на основе шариата.

4. Конечная цель реисламизации – возрождение единого исламского государства во главе с халифом [219, с. 18-19].

Отмеченные нами постулаты движения «Братьев-мусульман», по своей природе, обладают огромным радикально-экстремистским потенциалом. Они оказывают сильное негативное влияние на сознание мусульман, могут подталкивать человека к крайним действиям.

Как отмечает российский востоковед З.И. Левин, взгляды Хасана аль-Банни и идейная позиция ассоциации «Братья-мусульмане» заслуживают особого внимания, так как эта организация стала материнским лоном для большинства современных радикальных исламистских религиозно-

политических организаций и движений. Пожалуй, не найти книги или статьи об исламизме, где не поминались бы «Братья-мусульмане» [57, с. 23].

Таким образом, вопрос идеологической основы экстремистских и террористических организаций показывает ряд принципиально важных моментов. Прежде всего, человек, будучи в рядах экстремистских и террористических организаций, мотивирует свои дальнейшие жизненные поступки и принципы именем достижения «Халифата на земле и рая на небе». При этом, предлагаемые ими решения как правило имеют примитивный и поверхностный характер. Сама же оценка социальной, экономической и политической реальности отличается своей необоснованностью и неадекватностью. Как правило оно сопровождается отсутствием критического мышления. Человек, сформировавшийся подобными принципами, по своей сути изначально настроен агрессивно к окружающим, не разделяющим его мировоззрение. Согласно их представлениям, должно быть единое государство, объединяющее воедино всех мусульман Земли. Они живут строго в соответствии с канонами и догмами шариата. Искаженное и неверное представление об основных столпах религии Ислам и тотализированность мышления приводит к неприятию альтернативного социального поведения людей. В конечном итоге, это подталкивает к применению насильственных действий в отношении своих «идеологических оппонентов» [143, с. 71].

Характерная черта современных исламских идеологов – это стремление воплотить общие этические и религиозные нормы в конкретные политические принципы и активное политическое участие. Исламисты хотят, чтобы политическое участие стало религиозным долгом каждого индивида и всей общины. В результате «политика буквально сакрализуется, а этические и религиозные обязательства систематически политизируются, расширяются и институтируются» [220, с. 89].

Анализ идеологических основ деструктивных организаций свидетельствует о том, что оно является достаточно сложным и многоаспектным явлением. На процесс формирования и развития

идеологически-духовных воззрений экстремистских и международных террористических организаций сильное влияние оказывает неадекватное восприятие окружающей действительности, в частности, в таких важнейших государственных сферах, как политика, экономика и морально-нравственное состояние общества. К тому же, каждая из отмеченных сфер находится в постоянной и непрерывной динамике, которые могут, как усиливать своё влияние на отдельно взятого человека и само общество до максимума, так и ослабевать до его предельного минимума.

Оперирование к религиозной доктрине, призывающей к возвращению к первоисточникам зарождения Ислама, легитимирует в глазах мусульман достижение поставленных целей. Социальный спрос на подобные религиозные доктрины в мусульманском сообществе всегда будут востребованы. Осознавая это, экстремистские и террористические организации активно спекулируют, обещая вернуть былое величие Ислама времен Халифата, когда его огромная территория простиралась от Китая до Испании.

Таким образом, главной принципиальной чертой действующих экстремистских и террористических группировок является твердость и незыблемость их религиозной идеологии. В этой связи, для объективного понимания религиозного экстремизма все большее значение приобретает анализ их психологическо-идеологической деятельности. Экстремистские и международные террористические организации продолжают применять и совершенствовать в своей преступной деятельности различные формы, методы и средства. Тем самым они продолжают активно воздействовать на психологию и мировоззрения людей. В результате видоизменяются их религиозные и социальные взгляды, мнения, морально-ценностные ориентации, настроения, мотивы, установки и наконец, стереотипы общественного поведения. Их конечной целью в идеологической деятельности является моральное разложение социальной жизни изнутри, направленное на дальнейшую социальную дестабилизацию и взрыв.

Соответственно, доктринальная основа радикальных экстремистских и террористических структур, функционирующих в Республике Таджикистан, ориентирован на жесткую деструктивную критику и системное неприятие текущих общественно-политических и социально-экономических преобразований в стране. Конструируя собственный альтернативный проект государственно-политического устройства, данные организации опираются на четко структурированную программу действий, внедрение которой направлена на насильственную трансформацию существующего строя и достижение заявленных стратегических ориентиров. В подтверждение следует отметить, что социальное поведение самих экстремистов и террористов в Республике Таджикистан во многом основано на объективном понимании существующей реальности. Это включает в себя два важных измерения. Первое измерение заключается в детальном анализе социально-экономической обстановки на местах. Второе измерение – это уровень понимания ими ментально-психологического состояния граждан. Как результат, такое понимание в значительной мере содействует им находить единомышленников среди простого населения по всей стране.

Выводы

1. Анализ идеологической основы действующих экстремистских и международных террористических организаций в Республике Таджикистан показывает их ярко выраженный религиозный характер. Именно религиозные догмы и каноны являются определяющими в их деятельности. При этом, на наш взгляд, важным представляется тот факт, что вся их идеология была сформирована географически далеко за пределами Республики Таджикистан. Соответственно, это не является результатом собственного внутреннего анализа религиозных догм и канонов.

2. Социальная опасность, исходящая от идеологических установок экстремистских и международных террористических организаций, заключается в том, что они по своей сути являются взрывоопасными для традиционного общества. Об этом свидетельствует история человечества,

когда под знаменем религии были совершены самые жестокие и кровопролитные боины, при этом не испытывая никакого сожаления или же раскаяния. Отличительной и принципиальной чертой современных экстремистов и террористов является твердость и незыблемость их религиозных убеждений и идеологии.

3. Наличие последователей салафизма и такфиризма в обществе, на наш взгляд, свидетельствует о пробеле религиозных знаний традиционного ханафитского мазхаба. Среди населения наблюдается, как незнание основ традиционного Ислама, так и искаженное представление об Исламе и исламских ценностях. Следовательно, рост экстремизма является прямым результатом религиозной неграмотности местного населения. Сегодня понимание и знание о своем традиционном мазхабе простым населением является очень актуальным. Так, экстремисты насаждают свою агрессивную идеологию, в основе которой, в первую очередь, лежит именно ненависть и не восприятие национального традиционного мазхаба. В этой связи имеется необходимость разработки иного механизма получения религиозного знания о традиционном ханафитском мазхабе местным населением.

4. Цели, которые перед собой ставят религиозные экстремисты, придерживающихся салафизма и такфиризма, подразумевает под собой физическое уничтожение всех своих врагов. Начиная от отдельно взятого человека и вплоть до целых наций, которых объявляют врагами Ислама, которым согласно их идеологии, нет места на Земле. В целом, пропагандируемая и насаждаемая в обществе идеология действующих экстремистских и международных террористических группировок в Таджикистане заключается не в адекватном восприятии текущих политических и социально-экономических процессов в государстве. При этом они имеют свой собственный идеал, а также программу действий, направленную на достижение поставленной цели.

5. С целью активной пропаганды среди населения Республики Таджикистан, действующие экстремистские и международные

террористические организации продолжают применять и совершенствовать в своей преступной деятельности различные формы, методы и средства. Они продолжают активно воздействовать на психологию и мировоззрения людей. В результате, видоизменяются их религиозные и социальные взгляды, мнения, морально-ценностные ориентации, настроения, мотивы, установки и наконец, стереотипы общественного поведения. Их конечной целью в идеологической деятельности является моральное разложение социальной жизни изнутри, направленное на дальнейшую социальную дестабилизацию и социальную дезориентированность граждан.

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РОСТУ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

3.1. Анализ притягивающих факторов как детерминанта роста экстремизма и терроризма

Критическим компонентом исследования феноменологии экстремизма и терроризма выступает комплексная деконструкция факторов, детерминирующих генезис и динамику данных деструктивных явлений. Вначале подчеркнем научную значимость и ценность анализа данных факторов, влияющих на формирование и развитие критического осмысления исследуемого процесса.

Объективное определение первопричин данного феномена является важным и основным условием в дальнейшей разработке целевых инструментов. Их практическое использование позволяет в долгосрочном плане успешно противодействовать экстремистским и террористическим организациям. Значимость исследуемых факторов также обусловлена целым рядом объективных для научного понимания обстоятельств. Именно они наглядно раскрывают и выявляют движущую силу социальных процессов, существующих в обществе тенденций, а также отдельных нюансов, черт и специфик, присущих данному явлению. В конечном итоге они напрямую способствуют определению наиболее значимых приоритетных мер, способных коренным образом изменить сложившуюся ситуацию.

В самом начале важно отметить, что проблема экстремизма и терроризма не является проблемой отдельно взятого этноса, социальной группы, возраста, пола или же религии. По этой причине современный экстремизм и терроризм является многоликим феноменом. Соответственно, движущими факторами, непосредственно оказывающими влияние на данные явления, могут быть различными. При этом они, как правило, разделяются на основные и второстепенные. В то же время отметим, что скорость распространения и

влияния в обществе у каждого из этих факторов различная. Таким образом, существует настоятельная необходимость в подробном исследовании основных ключевых факторов исследуемых феноменов.

Существующие в современном мире факторы возникновения и роста экстремизма и терроризма ведущими специалистами и экспертами условно разделяется на ряд крупных групп. Каждая из них требует скрупулезного и объективного анализа.

Притягивающая группа факторов, влияющих на рост идеологии экстремизма и терроризма в социуме, на наш взгляд, является наиболее сложной и трудно прогнозируемой. Это, прежде всего, связано с личной мотивацией отдельно взятого человека. Корни данной мотивации, как правило, имеют два крупных измерения – личностное и социальное [314, с. 124].

Первое измерение ведет к индивидуальным характеристикам и особенностям самого человека. В данном контексте, прежде всего, его личностное восприятие своей социальной и религиозной идентичности. Именно поиск собственной идентичности зачастую приводит людей и, прежде всего, молодежь, в экстремистские и террористические группировки.

Второе измерение – социальное, которое подразумевает организацию различного рода убедительных и многозначительных призывов и программ, которые делают экстремистские и террористические организации привлекательными в лицах граждан.

Мониторинг и детальный анализ генезиса экстремизма и терроризма дает основание утверждать, что при поиске путей противодействия им наиважнейшим представляется решение вопросов идеологического характера. Ибо роль идеологического компонента важна, как при формировании экстремистско-террористических угроз, так и при организации эффективного противодействия им. При этом следует также иметь в виду, что сама психология и философия экстремистской и террористической деятельности имеет существенную специфику, иногда не всегда понятную для большинства, если исходить из общепринятых мотивационных и поведенческих стандартов.

Американский исследователь Д. Хаббард по этому поводу заметил: «Эффективная антитеррористическая политика зависит от понимания того, что думают террористы, и того, почему они делают то, что делают; если мы берем самих себя в качестве модели, поведение террористов будет казаться необъяснимым» [113, с. 45].

Следует отметить, что «притягивающие факторы» в своей основе подразумевают достижение индивидом определенного психологического и душевного комфорта через восполнение дефицита социальной значимости. Соответственно, к данной категории факторов наиболее подвержены ментально-психологически неустойчивые лица, находящиеся в состоянии ценностно-смыслового кризиса. Как отмечает основоположник теории психологии радикализации Дж. Хорган, процесс вовлечения зачастую связан не с изначальной глубиной религиозных убеждений, а с психологическим манипулированием и поиском ответов на экзистенциальные вопросы [301, с. 4].

Происходит активная работа адептов экстремистских и террористических организаций с сознанием человека путем трансформации его мировоззрения. Данный процесс деформации личности носит системный характер и, как правило, включает в себя несколько неразрывных и последовательных этапов:

1. Этап «социального соблазна» и аффективного сближения. На данном этапе вербовщики используют тактику «бомбардировки любовью», предлагая:

- упрощенные ответы на сложные вопросы бытия (жизнь, смерть, справедливость) в атмосфере подчеркнуто «теплой» и сплоченной группы;
- лесть и подчеркивание уникальности новичка («ты нужен нам для великой миссии»);
- гарантии обретения «истинной свободы» и счастья через сопричастность к сакральному знанию [210, с. 6].

2. Этап подавления критического мышления и деперсонализации. Целью этапа является нейтрализация способности к автономному анализу через:

- создание условий физического и ментального истощения (длительные лекции, депривация сна, жесткий график обучения доктрине);
- внедрение специфического группового словаря («новояза»), который, по мнению Р. Лифтона, лишает адепта способности мыслить категориями внешнего мира и фактически обедняет его интеллект до уровня догм группы [58, с. 500];
- сведение к минимуму интимного пространства личности через практику обязательных «исповедей».

3. Этап углубления групповой аддикции и стимулирования социальных разрывов. На данной стадии происходит планомерное разрушение прежних социальных связей:

- побуждение к отказу от социально-полезной деятельности (учеба, работа) и отъезд в зоны конфликтов или закрытые лагеря;
- стигматизация семьи и друзей как «заблудших» или «враждебных» элементов. Любая критика со стороны близких представляется манипуляторами как доказательство «истинности» пути адепта, что, согласно теории когнитивного диссонанса, лишь сильнее привязывает его к группе [310, с. 118].

4. Этап формирования необратимости выхода (социально-психологическая ловушка). Террористическая организация создает условия, при которых возвращение в гражданское общество становится фактически невозможным в силу следующих причин:

- полная финансовая и ресурсная зависимость от группы;
- разрыв всех устойчивых связей с внешним миром и отсутствие профессионального опыта;
- заключение браков внутри группы, что делает невозможным выход без потери семьи и детей;
- психологический барьер – страх перед наказанием («предательством») и внешним миром, который усилиями пропаганды представляется исключительно как место гибели и враждебности [210, с. 7].

Таким образом, чем больше субъект инвестирует эмоциональных и физических ресурсов в группу на каждом из этапов, тем выше становится порог его выхода из деструктивной организации, что превращает психологическую зависимость в устойчивую приверженность радикальной идеологии.

Отмеченные этапы наглядно демонстрируют поэтапный процесс вовлечения граждан в экстремистские и террористические группировки. Также они указывают на психологические тонкости, которые делают идеи экстремистских и террористических организаций привлекательными в глазах потенциальных последователей. Они во многом строятся на индивидуальных особенностях современного человека, и главным образом включают его эмоционально-психологическое состояние [308, с. 119]. В конечном итоге, процесс затягивается на определенное время, которое необходимо, чтобы сделать из человека фактически безвольного и послушного раба или правильнее сказать – зомби. В данном состоянии он готов пойти на всё, в том числе пожертвовать своей жизнью ради идеалов и целей экстремистской и террористической организации, членом которой он является. Мышление человека доходит до такого состояния, когда для него собственное мнение является единственно правильным и объективным. Он просто элементарно не допускает иной точки зрения, более того, он видит в этом серьезную угрозу, и готов применить силу для его подавления.

Следует отметить, что многие из активно действующих экстремистских и террористических организаций по своей сути имеют ярко выраженную сектантскую структуру. Единственное и принципиальное их отличие заключается в поставленных целях и задачах, стоящих перед ними. Для последних стоит одна цель – политическая, то есть насильственный захват власти, для религиозных сект – от обыкновенного разврата до спасения от конца света.

Тем не менее, у них имеется много общего, особенно в плане мышления и рекрутирования и установления контроля за поведением своих адептов. Как

точно подметил известный российский специалист в области изучения тоталитарных сект А. Дворкин, сектантское мышление является способом биполярного видения мира: черное и белое, спасенное и осужденное, добро и зло. В сектантском мире нет места для полутонов. Лица и движения с таким типом мышления автоматически воспринимают себя в “белой, спасенной, доброй” категории. Они ищут козлов отпущения для объяснения собственных сложностей и проблем общества. Сектантское мышление может привести к нетерпимости и экстремизму. Особенно часто оно встречается во времена личных, социальных или экономических кризисов. Методы по регулированию поведения могут быть чрезвычайно эффективными и приводить к состоянию глубинной зависимости. Эти методы базируются на двух основных принципах:

1. Если вы можете заставить человека вести себя так, как вы этого хотите, вы можете заставить его поверить в то, что вы хотите.

2. Внезапные, резкие перемены среды могут сделать человека особенно подверженным влиянию и привести его к неожиданным и глубоким переменам мироощущения, системы ценностей и веры. Движение может длительно контролировать своих членов [39, с. 41].

Одной из самых сложных проблем в анализе притягивающих факторов заключается в том, что слишком большое и чрезмерное внимание уделяется религиозной составляющей в ущерб остальным факторам. Такой подход способствовал однобокому и поверхностному анализу проблемы экстремизма и терроризма. Другие же факторы, остававшиеся долгое время в тени религиозной идеологии, в реальности наглядно раскрывают качественно иные мотивы, повлиявшие на решение людей вступить в экстремистские и террористические группировки. Значимость данных факторов заключается в том, что в полной мере раскрывают эмоционально-психологические мотивы отдельно взятой личности. Процесс радикализации во многом индивидуален.

Один из важных вопросов, который необходимо разъяснить с самого начала — это то, что критически важное значение для обсуждения вопросов и

борьбы с терроризмом имеет то, обладает ли лицо радикальными или экстремистскими взглядами (понятие, которые могут быть относительно субъективными по характеру, и, тем самым, быть неправильно истолкованы), а в том, трансформируются ли такие взгляды в насильственные действия, что является скорее исключением, чем нормой [196, с. 7].

Научная интерпретация деструктивных феноменов экстремизма и терроризма требует соблюдения строгих методологических критериев объективности. Применение принципа академической рефлексии необходимо для дифференцированного анализа процессов радикализации индивида, а также для детерминации макросоциальных драйверов, обеспечивающих устойчивость экстремистских практик в современной общественной системе.

Наличие притягивающих факторов экстремизма и терроризма в экспертно-аналитической среде поставило целый ряд новых, сложных и порой неудобных вопросов перед мировым сообществом. Так, что же мотивирует современных образованных людей, как правило, из вполне благополучных семей встать на путь экстремизма и терроризма? Какие методы в наши дни используют деструктивные организации с целью пополнения своих рядов по всему миру? И, наконец, на что рассчитывают сами люди, вступая в экстремистские и террористические организации? В этом аспекте большой научный интерес представляет точка зрения нидерландского ученого А. Шмида, который детально рассматривает первопричины вступления людей в деструктивные структуры [312, с. 20].

Сегодня мы являемся свидетелями активно развернувшейся научной полемики, которая утихнет еще не скоро. Экспертами выдвигаются диаметрально противоположные точки зрения. Это свидетельствует о том, что мы до сих пор находимся в активном поиске ответа на поставленные вопросы.

Здесь, на наш взгляд, важно, прежде всего, быть объективным и беспристрастным в анализе различных значимых компонентов, в частности идеологии, психологии, фактора идентичности, а также иных эмоциональных явлений. Следует отметить, что уровень влияния идеологии стал отдельным

предметом серьезных дискуссий в научных кругах с целью определения её значения в мотивации индивида при принятии решения с целью вступления в деструктивные организации. Как отмечает Д. Холбрук, идеология выполняет роль «когнитивного связующего звена», которое трансформирует индивидуальные психологические запросы человека в конкретную политическую программу действий, делая экстремистский путь единственно логичным выходом для адепта [300, с. 11-12].

Прежде всего, в контексте государств Центральной Азии, включая Республику Таджикистан, деструктивные группы в период проведения своей идеологической агитации делают ставку на самые чувствительные проблемы граждан. В их основу они вкладывают те идеи, которые традиционно на ментально-психологическом уровне обречены на успех у местного населения. Одной из таких идей, безусловно, является замысел объединения всех мусульман – идея панисламизма, предусматривающая создание единого централизованного государства.

Другой известной идеологией, сильно укрепившейся в сознаниях граждан, является такфиризм. Несмотря на всю её принципиальность и категоричность, она стремительно набрала популярность среди населения. Как подчеркивает Ш. Махер, в системе координат радикального салафизма такфир выступает не просто как юридический акт, а как необходимый прекурсор к насилию [305, с. 71]. В соответствии с данной идеологией, многие из ныне живущих мусульман в своей повседневной обыденной жизни сильно отошли от первоначального классического ислама. Для такфиристов именно такая категория мусульман стоит на первом месте для уничтожения. Естественно, согласно их учению, для начала необходимо очистить Ислам изнутри, так как такие люди недостойны быть мусульманами и только после уничтожают иноверцев и язычников.

Следует отметить, что их идеи носят ярко выраженный теологический характер, центральное место отводя преподнесению своего учения как базирующегося на фундаментальных канонах ислама. Взывая к высшим

духовным материям, они демонстрируют общественности намерение выстроить качественно новую систему социальных отношений, предусматривающей божественные идеалы и высшую справедливость. В наше время социальный спрос на справедливость, нравственность, единство и другие нравственные ценности очень высок.

Материалы экстремистских группировок, раскрывающие их идеологию, прежде всего, направлены на широкие массы, что в конечном итоге влияет на формирование информационного продукта. Эти материалы, как правило, легкодоступны в понимании для простого населения и преподносят существующие социальные процессы, элементарно разделяя их на светлое и темное, на своих и чужих, и, в конце концов, на истину и ложь.

На наш взгляд, здесь уместно отметить сложившиеся социальные механизмы внедрения идей и воззрений экстремизма в жизнь традиционного общества, проанализированные в первой главе – «Окно Овертона». В актуальной общественно-политической повестке прослеживается тенденция к институционализации дискуссионных площадок, на примере конференций, симпозиумов, экспертных панелей, вовлекающих широкий круг акторов: от представителей государственных органов и силовых структур до научно-аналитического сообщества. Основным предметом данных дискуссий становится легитимация салафитской доктрины через артикуляцию тезиса о ее «умеренном» характере. Данный процесс сопровождается формированием механизмов дискредитации оппонентов, критикующих стратегию «обеления» радикальных течений. Важным инструментарием легализации идеологии выступает тактика «градации», предполагающая искусственную сегментацию салафитских групп на основе дифференциации – «белые», «серые», «черные», что позволяет снизить порог чувствительности социума к идеологической экспансии [164, с. 118].

Несмотря на всю значимость фактора идеологии в массовой пропаганде идей экстремизма и терроризма, эксперты в то же время справедливо большое

внимание уделяют внутреннему эмоционально-психологическому состоянию самого человека.

В каждом случае есть факторы, приведшие данного индивида к терроризму, но их сочетание индивидуальное и результат взаимодействия с волей и творческим личностным началом в точности непредсказуем. Это обстоятельство сильно усложняет и без того крайне трудную задачу профилактики экстремизма, и, на наш взгляд, мешает его объективному осознанию. Настоящая потребность общества контролировать ситуацию мешает принять идею личной ответственности за формирование террористического сознания [233, с. 161].

Таким образом, на первый план выходит сам человек со своим внутренним миром, который негативно воспринимает происходящие вокруг процессы. Тем самым у индивида в жизни наступает период, широко известный у специалистов и экспертов как фрустрация, которая имеет также разнообразные причины.

Фрустрацией может быть ценностный конфликт, поиск смысла жизни, социальная ущемленность, желание самоутвердиться через альтернативную статусную систему. Наличие завышенных ожиданий от жизни и отсутствие способности реализовать свои потребности приводит к идеологизации невыгодного положения в структуре данного общества. Это приводит к стремлению либо активно вмешиваться в его жизнь, взорвать старый порядок – это экстремистская радикальная позиция, либо к пассивной борьбе, то есть к уходу из общества, созданию сект, увлечение мистическими учениями. Это группа маргиналов, людей не сумевшие или же имеющие возможности самореализации, самовыражения в существующем «истеблишменте» [98, с. 149-150].

Фрустрация требует более детального анализа, так как её последствия, как для самого человека, так и для общества, являются чрезвычайно губительными. Человек в таких случаях находится в подавленном и депрессионном состоянии. Будучи сильно разочарованным своей личной

жизнью и существующей реальностью, он более всего склонен к проявлениям агрессии по отношению к своему окружению, так как видит в нем первоисточник всех своих жизненных проблем по причине того, что сама фрустрация имеет ярко выраженные социальные корни.

Фрустрация предполагает не только осуществления насилия, но и личную готовность совершить его. Многие исследователи выводят склонность к экстремистской агрессии из социальных условий, прежде всего неустроенности неудовлетворенности своим положением [116, с. 84].

Анализируя притягивающие факторы вступления людей в экстремистские и террористические группировки, следует учитывать личностный кризис или же кризис собственной идентичности. Индивид в период кризиса идентичности характеризуется как эмоционально-психологически неустойчивый и полностью социально дезориентированный. В конечном итоге, это приводит к ощущению полной социальной бесперспективности, тем самым усиливается разрыв с существующим социумом.

Задача понимания проблемы идентичности осложняется еще и тем фактом, что официально государства региона являются светскими. Тем не менее, следует подчеркнуть, что светская идентичность жителей региона, в том числе Республики Таджикистан, находится в зоне постоянного риска. Вызвано это тем, что, по мнению и экстремистов, и террористов, сама современная светская идентичность является чуждой и инородной для местного населения, а также противоречит существующим религиозным канонам.

Соответственно, они стремятся искоренить светскую культуру местного населения во всех её проявлениях, особенно ту часть светской культуры, которая является продуктом западной идеологии, появившаяся в жизни местного населения в результате процесса глобализации. В настоящее время сам процесс глобализации воспринимается неоднозначно, а иногда и вовсе отрицательно, в контексте определения его негативного влияния на

повседневную жизнь консервативного общества. Это связано с тем, что в консервативном обществе они ставят под сомнение традиционные социальные институты и уклады, отрывая людей, в первую очередь молодежь, от их корней.

Человек, мотивированный притягивающими факторами, бросает открытый вызов своему обществу, отказываясь от сложившихся веками народных традиций, устоев и обычаев, как светского, так и религиозного характера.

Современные трансформационные процессы в обществах государств Центральной Азии характеризуются глубокой эрозией прежних социальных и культурных констант, что провоцирует системную перестройку не только внешних общественных связей, но и внутренней аксиологической сферы индивида. Данная динамика детерминирует качественное изменение адаптационных механизмов личности и способов ее взаимодействия с изменившейся социальной средой. Ключевыми детерминантами этого процесса выступают, прежде всего, утрата социальными субъектами привычных социально-экономических, политических и идеологических позиций и, как следствие, актуализация поиска новых оснований для формирования психосоциальной идентичности в условиях социальной аномии [178, с. 210].

Реальности современного общества таковы, что сегодня многие люди находятся в активном поиске собственной идентичности, которая должна придать их жизни не только конкретный смысл, но и получить духовный стержень. Глубокое осознание роли и места духовного фактора позволяет нам констатировать, что в жизни современного человека он играет значимую роль. Ведь на протяжении всей своей жизни человек сталкивается с различными проблемами, стрессами и неудачами. Многие проблемы имеют очень затяжной продолжительный характер, которые сильно изматывают человека, как в физическом, так и в эмоционально-психологическом плане. В этот тяжелый

жизненный период сильно возрастает роль сильного духа и морально-нравственных ценностей.

В такой ситуации человек волей или неволей вынужден проходить своего рода обряд перехода из прежнего состояния в новое. Такой переход всегда оказывается тяжелым. Вот здесь человек остро нуждается в единомышленниках, которые могут помочь ему преодолеть это кризисное состояние, связанное с потребностью в снятии неопределенности в отношении позитивного направления «Я-концепции» [74, с. 131].

Проблема идентичности в исследуемом контексте требует самого пристального внимания. Причиной тому служит то, что в конечном итоге определяет отношение самого человека к текущим социальным, политическим и идеологическим процессам, непосредственно происходящим вокруг него.

Они могут способствовать возникновению негативных эмоций: человек может испытывать чувство неприкаянности, ощутить себя «белой вороной», чувствовать свою оторванность от общества, изоляцию, отторжение со стороны окружения, относительное ухудшения своего положения, униженность, виктимизацию, несправедливость, разочарование, отвращение или превосходство над окружающими. Всё это может сделать терроризм более привлекательным в глазах некоторых людей. Молодежь часто более податлива с точки зрения экстремизма, пытаясь решить для себя вопрос своей идентичности, и определить своё место в мире и своё будущее молодые чаще идут на риск и бросают вызов установленному порядку вещей [251, с. 44].

В современных исследованиях феномена терроризма прослеживается тезис об обесценивании доктринальной составляющей деятельности радикальных организаций. Для ряда деструктивных групп тактическая активность приоритетнее идеологической повестки. Американский ученый М. Креншо обоснованно выделяет феномен «идеологического обрамления», при котором доктринальные цели подвергаются постоянной трансформации, адаптируясь под изменчивый политический контекст [98, с. 148]. Подобная идеологическая изменчивость свидетельствует о том, что идеология в

террористических структурах нередко утрачивает функции фундаментального целеполагания, превращаясь в гибкий инструмент политической мимикрии, который легко модифицируется или полностью нивелируется в угоду сиюминутным интересам субъектов насилия.

Понимание идеологии экстремизма и терроризма требует максимальной объективности при анализе его ключевых факторов. Исключительно таким путем можно выявить привлекательность экстремистских и террористических организаций. В последнее время все чаще в электронных и печатных средствах массовой информации, а также научных дискуссиях можно встретить оправдание преступных деяний экстремистов и террористов. Представление в глазах общества как поборников за чистоту религии, людей, стремящихся к социальной справедливости, борющихся за правое дело и тому подобные оценки экстремистских и террористических организаций способствуют росту привлекательности деструктивных организаций.

Таким образом, умышленное или неосознанное оправдание преступлений экстремистов и террористов наносит серьезный вред безопасности общества. Руководствуясь экспертными материалами ОБСЕ, эти негативные последствия можно свести к четырем ключевым проявлениям:

- «в обществе укореняется опасная мысль о том, что ради достижения политических или религиозных целей можно использовать любые средства, а насилие становится главным и неизбежным инструментом;

- происходит дегуманизация людей, выбранных мишенью для атак. Их человеческое достоинство полностью отрицается на почве ненависти и жесткой нетерпимости;

- радикальная деятельность преподносится как нечто привлекательное и героическое, что мотивирует молодежь сознательно нарушать традиционные культурные и этические ценности общества;

- активно используется личное влияние и мнимая законность действий руководителей террористических групп для привлечения новых сторонников» [251, с. 44].

Здесь очень важно подчеркнуть существующие объективные трудности, которые не позволяют обществу эффективно и точно противодействовать деструктивным силам. Главным образом, недооценка подлинного масштаба воздействия притягивающих факторов на рост экстремизма и терроризма, как со стороны научного сообщества, так и населением. Следом важно подчеркнуть существующую инертность в научных кругах в отношении идеологической агрессии экстремистских и террористических организаций. Далее отметим нехватку теоретических знаний и практических навыков у аналитическо-экспертного сообщества в понимании притягивающих факторов. Важно подчеркнуть, что данная категория факторов не стоит на месте, а постоянно совершенствуется и модернизируется. Другой важной проблемой является слабость контрпропаганды. К тому же, в агитационной работе сильный уклон делается на использование устоявшихся стереотипных подходов и методов. При этом на практике фактически не используются современные инновационные методики. В конце концов, самым главным и принципиальным является то доходит ли в полной мере до сознания граждан страны все те предпринимаемые инициативы в области предотвращения распространения деструктивного мировоззрения экстремистов и террористов? В современной академической дискуссии фундаментальное значение имеют выводы исследователей Европейского центра исследований безопасности им. Дж. Маршалла, в частности С. Маллинса. В экспертных работах данного центра аргументировано постулируется наличие комплекса критических барьеров, препятствующих эффективной деконструкции радикальных идеологий [135, с. 9]. На практическом уровне зачастую отсутствуют финансовые ресурсы, опыт и знания, что усложняет противостояние обширной террористической деятельности. Оценка рисков отдельных лиц, групп или общин также представляет сложность, в связи с чем трудно определить наиболее перспективные цели для воздействия и эффективного распределения ограниченных ресурсов. Установление партнерских отношений также может быть сложной задачей. С точки зрения правительства партнеры

должны быть надежными, заслуживающими доверия и эффективными; с неправительственной стороны необходимо поддерживать баланс между получением финансирования и других форм поддержки и сохранения независимости. Если какая-либо группа или индивид воспринимается как работающий на правительство, доверие к нему может быть подорвано. Не существует никакой гарантии, что усилия по борьбе с террористической идеологией и вербовкой будут хорошо восприняты повсеместно. Естественно, что террористы и их экстремистские сторонники часто пытаются подорвать эти усилия [135, с. 9].

Анализ притягивающих факторов позволяет выявить движущую силу экстремистов и террористов, т.е., определить факторы, которые больше всего мотивируют людей вступить в экстремистские и террористические организации.

«Экстремистское поведение, основанное на экстремистской идеологии и экстремистских переживаниях, характеризуется следующими особенностями:

- 1) агрессивная самозащита или защита путем агрессии;
- 2) «активная жизненная позиция»;
- 3) нравственная вседозволенность в сочетании с нравственным ригоризмом, смещение нравственных ориентиров (или нравственная дезориентация);
- 4) крайняя жестокость.

Главной установкой экстремистского поведения становится служение идее посредством агрессивного сопротивления, борьбы с врагами истинной идеи. Активная жизненная позиция выражается в тотальной ориентации всего поведения личности на служение своей идее, все действия и поступки подчиняются этой цели.

Служение выражается в двух основных формах:

- 1) в ревностном исполнении всех предписаний экстремистского сообщества;

2) в практической и постоянной борьбе с врагами. Обе эти формы выражения активной жизненной позиции экстремиста есть разные, но взаимно дополняющие друг друга способы реализации экстремистской идеологии в жизнь, переустройства своей собственной жизни и социально-политического уклада общества в соответствии с критериями и идеалами истинной идеи» [84, с. 390].

Важно помнить, что экстремизм и терроризм может проявиться в обществе только тогда, когда появляется необходимая среда. В контексте анализа притягивающих факторов в Республике Таджикистан – это, прежде всего, наличие в обществе сильного идеологического вакуума. Как известно, природа не терпит пустоты и ее, к сожалению, всё чаще заполняет экстремистская и террористическая идеология. В конечном итоге самое опасное заключается в том, что определенная часть людей начинает воспринимать деструктивную идеологию как единственно правильного образа жизни.

В этой связи целесообразно взглянуть на корень проблемы, определить причины и только после этого разрабатывать механизмы, направленные на их преодоление. В данном случае большую практическую ценность представляют разработка механизмов, направленных на укрепление индивидуальной устойчивости. Данный компонент является основополагающим в профилактической деятельности и, соответственно, требует отдельного внимания.

Российский исследователь С.В. Хусаинова выделяет следующие категории устойчивости личности к деструктивной идеологии:

«Личностно-социальная устойчивость – это совокупность качественных характеристик личности, обуславливающая, с одной стороны, способность субъекта противостоять влиянию внешних деструктивных воздействий, с другой стороны, способность к самоуправлению и саморазвитию в рамках установленных социальных норм и морали.

Степень устойчивости личности – величина непостоянная и зависит от следующих факторов: зоны стабильности (количество воздействии, который человек может выдержать, при условии, что они не будут иметь разрушительный характер) знания алгоритма действий, несущий положительный результат в определенных ситуациях; профессиональных навыков, навыков саморегуляции, знания особенностей поведения и реакции человека в определенных ситуациях; свойства нервной системы и т.п. Выявлено три базовых типа личностно-социальной устойчивости неустойчивый, колеблющийся и устойчивый» [287, с. 89-90].

Личностно-ориентированная деятельность требует качественно иного подхода, которая сможет определить взаимосвязь индивида и местного сообщества. Последнее должно включать в себя также разработку эффективных защитных механизмов в нескольких социально значимых направлениях. Прежде всего, повышение уровня информированности местного сообщества, совершенствование, модулей, нарративов, знаний и навыков, создание диалоговых площадок на которых можно объективно и откровенно обсуждать данную проблематику. Указанные социальные мероприятия практически помогут достигнуть ряд важных социальных целей – понимание мотивации граждан, разделяющих идеологию экстремизма и терроризма, что является наиболее важным; разоблачить и скомпрометировать идеологию экстремизма и терроризма; успешно противостоять притягивающим факторам.

Эффективность во многом будет обусловлена, на наш взгляд, активным использованием инновационного и креативного подходов. Их преимуществом является то, что они содействуют укреплению личных качеств самого индивида, развитию у него критического мышления. В подтверждение можно привести конус Эдгара Дейла [296, с. 38-39], который также широко известен у специалистов как пирамида обучения, разработанная еще в 70-е гг. прошлого века в США. Согласно этому конусу, можно наглядно определить при

использовании конкретного метода процент запоминающего материала, а также то, какой навык он практически развивает у человека.

Рисунок 1. Конус обучения Эдгара Дейла. Источник: Составлено автором на основе концепции «Конуса опыта» Э. Дейла

КОНУС ОБУЧЕНИЯ ЭДГАРА ДЕЙЛА

Главное в работе с населением – это учет метода преподнесения предполагаемого материала с целью увеличения максимальной эффективности. При проведении профилактически-разъяснительных работ с уязвимыми социальными группами и, прежде всего, с молодежью, категорически нельзя говорить расплывчато, спорно или же конфронтационно. Каждое подобранное слово должно быть к месту и не иметь двоякого характера или толкования. Самое главное не противоречить друг другу. Объективная информационно-профилактическая работа с уязвимыми слоями населения, на наш взгляд, является самым надежным гарантом в борьбе с притягивающими факторами экстремизма и терроризма.

Обсуждение проблематики экстремизма должно быть направлено на максимально возможное укрепление всего диапазона навыков. Предполагаемые цели должны охватить три следующие области:

когнитивную, социально-эмоциональную и поведенческую, детали которых описаны в таблице ниже [229, с. 19-21].

Область обучения	Учебные цели обсуждения Учащиеся должны	Компетенции учащегося, или черты и качества, которые должны получить развитие в ходе обсуждения
		Узнавание форм манипуляции
		Понимание стереотипов, предрассудков и предубеждений, а также их последствий
		Умение проводить различие между фактом и мнением и сомневаться в его источнике
		Информированность относительно различных аспектов насильственного экстремизма и других глобальных вопросов
		Понимание сложности этих вопросов
	Испытать чувство принадлежности к единому человечеству, разделяя ценности и обязанности,	Приверженность основным ценностям, основывающихся на правах человека

	основывающие на правах человека	
		Уважение разнообразия
		Способность понимать чувства, которые испытывает другой человек
		Заинтересованность в понимании других людей, образов жизни и культур
		Владение умением «эффективным и надлежащим образом взаимодействовать с другими людьми, представляющими иной язык и иную культуру»
	Во время беседы вести себя активно и ответственно	Умение выслушивать различные точки зрения, проявляя при этом уважение к ним; умение высказывать свою собственную точку зрения; умения давать оценку всем этим точкам зрения

	Держаться уверенно и подходить к конфликту позитивным образом	Умение выразить готовность предпринять ответственные действия
	Демонстрировать мотивацию и готовность к необходимым мерам	

Таблица 1. Примеры учебных целей в разбивке по областям обучения [229, с. 20-21]

Таким образом, были выявлены и проанализированы ключевые притягивающие факторы, влияющие на рост экстремизма и терроризма. Можно смело констатировать, что главной и самой сложной задачей, стоящей перед человечеством в настоящее время, безусловно, является борьба за сознание простых граждан. Как отметил муфтий Красноярского края Г.Т. Фаткулин, «ошибочно мнение, что с экстремизмом можно справиться с помощью силы, силовых структур, силового воздействия. Известная фраза Екатерины II «С идеей пушками не воюют» актуальна и в наши дни. Остановить экстремиста, изолировать его от нормального общества недостаточно, необходимо на идейном уровне убедить в несостоятельности идей насилия в принципе» [280, с. 160].

Выводы

1. Искоренение притягивающих факторов экстремизма и терроризма требует от общества реализацию решительных мер. Общество должно вести бескомпромиссную борьбу с экстремизмом и терроризмом. Главное, в этой борьбе общество должно осознать, что экстремизм и терроризм противоречат самой природе человека и не могут быть привлекательными. Эти феномены не являются единственным источником решения существующих в обществе насущных проблем, а главным препятствием на пути социально-экономического развития государства. Важно помнить, что ни одна идеология не может быть оправданием экстремизма и терроризма.

2. Для качественной и эффективной борьбы против этих явлений, по нашему глубокому убеждению, нужно, прежде всего, провести большой объем работы в информационной сфере. Первоначально необходимо собрать максимальное количество нужной информации, провести объективный контент-анализ печатных и электронных СМИ. Другим направлением является контрпропаганда в социальных сетях, Интернете, ТВ и печатной периодике. Столь повышенное внимание к информации вызвано тем, что она играет решающую роль в успешном противодействии экстремизму и терроризму.

3. Наличие притягивающих факторов свидетельствует о том, что критическое ментально-психологическое состояние индивида может в конечном итоге привести его в ряды экстремистских и террористических организаций. Пристальное внимание к психологии человека со стороны деструктивных структур обусловлено стремлением определять индивидуальные подходы, непосредственно к самому человеку, так как объективная оценка внутреннего состояния превращает его фактически в открытую книгу.

4. Притягивающие факторы раскрывают внутреннее мировоззрение и ценности человека, его представление о мироустройстве на момент вступления в деструктивные организации. В то же время следует отметить, что именно притягивающие факторы придают привлекательность экстремистским и террористическим организациям.

5. Меры по нейтрализации притягивающих факторов предусматривают исключительно и принципиально мирный подход в решении проблемы экстремизма и терроризма. Их ценность в том, что они мобилизуют социально активных граждан в решении данной проблематики. Эти меры основываются на активном и широком участии всех институтов гражданского общества. Именно совместно с государственными ведомствами они становятся ключевыми структурами в практической реализации профилактически-разъяснительных работ среди местного сообщества.

3.2. Анализ подталкивающих факторов как детерминанта роста экстремизма и терроризма

Развивая и углубляя выводы, представленные в наших предыдущих публикациях, представляется необходимым привести тезис о генезисе методологических подходов: «Научно-аналитическое сообщество и государственные деятели традиционно рассматривали вопрос экстремизма и международного терроризма в контексте существующих социально-экономических проблем. Более того, при анализе проблемы экстремизма и терроризма социально-экономический фактор до последнего времени сильно доминировал в научной среде. Ряд исследователей при анализе данного вопроса до сих пор придерживается той научной точки зрения, согласно которой за основу берутся протекающие в государстве социально-экономические процессы. Такой подход обусловлен тем, что именно имеющиеся конкретные социальные проблемы определяют и оказывают самое большое влияние на поступки человека» [З-А, с. 267].

Президент Республики Таджикистан, Лидер нации уважаемый Эмомали Рахмон неизменно подчеркивает, что «...кроме вооружённой борьбы с терроризмом необходимо уделять особое внимание решению социальных и экономических проблем, нерешённость которых в некоторых случаях может стать основной причиной радикализма» [17].

Социально-экономические или же подталкивающие факторы образуют другую крупную группу факторов, непосредственно влияющих на рост экстремизма и терроризма в социуме. В свою очередь, специалистам широко известно и повсеместно признано, что многие действующие деструктивные организации во время проведения вербовки активно делают упор именно на социально-экономический фактор. В этом процессе важным является то, чтобы у молодых людей возникло восприятие себя, как обиженных представителями старшего поколения. Обоснований подобных утверждений чаще всего нет, а те, что делаются, не выдерживают никакой критики. Но это

неважно для тех, кто использует соответствующую технологию, главное для них – это разрушительный потенциал обработанных такими технологиями молодых людей [157, с. 9]. Завлекая преимущественно молодежь, они обещают им большое финансовое вознаграждение за их деятельность в их организации. Стремление достигнуть финансового благополучия и стабильности всегда стояло остро перед молодежью и, в первую очередь, для уязвимой её части.

Современный мир в своих новых воплощениях (информатизации, инновации, перманентного состояния обновления) создаёт условия для тяги к экстремальным видам поведения как возможности самоутвердиться и самореализоваться. Однако в сочетании с возрастными и психологическими особенностями особенно такой социально-демографической группы как молодежь, экстремальные виды поведения способны перерасти в экстремизм как социальное явление, направленное на достижение поставленных целей (удовлетворение актуальных потребностей) посредством крайних форм поведения (балансирующих на острие нормы/не нормы), за счёт проявления возрастного максимализма [170, с. 177].

При анализе социально-экономических факторов, прежде всего, уместно и целесообразно отметить, что государства Центральной Азии имели жесткий и беспрецедентный исторический опыт изменения государственной модели управления. Введенные нами ранее в научный оборот положения указывают на то, что практическим результатом кардинальных трансформационных процессов стали фундаментальные социально-политические изменения. Подобные глубинные процессы не могли пройти незаметно для общества. Они подразумевали коренные изменения социальной, экономической, политической и идеологической жизни государства. В одночасье страны региона изменили свою общественно-политическую формацию, став на рельсы политической демократии и свободных рыночных отношений. Такой стремительный переход с одной социально-политической формации на другую сильно повлиял на жизнь простого человека [3-А, с. 267-268].

Исторически так сложилось, что трансформационные процессы не могут проходить в мирной и спокойной обстановке. В этой связи следует отметить, что подобные социальные процессы, как правило, протекают в стихийной неорганизованной форме и не имеют какой-либо системности и последовательности. Вдобавок само население не подготовлено к таким сильным общественным преобразованиям. Соответственно, приобретенный опыт в большинстве своем воспринимается достаточно негативно. На деле фактически запускается масштабный процесс социальной трансформации, который способствует слому устоявшихся многовековых традиционных социальных механизмов и институтов.

В традиционном же обществе, любые преобразования и реформы воспринимаются негативно. Как правило, они натываются на активное сопротивление со стороны местного сообщества. Таким образом, отпор становится естественной и ожидаемой реакцией на несогласие, как самими социальными преобразованиями, так и методами их внедрения, считая довольно жесткими, неуместными и просто неоправданными [96, с. 388].

Одним из наиболее острых негативных последствий формационных трансформаций стало длительное исключение многих общественных групп из социально-экономической жизни государства.

Следует отметить, что протекающие социально-экономические процессы имеют неоднозначные последствия. В их результате происходит расслоение населения по финансовым возможностям. Общество разделяется на две основные группы. Так, первая группа небольшая в процентном отношении – порядка 20%, но при этом обладающая большим финансовыми ресурсами. Вторая группа большая по своей численности – 80%, но при этом состоящей в основном из средней или бедной прослойки общества [70, с. 345-346].

Дифференциация населения по данному признаку порождает у обиженных процессами социального переустройства групп ненависть и злобу по отношению к чужому благополучию. Вступая в дееспособный возраст,

молодой человек сильнее ощущает на себе несоответствие между обещаемыми в обществе правами и реальными возможностями в их осуществлении. Чем радикальней происходит расслоение общества, тем больше вероятность всплеска волны экстремизма, в том числе и молодежного [33, с. 44].

Согласно точке зрения российского исследователя С.И. Ивентьева, «чтобы успешно бороться с этим явлением следует разобраться в том, что же лежит в его основе, чтобы попытаться устранить не следствие, а его причину. Фундаментальные детерминанты современного терроризма коррелируют с процессами глубокой общественной трансформации, сопровождающейся эскалацией кризисных явлений и утратой институциональной способности к регулированию социально-экономических противоречий. Концептуальный вакуум, возникший вследствие стремительного падения традиционных идеологических ориентиров, вкупе с интенсивной политизацией маргинализированных слоев населения, лишенных необходимого институционального опыта, создает благоприятную среду для радикализации. В сложившихся условиях террористические организации рассматривают насильственные методы не как девиантное поведение, а как инструментально эффективную стратегию преодоления дисфункций государственного управления и кратчайший путь к достижению этнорелигиозных или политических целей» [118, с. 127].

Таким образом, в «большинстве случаев, причиной террористических актов является неспособность государства или международного сообщества создать условия для реализации надежды того или иного народа на обретение государственности, разрешить давно существующие или возникшие общинные, национальные, расовые, социально-экономические, религиозные и другие проблемы» [118, с. 127].

Социально-экономические проблемы сильно подрывают саму устойчивость граждан, делая их очень уязвимыми перед идеологами деструктивных групп. Осознавая данный факт, они начинают активно

использовать имеющиеся социально-экономические проблемы для достижения своих целей. В результате, как правило, общество становится восприимчиво не только к их идеям, но и к предлагаемым методам решения существующих проблем.

Логическим продолжением отстаиваемой нами теоретической позиции является тезис о том, что в фокусе исследователя должна оставаться максимальная объективность: «Для понимания реального влияния подталкивающих факторов на проблему экстремизма и терроризма, на наш взгляд, важно строго придерживаться беспристрастного анализа. Он позволит в действительности определить степень влияния существующих социально-экономических факторов на отдельно взятую личность» [3, с. 268].

Как отмечает российский исследователь Р.Р. Абдулганеев, «под общими факторами социально-экономических предпосылок экстремизма и терроризма понимаются процессы, происходящие в масштабе всего общества и оказывающие воздействие на все его институты, в том числе:

- продолжительные социальные и экономические кризисы;
- масштабные дезорганизационные процессы в большинстве сфер общественной жизни;
- высокий уровень нетрудоустроенности работоспособной части населения;
- понижение жизненного уровня значительной части населения;
- процессы маргинализации большей части общества;
- социальная аномия (распад системы ценностей и норм гарантирующий общественный порядок);
- активизация неконтролируемых миграционных процессов.

Индивидуальными факторами выступают неблагоприятные социально-экономические условия, в которых продолжительное время находится индивид. Они содействуют усилению личностного конфликта, в результате чего личность становится более подверженной влиянию крайних религиозных воззрений.

К индивидуальным факторам социально-экономических предпосылок религиозного экстремизма относятся:

- неудовлетворенность социальным положением;
- невозможность реализации первичных социальных потребностей;
- стремление к новому социально благополучному укладу жизни;
- отсутствие возможности самому преодолеть сложившиеся жизненные кризисы» [100, с. 140].

Рассматривая исследуемую проблематику в контексте двух принципиальных факторов, на наш взгляд, целесообразно отметить классификацию итальянского исследователя Ф. Бруно, получившую широкое признание в научно-экспертной среде. Согласно его классификации, выделяются одиннадцать психологических черт, которые характерны для членов экстремистских организаций, а именно:

- двойственное отношение к власти;
- искаженное понимание действительности;
- приверженность стандартным поведенческим образцам;
- эмоциональную отрешенность от последствий своих действий;
- неопределенность сексуальных ролей;
- суеверие и вера в волшебство;
- стереотипное мышление;
- эгоистичные действия;
- ограниченность источников информации;
- восприятие оружия как фетиша;
- приверженность сильным субкультурным нормам [174, с. 184-185].

Таким образом, можно утверждать, что экстремисты – это люди, обладающие специфической психологией, основанной на преобладании аффективного восприятия мира над рациональным.

Среди одиннадцати отмеченных Ф. Бруно психологических черт экстремиста, на наш взгляд, особенно существенными и значимыми являются четыре принципа, которые в наибольшей степени подталкивают человека

придерживаться идей экстремизма и терроризма. Безусловно, искаженное понимание действительности, вкупе со стереотипным мышлением, ограниченностью источников информации, а также приверженностью сильным субкультурным нормам, могут самым пагубным образом повлиять на судьбу человека. Более того, один из этих факторов вполне достаточен, чтобы повлиять на мировоззрение отдельно взятого индивида.

В этом контексте зарубежные исследователи акцентируют внимание на том, что «период после обретения независимости характеризовался резким сокращением объема производства в экономике стран Центральной Азии и последующим падением уровня жизни. Бедность является распространенным явлением, особенно в сельских районах. Экономический кризис, который произошел после обретения странами независимости, увеличил разрыв между городскими и сельскими районами и между разными регионами. Таким образом, стало еще более разительным неравенство между группами населения и между жителями различных регионов. Этот процесс обеднения ряда регионов государства приводит к возможности их превращения в «очаги конфликта»» [208, с. 13-14].

Проблема бедности в контексте изучения проблемы экстремизма, на наш взгляд, приобретает особую актуальность и значимость. Безусловно, люди, относящиеся к бедным слоям населения, имеются во всех государствах. В этой связи стоит большой вопрос, насколько бедность является прямым источником роста популярности деструктивных организаций? Конечно, существующие острые социальные проблемы создают наиболее питательную среду для возникновения и укрепления идеологии экстремизма и терроризма в обществе. В то же время необходимо подчеркнуть, что не каждый бедный человек готов вступить в их ряды.

Бедность может спровоцировать человека, прежде всего, молодого человека, не имеющего большого жизненного опыта, но при этом стремящегося всеми возможностями вырваться из своего тяжелого

жизненного положения, к выбору деструктивному пути. Этому могут способствовать две основные мотивы:

«Первая – потому что он не видит возможности найти легальный и стабильный источник заработка в условиях массовой безработицы, глубокого и длительного экономического кризиса в стране. Такая ситуация характерна для отсталых в экономическом отношении стран.

Вторая – когда свободных рабочих мест хватает, но отсутствуют знания, квалификация, навыки, привычки к тяжелому физическому труду, а отсюда и желание работать, что свойственно преимущественно молодежи, толкает человека на поиск виновных на стороне» [75, с. 77].

Безработица создает благоприятную почву для вербовки экстремистскими и террористическими организациями, поскольку они могут предложить путь выхода из нищеты и обеспечить экономические возможности, которые не всегда могут быть получены посредством более законных средств. Например, сообщается, что Исламское государство Ирака и Леванте может выплачивать (или, по крайней мере, предлагает выплачивать) своим боевикам ежемесячно 500 долларов США, что может стать привлекательным стимулом для необразованных, неквалифицированных, сельских и безработных мужчин и женщин, хотя по факту сумма, получаемая рекрутами, зачастую существенно меньше. Экономические лишения являются важнейшим удерживающим фактором, способствующим насильственному экстремизму [196, с. 14].

Согласно определению кыргызстанского эксперта О.А. Молдалиева, религиозный экстремизм – ответная реакция беднейших слоев общества на социально-экономические условия, приведшие их к массовому обнищанию, своего рода выражение политического протеста маргиналов [64, с. 74]. В этом списке находятся такие важные социальные факторы, как маргинальное положение, неравенство, экологические проблемы, экономические кризисы, социальная дискриминация и т.д. Любой из перечисленных социальных

факторов может потенциально стать детерминантом роста экстремисткой и террористической активности в обществе.

В современной конфликтологии методологически значимыми представляются подходы М.Я. Яхьяева к типологизации детерминант экстремистской активности. Исследователь аргументированно связывает генезис экстремизма с состоянием социально-экономической системы, выделяя три ключевых кластера факторов. Во-первых, речь идет о структурной депривации – длительном снижении уровня жизни, сопровождающемся эрозией социального статуса и ограничением прав конкретных групп населения. Во-вторых, экстремистский потенциал аккумулируется вследствие «социальной бесперспективности», когда индивиды и группы утрачивают возможности для реализации стратегий мобильности или даже элементарного жизнеобеспечения. В-третьих, значимым катализатором выступает эскалация внутригрупповых конфликтов, вызванная перераспределением ресурсов в пользу усиления эксплуатации одних слоев общества другими. В совокупности, данные факторы, типичные для периодов системных цивилизационных кризисов, формируют необходимую социально-экономическую среду для институционализации радикализма [181, с. 9].

В контексте социально-экономической жизни Республики Таджикистан, по нашему мнению, всё большую актуальность приобретает так называемая теория разбитых окон, разработанная американскими социологами Джеймсом Уилсоном и Джорджем Келлингом в 1982 году [303]. Несмотря на весь обрушившийся шквал жесткой безапелляционной критики со стороны оппонентов данной теории, время показало её научную истинность и практическую состоятельность. Данная теория на практике является своего рода отражением существующей социальной действительности, что также лишний раз подтверждает её объективность и актуальность.

Согласно данной теории, попустительство по отношению к мелким правонарушениям влечет за собой другие, в том числе и масштабные,

преступления. Исходя из этой теории, люди делятся на три категории по степени соблюдения общественных норм поведения.

1. Первая категория будет нарушать установленный порядок всегда и при любых обстоятельствах;

2. Вторая категория людей не будет нарушать установленный порядок никогда и ни при каких обстоятельствах;

3. Третья категория – это люди колеблющиеся, которые будут нарушать порядок, когда они видят, что его нарушают другие, и не будут нарушать порядок, когда все вокруг его соблюдают и всюду чистота. Эта категория людей в любом обществе подавляющее большинство. И достаточно кому-то начать нарушать порядок, как за ним тут же потянутся колеблющиеся. В результате порядок быстро перерастает в хаос. Верна и обратная зависимость. Если кто-то будет упорно «застеклять разбитые окна», уровень правонарушений и преступности быстро пойдет на спад [205].

Авторы данной теории абсолютно правы в плане того, что сама социальная стабильность является очень хрупкой системой. Любая невнимательность или же активизация девиантного поведения может просто сломать существующую социальную стабильность. В этой связи принципиальное значение приобретает социальная ответственность человека за своё поведение перед обществом. В случае каких-либо социальных отклонений необходимо пресекать его в самом начале на корню, так как любая отсрочка может только значительно усугубить ситуацию. Социальная ответственность в наши дни остается наиболее серьезным заслоном, не позволяющим человеку заступить за грань дозволенного, т. е., оставаться в рамках тех норм поведения, которые направлены на укрепление и развитие самого общества.

Эксперты, ставящие во главу угла социально-экономический фактор при анализе проблематики экстремизма и терроризма, исходят из следующих фактов – пока человечество не искоренит безработицу, нищету, голод и другие негативные социальные факторы, в обществе всегда будет присутствовать

потенциальная социальная база для радикально-экстремистских и террористических группировок. Данная социальная прослойка граждан, будучи на самом социальном дне, чувствуют свою личную незащищенность и социальную обреченность. Тем самым для данной уязвимой социальной группы главным мотивационным стимулом выступает, прежде всего, недовольство своим социально-экономическим положением.

Прямым негативным последствием социального кризиса является то, что у человека формируется социально-маргинальный тип личности, с ярко выраженной агрессией. Следует отметить, что маргинальность стала неотъемлемой частью современной жизни. Появление столь противоречивого и неоднозначного явления имеет большие негативные последствия для самого общества. Их мировоззрение наполнено ненавистью и обидой к окружающему миру. Причиной тому служит то, что они считают общество является источником их жизненных проблем. Сложившаяся ситуация также усугубляется тем, что само общество и его основные государственные и социальные институты воспринимают их очень отрицательно, а местами и вовсе агрессивно. Подобное поведение чревато потенциальными социальными конфликтами с представителями данных групп. Более того, оно становится серьезной преградой на пути разработки адресных программ, а также просто объективному пониманию этого социального феномена [123, с. 15].

Принципиально иного подхода в работе с маргинальными пластами общества демонстрируют эмиссары экстремистских и террористических группировок. Они убеждают их в том, что общество чрезвычайно несправедливо относится к ним и является виновником их социальных проблем. Соответственно, для идеологов деструктивных организаций вовлечение маргиналов в свои ряды имеет первостепенное значение, поскольку это придает их организациям положительный социальный образ защитников обездоленных уязвимых групп.

Проповедники экстремизма и терроризма ориентируются в своей деятельности на маргинальные слои населения в связи тем, что у маргинала

возникает потребность быть кем-то, ему легко навязать любые политические взгляды, он податлив любому внешнему влиянию, обещающему ему четкий социальный статус. Особую активность в отношении этих групп проявляют крайние радикальные политические силы и религиозные экстремистские объединения. Религиозно экстремистские группы объявляют маргиналов ведущей социально-политической силой, обещают немедленное изменение их статуса. Маргинальная личность обладает противоречивой системой ценностей и является дезориентированной личностью [98, с. 148].

Понимание психологии внутреннего состояния маргинала имеет первостепенное значение по причине того, что оно напрямую формируется в зависимости от текущих социальных процессов. Маргиналы – это та категория уязвимых граждан, которая выпала из обыденной устоявшейся жизнедеятельности общества. Несмотря на множество существующих факторов маргинальности, среди них нет единого доминирующего.

Перед маргинальными группами стоят два варианта социального поведения. Согласно первому варианту, маргиналы приспособляются к данным процессам, но они составляют меньшинство. Значительное большинство придерживается иной позиции, выбирая путь активного социального сопротивления. В этой связи следует отметить, что факторы появления маргинальности в современном обществе разнообразны, но тем не менее наиболее распространенными причинами принято считать следующие:

- переход общества от одной социально-экономической системы к другой;
- ухудшение уровня жизни населения;
- неконтролируемые перемещения значительных масс людей в результате разрушения социальной структуры;
- девальвация традиционных ценностей и норм [247].

В понимании фактора маргинальности важно отметить психологически-ментальный контекст маргинального человека. Он, по сути, перестает себя ощущать неотъемлемой частью данного общества. В результате, состояние

данного индивида обычно выражается, как большой ненавистью к существующему обществу, так и в огромном стремлении существенно его изменить.

Соответственно, главной причиной социальной маргинальности остается сложившийся уровень интегрированности в социально-экономическую, культурно-духовную и политико-идеологическую жизнь общества. Другим важным вопросом относительно маргинальных групп является последствия их вовлечения в экстремистские и террористические группировки. На наш взгляд они преследуют две основные концептуальные социальные задачи:

- во-первых, этим они стремятся защитить свою национальную или религиозную идентичность, социальные взгляды и духовные ценности;
- во-вторых, они тем самым демонстрируют своё участие в социальной жизни и, прежде всего, в политической жизни страны.

Проблему маргинальности следует рассматривать неотрывно от такой же значимой проблемы, как социальная дискриминация человека. Проблема дискриминации за последнее время приобрела большую актуальность в современном мире. Причиной тому служит то, что она влечет за собой чрезвычайно негативные последствия, как для отдельно взятого индивида, так и для социума в целом. Дискриминация очень отрицательно влияет на мировоззрение человека. Подвергшийся публичной дискриминации человек по определенному признаку полон решимости восстановить социальную справедливость путем применения физического насилия к членам данного общества. Эффективное решение данного вопроса во многом зависит от повышения уровня информированности населения.

Проблема дискриминации будоражит лучшие умы человечества не одно столетие. Несмотря на все усилия и старания она до сих пор остаётся одной из самых злободневных и актуальных проблем нашего общества. Вне всякого сомнения, дискриминация – это большое препятствие на пути реализации гражданских прав. Когда человек ощущает социальную дискриминацию, он

чувствует своё отторжение от сообщества и государства. Запускается процесс насаждения негативных стереотипов в отношении общества и страны целом. Он больше не только не хочет быть частью данного общества, но и всячески будет стремиться вести активную борьбу против него всеми имеющимися средствами с целью нанесения максимального ущерба вплоть до его уничтожения. Таким образом, предъявляются претензии самому обществу к его основным структурам, социальным институтам и механизмам действий, обвиняя всех их в целенаправленном и осознанном нарушении фундаментальных гражданских прав и свобод.

В доктринальном понимании дискриминация интерпретируется не как любое нарушение принципа формального равенства, а как необоснованная дифференциация субъектов, находящихся в юридически сопоставимых условиях. В научной литературе выделяют бинарную структуру данного явления: прямую и косвенную дискриминацию, разграничение которых опирается на характер воздействия на статус субъекта [69, с. 41]. В основе дискриминационных практик лежат как врожденные, так и приобретенные признаки – гендер, возраст, этническая принадлежность и др. Особую теоретическую значимость представляет концепт «множественной дискриминации», предполагающий кумулятивное воздействие нескольких классифицирующих признаков, а также возможность реализации дискриминационных практик в отсутствие выраженного признака, что требует применения дифференцированного методологического инструментария при анализе правовых и социальных неравенств [69, с. 41].

Анализируя проблему дискриминации, стоит особо подчеркнуть, что дискриминационное мировоззрение преимущественно строится у человека на основе устоявшихся ошибочных жизненных стереотипов, мифов и заблуждений. Более того, необходимо помнить, что, несмотря на негативную сущность дискриминации, она, как и всякое социальное явление находится в постоянном и непрерывном движении. Соответственно, она подвержена

воздействиям со стороны текущих политических процессов, миграционных трендов и экономических показателей.

В то же время важно подчеркнуть, что социальная дискриминация бывает двух видов – прямой и косвенной. Так, согласно правовому определению общей политической рекомендации №7 Европейской комиссии против расизма и нетерпимости, прямая и косвенная дискриминация отмечается следующим образом:

«Прямая расовая дискриминация означает любое неодинаковое обращение по таким основаниям, как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство, национальное или этническое происхождение, не имеющие объективного и разумного оправдания. Неодинаковое обращение, лишенное объективного и разумного оправдания, если оно не преследует легитимную цель или если отсутствует разумная соразмерность между использованными средствами и поставленной целью.

Косвенная расовая дискриминация имеет место тогда, когда совершенно нейтральный фактор, например, норма, критерии или порядок, не могут быть легко соблюдены лицами, принадлежащими к группе, определяемой признаками расы, цвета кожи, языка, религии, гражданства, национального или этнического происхождения, или, когда этот фактор ставит данную категорию лиц в невыгодное положение, кроме случаев, когда он имеет объективное и разумное оправдание. Последнее возможно если он преследует легитимную цель и, если существует разумная соразмерность между использованными средствами и поставленной целью» [69, с. 34-35].

Большой интерес в исследуемом контексте представляет концепция, предложенная ученым Крейгом еще в 2007 году, которая наиболее объективно раскрывает природу дискриминации. Данная концепция включает в себя четыре пункта, определяющие дискриминацию, в соответствии с которыми:

1. Сопоставляемое лицо или группа встречают иное обращение или последствия по сравнению с компаратором.
2. Это различие является неблагоприятным для лица или группы лиц.

3. Различия в обращении или в последствиях имеют причинно-следственную связь, с какой-то характеристикой лица или группы лиц, защищаемых антидискриминационным законодательством.

4. Не существует исключений или оправданий, позволяющих такое различие в обращении или последствиях [212, с. 6-7].

Измерение объективности в процессе изучения вопроса дискриминации требует самого детального и скрупулезного анализа. В данном случае принципиальную важность представляет динамика совершаемых дискриминационных правонарушений, то есть, имеют ли они единичный случай или же наоборот носят массовый характер. В целом необходимо указать, что при анализе дискриминации как подталкивающего фактора экстремизма и терроризма имеются свои объективные сложности. Причиной тому служит сама природа дискриминации, т.е., неоднозначность и субъективность его толкования. Определенные индивиды очень болезненно воспринимают в свой адрес любую критику или же, например, очень категоричны в оценке бюрократического функционирования государственного аппарата, обвиняя его в намеренном затяжном и необоснованном волокитстве. Подобное индивидуальное восприятие, как правило, имеет далеко идущие отрицательные для социума последствия. Оно начинает широко распространяться и пропагандироваться в конкретно взятой общине. Тем самым усиливается градус напряженности и уровень недоверия к деятельности государственных институтов. Данная реальность подталкивает государственные институты к объективному подходу в вопросе решения социальной дискриминации.

Построение доверия к способности государственных учреждений к решению вопросов нетерпимости и дискриминации требует от государственных служащих полной осведомленности о природе дискриминаций и её последствиях для различных индивидов и групп и полной приверженности целям содействия равенства [194, с. 52].

Большую ценность представляют результаты исследования, проведенного королевским объединенным институтом оборонных исследований, среди трудовых мигрантов из государств Центральной Азии в городах Российской Федерации. Авторы исследования, анализируя факторы, способствующие процессу радикализации трудовых мигрантов, подтверждают роль и место подталкивающих факторов в данном процессе. В частности, исследователи отмечают, что несмотря на то, что отсутствие возможностей для работы, растущий долг и бедность могут подтолкнуть некоторых мигрантов к вступлению в экстремистские группы из отчаяния, другие, которые находятся в лучшей ситуации, могут быть привлечены обещанием денежного вознаграждения. Действительно, большинство опрошенных лиц считало, что деньги являются важным стимулом для присоединения к экстремистским группам. Действительно привлекают, прежде всего, деньги. Больше, чем когда-либо они видели. Все остальные названные причины – миф. Более того, респонденты предположили, что люди присоединились к экстремистским группам, потому что не хотят работать или хотят «легких» денег. Деньги особенно заманчивы для молодых и необразованных мигрантов [288, с. 64].

Важно отметить, что трудовая миграция является тем социальным процессом, который имеет различные аспекты и последствия. В рамках анализа подталкивающих факторов отметим, что для части трудовых мигрантов именно финансовая составляющая выступает главным мотивом вступления в деструктивные группы.

Сегодня проблема трудовой миграции становится все более серьезным фактором, непосредственно влияющим на проблему безопасности. Многочисленные проведенные исследования убедительно подтверждают, тот факт, что трудовые мигранты являются самой уязвимой социальной группой. Они постоянно находятся под прицелом международных экстремистских и террористических группировок.

В этой связи важно объективно определить, чем же вызван столь повышенный интерес деструктивных организаций к трудовым мигрантам? На наш взгляд, ответ кроется в самой природе трудовой миграции, а именно:

- будучи на чужбине в социально-психологическом плане мигранты очень уязвимы и при этом юридически не защищены;

- трудовые мигранты, как правило, всегда являются носителем большого социально-политического протестного настроения, что вызвано отсутствием возможности практической профессиональной реализации на родине;

- вовлечение трудовых мигрантов в ряды радикально-экстремистских и террористических группировок предоставляет деструктивным организациям большое преимущество. Их привлечение позволяет сформировать активное радикально-экстремистское и террористическое подполье в активной и мобильной форме. В практическом плане его суть заключается в том, что трудовые мигранты могут не только активно распространять свою идеологию, но и также совершать террористические акты. Таким образом, существенно увеличивается террористическая активность, как в зоне пребывания трудовой миграции, так и у себя на родине, а также в потенциальных государствах транзитов;

- в то же время трудовые мигранты традиционно работают в низкооплачиваемых сферах деятельности, где обычно к работникам предъявляются минимальные профессиональные и квалификационные требования. Для подавляющего большинства трудовых мигрантов нет каких-либо реальных перспектив социально-экономического роста. Процесс их социальной адаптации на новом месте протекает очень болезненно. К тому же многие из них очень часто подвергаются различного рода унижениям и оскорблениям, что в результате способствует формированию и укреплению их протестного настроения [316].

В контексте Республики Таджикистан следует отметить, что процесс трудовой миграции больше характерен для жителей сельской местности. Именно они, в особенности молодежь, больше и острее всего сталкиваются с

проблемой безработицы. Как результат, почти в каждой сельской семье имеются трудовые мигранты, работающие в основном в крупных городах Российской Федерации. Трудовая миграция до сих пор продолжает оставаться для их домохозяйств важным источником финансового благополучия. Для многих из них это является еще и единственной возможностью решить свои социальные проблемы, на примере проведения свадеб, покупки земельного участка, строительства отдельного жилья или же открытия частного дела.

Безработица и бедность важны с точки зрения социальной и экономической маргинализации, когда оторванность от большинства способствует более легкому переходу в ряды радикальных организаций, так же представляющих собой сообщества вне мейнстрима [195, с. 13].

Следует указать тот факт, что действующие в стране деструктивные организации широко используют технологию притягательных вопросов, круг которых фактически не ограничен ничем. Он может иметь отношение к проблемам современных международных отношений, духовно-нравственного кризиса человечества, существующих социально-экономических проблем в государстве и любые другие вопросы. Конечно, рядовой человек не имеет однозначного ответа на данные вопросы, и деструктивные силы этим фактором активно пользуются. Данные вопросы не только заставляют человека задуматься о существенных проблемах, но и навязывают обществу свою точку зрения. При этом они представляются как единственно правильную и справедливую идею для всего общества, а все остальные точки зрения являются лишь иллюзией и обманом.

Таким образом, эмиссары на практике руководствуются правилом, названным «бритвой Оккамы», которого должно придерживаться все мышление. Согласно этому правилу, сущность не должна умножаться сверх меры, она должна, с одной стороны, наиболее экономно, а с другой максимально полно, описывать действительность. Другими словами, в аргументации ни должно быть ничего лишнего [132, с. 145].

Безусловно, социально-экономические проблемы во многом носят долгосрочный характер и не имеют своего сиюминутного решения. Даже сам метод их решения станет предметом детального публичного обсуждения и анализа. Тем не менее, обществу, стремящемуся укрепить свою социально-экономическую стабильность целесообразно развивать проекты, направленные на устранение барьеров, препятствующих развитию человеческого капитала.

Таким образом, существующие социально-экономические проблемы остаются самым серьёзным вызовом для стабильного развития современного общества. Проанализированные подталкивающие факторы, остаются базовыми источниками роста идеи экстремизма и терроризма среди местного населения. Они продолжают способствовать радикализации граждан страны, и оставаясь значимым фактором, негативно влияющим на мировоззрение человека. Граждане, мотивирующиеся социально-экономическими факторами, воспринимают свою экстремистскую и террористическую деятельность не иначе, как крайний метод восстановления социальной справедливости. Они полагают, что существующие в обществе социально-экономические проблемы фактически ставят крест на их социально-экономические перспективы. Как нами было отмечено ранее: «В конечном итоге это формирует гнетущую депрессию, отчаяние и тяжелую обиду на весь социум. Они думают, что у них нет никаких шансов решить свои социальные проблемы. Наступает последняя стадия конфликта между человеком социальной группой» [З-А, с. 271]. В силу вступает та социальная ситуация, которая Дюркгеймом охарактеризована как аномия – безнормие или беззаконие. Это подразумевает разрушение неформальных институтов, которое приводит к резкому росту неопределенности и увеличению транзакционных издержек взаимодействия между людьми. Глобализация только усиливает возникающую нестабильность, расширяя пространство выбора, но не определяя его правил. В отсутствие общепринятых норм на первый план выходит «право сильного». Таким образом, принадлежность к сильному сообществу, имеющему четкие

цели, ясную идеологию и жесткие нормы поведения и готовому обеспечивать защиту своих членов в условиях аномии давало значительные преимущества, особенно тем, кто не был защищен своим общественным положением, богатством или родственными связями. Это выгода могла оправдать достаточно высокие издержки [169, с. 94].

Следует подчеркнуть, что прошедший слом социальной системы и переход из одной общественно-политической формации к другой просто шокировал большинство населения страны. Социальные преобразования проходили, как правило, в стихийной неорганизованной форме и соответственно, не учитывали коренные интересы большинства. Результатом явилось падение уровня жизни значительной части населения страны. Подталкивающие факторы затрагивают значительный социальный пласт общества. В этой связи они, будучи реальной социальной объективностью, требуют своего комплексного и беспристрастного анализа.

В рассматриваемом контексте важно отметить, что в целях минимизации социальной базы радикальных течений Республика Таджикистан последовательно имплементирует государственную Стратегию сокращения бедности. За последние два десятилетия в стране были успешно реализованы три профильных стратегических документа. Вместе с тем интенсивный демографический рост в республике существенно увеличивает совокупную нагрузку на государственную систему и выступает сдерживающим фактором для дальнейшего форсированного снижения уровня бедности. В сложившихся реалиях государственные институты сталкиваются с необходимостью ускоренного создания новых рабочих мест. Для эффективного преодоления данных вызовов Таджикистану требуется диверсифицированная поддержка со стороны международных финансовых институтов [133, с. 577].

Абсолютно очевиден и неоспорим тот факт, что существующие нерешенные социально-экономические проблемы в государстве продолжают оставаться существенным источником роста экстремистского настроения в обществе и, прежде всего, среди его уязвимых и маргинальных групп. Более

того, станет фактором, который позволит объединить различные социальные группы во имя одной общей идеи. При этом они будут стремиться достигнуть своих целей исключительно радикальным путем. При этом, наибольший урон, исходящий от данной группы факторов, заключается в том, что происходит раскол традиционной жизни общества. В этой связи важным представляется понимание обществом объективной интерпретации существующих социально-экономических проблем.

Выводы

1. Подталкивающие факторы в лице социально-экономических проблем оказывают наиболее сильное влияние на формирование мировоззрения человека. Наличие проблем в данных сферах всегда становится причиной социального недовольства. Потенциально оно может стать мощным катализатором вовлечения людей в ряды деструктивных группировок.

2. Социально-экономические проблемы предоставляют экстремистским и террористическим организациям широкое поле для маневра. Они активно используют существующие в обществе трудности для вовлечения новых членов. Бедный и потенциально не имеющий перспектив выйти из своего финансового кризиса человек фактически может легко попасть в их сеть.

3. Стремление человека достигнуть стабильного финансового благополучия любой ценой активно используется экстремистскими и террористическими структурами. Одной из основных и общепризнанных методик, относящихся к числу классических по пополнению рядов деструктивных структур, безусловно, является материальное вознаграждение. Стабильное финансовое стимулирование новых адептов остается надежным инструментом, гарантирующим привлечение все новых сторонников.

4. Одним из последствий социальных кризисов является социальная дифференциация и маргинальность определенной части общества. Восприятие себя в качестве маргинального субъекта формирует у человека не только ненависть к данному обществу, но и стремление его уничтожить любой ценой. Психология маргинала такова, что не нуждается в дополнительной

обработке. Он и так полон ненависти к обществу. Следовательно, данный тип личности наиболее восприимчив к деструктивной идеологии.

5. Социально-экономические проблемы предоставляют возможность экстремистским и террористическим организациям пропагандировать своё видение о социальной, политической и экономической справедливости. Особенно среди тех слоёв общества, которые считают себя ущемленными и обиженными существующей социально-экономической реальностью.

ГЛАВА 4. ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОКУСЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИМ ВЗГЛЯДАМ ЭКСТРЕМИСТКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

4.1. Институты гражданского общества: эволюция, проблемы и потенциал

Широко известно, что проблема институтов гражданского общества всегда была в центре пристального внимания общественных наук. Этот интерес имеет многовековую историю, начиная с античных времен. Столь серьёзный и постоянный интерес вполне объективен и обоснован. Он вызван, главным образом, многогранной природой институтов гражданского общества. За отмеченный нами исторический период идея участия институтов гражданского общества в решение социальных вопросов сильно эволюционировала.

В различные периоды исторического развития институты гражданского общества по-разному воспринимались самим обществом. Отношение социума определялось развитием и модернизацией самого института государства. Прямым его следствием стало вкладывание иной интерпретации и толкования, способствовавшие приобретению всё новых смыслов и характеристик институтами гражданского общества. Тем самым все более актуализировалась роль и место институтов гражданского общества в жизни государства. Особенно это сильно возросло в конце XX-начале XXI века. Соответственно, сам процесс эволюции институтов гражданского общества в историческом плане является достаточно сложным и долгим [319].

Исторический путь построения гражданского общества и разработка его концепции был полон острых социальных, политических и идеологических коллизий. Европейская традиция философского осмысления феномена институтов гражданского общества имеет античные корни. В частности, заслуживает внимания идея Аристотеля о том, что совокупность граждан образует гражданское общество, противостоящее как сообществам варваров,

так и деспотии, а также его идея о завершении генезиса политической природы человека именно в государстве.

Античные мыслители заложили основы естественно-правового подхода к трактовке гражданского общества. При этом вплоть до XVIII в. государство и общество рассматривались как единое целое. Однако и позднее принципиального различия между обществом и государством не проводилось. Разделить их было непросто, ведь государство – это форма организации общества. Понадобилось время, чтобы теоретики увидели разделяющие их грани и убедились в том, что одно есть часть другого [111, с. 267].

В этой связи важным является классификация основных исторических этапов формирования институтов гражданского общества. Несмотря на всю спорность указанных периодов, тем не менее, отметим, что сама предложенная классификация представляет большую теоретическую и практическую ценность. Историческая ретроспектива позволяет верифицировать процесс институционализации гражданского общества как закономерный результат трансформации социально-политических и экономических систем. Каждый из выделенных этапов детерминирован уникальным набором структурных факторов, которые в совокупности определили вектор формирования институтов гражданского общества на соответствующих исторических отрезках.

Безусловно, вопрос периодизации этапов является важным, актуальным и в то же время, достаточно дискуссионным по причине его сложности. Относительно самой классификации периодизации этапов формирования институтов гражданского общества научные круги используют различную методологию. На наш взгляд, наиболее объективным является подход, за основу которой используют хронологию. Именно такой подход позволяет системно отслеживать динамику становления гражданского сектора и выделить крупные общественные события, воздействовавшие на его формирование и развитие. Особого внимания заслуживает классификация этапов по А.К. Сковикову:

«Первый этап – с древнего мира, преимущественно с античности до XVI-XVII вв. Данный этап характеризуется отсутствием четкого разграничения в трудах социально-политических мыслителей античности и средневековья между обществом и государством. В эпоху Возрождения акцент преимущественно делался на личность, ликвидацию социально-политического неравенства, утверждение права в жизни суверенного государства.

Второй этап – с рубежа XVI-XVII вв. до конца XVIII в. В данное время в работах преимущественно европейских и американских исследователей обосновывается тезис развития гражданского общества в различных концепциях, посвященных развитию идей естественного права и общественного договора.

Третий этап – с XIX века по первую четверть XX века. В данный период идет массовое формирование различных институтов гражданского общества, в том числе политических партий.

Четвертый этап – со второй четверти XX века и до рубежа XX-XXI вв. Идет процесс активизации институтов гражданского общества и поиск взаимодействия, как между ними, так и между институтами гражданского общества и государством.

Пятый этап – с рубежа XX-XXI вв. по настоящее время. Идет активный процесс формирования электронного общества и поиск новых механизмов взаимодействий между всеми акторами, находящимся на современном политическом поле» [168, с. 2-3].

Анализ вышеприведенной классификации показывает, что первый этап по своему временному промежутку самый длительный и значительно превосходит остальные четыре этапа вместе взятых. В данный исторический период социальный спрос на институты гражданского общества не был таким сильно востребованным, особенно в самом начале данного периода. Со стороны некоторых ученых и государственных деятелей имелось лишь осознание активного вовлечения граждан в государственные и общественные

дела. Это вызвано, на наш взгляд, прежде всего, целым рядом объективных факторов. В их числе особо отметим процесс общественного развития государства и пассивное участие самих граждан в общественных делах. И наконец, тотальная монополия государственных институтов в принятии самих решений и последующим его исполнении.

Подчеркнем, что повышенный интерес к деятельности институтов гражданского общества обусловлен объективными социальными факторами, которые имеют различные измерения. Старший исследователь Гуверовского института Ларри Даймонд описывает восемь функций, «которые выполняют институты гражданского общества:

- первая – обеспечение основы для ограничения государственной власти и отслеживание возможных злоупотреблений властью;

- вторая – дополнение роли политических партий в стимулировании участия демократических граждан в политическом процессе, усилении их политического влияния и развитии навыков, а также пропагандирование прав и обязанностей демократических граждан;

- третья – выполнение роли арены для развития таких демократических ценностей, как толерантность, умеренность, готовность к компромиссам и уважительное отношение к чужим точкам зрения;

- четвертая – создание каналов, которые помимо политических партий могли бы выражать, объединять и представлять различные интересы;

- пятая – помощь в создании широкого круга интересов, которые могут затрагивать и смягчать противоположные точки зрения в политических конфликтах;

- шестая – поиск и обучение новых политических лидеров;

- седьмая – поддержка демократии, например, посредством наблюдения за ходом выборов;

- восьмая – распространение информации с целью помочь гражданам в отстаивании своих интересов» [153, с. 435].

В настоящее время главным атрибутом демократического правового государства, безусловно, являются институты гражданского общества. Современные государства просто немыслимы без эффективного функционирования гражданского общества. Его востребованность обоснована, прежде всего, тем фактом, что существующие в обществе проблемы по своей природе являются очень сложными и многоаспектными. При этом текущие социальные процессы характеризуются своей динамичностью и нелинейностью. Их действенное решение возможно только при самом активном вовлечении институтов гражданского общества.

Гражданское общество – динамичная система, чья реакция на политические решения и общественные процессы отражает интересы большинства граждан. Поэтому изменения в экономике и социальном положении населения непосредственно трансформируют поведение его институтов [168, с. 6].

По данной причине в последнее время, рассматривая и анализируя современные фундаментальные социально-политические категории, современные ученые на первый план выводят именно институты гражданского общества. Уровень участия представителей данного сегмента в решение проблем жизнедеятельности общества во многом стал определяющим. Другой важной составляющей институтов гражданского общества заключается в том, что в своей повседневной деятельности они существенно повышают человеческий фактор в решении социальных проблем. При этом их деятельность, что также немаловажно, на практике способствует укреплению потенциала местного сообщества.

В то же время многими современными представителями научно-исследовательской среды и экспертно-аналитических кругов институты гражданского общества воспринимаются как наиболее важнейший социальный индикатор. Сама их социальная активность является ключевым индикатором в области достижения и получения социальной справедливости, политических прав, экономических свобод и религиозно-духовных ценностей.

Общеизвестно, что негосударственный или другими словами, неправительственный сектор, играет важнейшую роль в общественном развитии и общественном процессе в целом. Играя модерлирующую, а в некотором роде и стабилизирующую роль в различных сегментах общества, институты гражданского общества призваны обеспечить социальное участие граждан в делах общества, решении вопросов местного значения, актуализации социально-экономических и политических вопросов, мониторинге реализации программ и стратегий государства, повышении правового и политического сознания граждан [211, с. 3].

В связи с этим в настоящее время всё большую ценность и актуальность представляет запущенный в ряде государств объективный механизм, реально раскрывающий существующий уровень интеграции негосударственного сектора в систему государственно-политического развития. В качестве примера можно привести международный исследовательский проект «Индекс гражданского общества – CIVICUS», методология которого базируется на оценке следующих ключевых параметров:

1. «Общественное участие: уровень вовлеченности населения в деятельность социальных и политических организаций.
2. Организованность гражданского общества: уровень институализации гражданского общества.
3. Практикуемые ценности: уровень выраженности ценностных установок в обществе.
4. Восприятия влияния: уровень социального и политического воздействия гражданского общества, исходя внутренней и внешней оценки.
5. Внешняя среда: состояние социально-экономических, политических и культурных условий, которых влияют на деятельность гражданского общества» [202, с. 7].

Для Республики Таджикистан, избравшей путь демократического, светского и правового развития, институты гражданского общества стали новой социально-политической реальностью. Процесс становления

институтов гражданского общества стал одним из основных предметов изучения со стороны различных гуманитарных научных кругов.

За годы государственной независимости институты гражданского общества стали основной конструкцией современного общества. Наличие институтов гражданского общества является наглядным свидетельством процесса эволюции общества. В данном обществе большинство граждан осознает свою персональную ответственность в решении существующих в стране проблем.

Безусловно, появление такого мощного сегмента, как гражданское общество подразумевало под собой наличие правовых гарантий со стороны государства. В статье 28 Конституции Республики Таджикистан отмечается: «Граждане имеют право объединяться. Граждане вправе участвовать в создании политических партий, профессиональных союзов и других общественных объединений, добровольно входить в них и выходить из них» [5].

Анализ показал, что на процесс формирования и становления институтов гражданского общества в Таджикистане ключевое значение имели два социальных аспекта.

Первый аспект – это конкретные исторические рамки. В Республике Таджикистан первые независимые элементы гражданского общества появились еще в конце восьмидесятых годов прошлого столетия на закате советского периода во времена перестройки и гласности. В этот период непосредственно начался сам процесс формирования и дальнейшего развития институтов гражданского общества. Зарождение институтов гражданского общества происходило в достаточно сложное политическое время. Оно характеризуется кардинальной трансформацией социально-политических процессов в стране. В свою очередь, этот процесс повлек за собой полное изменение сознания и ментальности граждан в решении существующих в обществе проблем.

При этом процесс формирования новых для общества структур проходил нестабильно и изменчиво, как правило, сопровождался постоянными перепадами. Во многом это было вызвано, прежде всего, политической конъюнктурой, отношением самих официальных властей к институтам гражданского общества. Конъюнктура властей зачастую выражалась целым рядом различных действий. В частности, затягиванием принятия решений, официальными и неофициальными запретами, усложнениями процедур в официальном оформлении документов, созданием искусственных бюрократических барьеров, тормозящих деятельность институтов гражданского общества и прочее.

Второй аспект – это психология, менталитет и культура социального поведения самих граждан страны. Именно эти факторы во многом и сформировали отношение и восприятие самого населения к качественно новому для них общественному явлению. В данном аспекте отметим, что до сих пор сами граждане воспринимают различные институты гражданского общества неоднозначно. Так, встречаются те, кто относится с определенной долей скепсиса, а также имеется прослойка небольшой части общества, которой характерно и вовсе категоричное отрицание. Подобное негативное отношение отчасти можно объяснить, в первую очередь, отсутствием объективной информации об институтах гражданского общества. Большинство из данной категории не понимает предназначение и социальную миссию, а также не осознаёт всю социальную значимость данного сегмента в решении существующих проблем.

Эта мысль подтверждается теорией социального капитала Роберта Патнэма, согласно которой эффективность любых общественных структур напрямую зависит от накопленного исторического опыта горизонтального взаимодействия граждан. В обществах, где институциональная среда долгое время формировалась преимущественно по вертикальному принципу, процесс адаптации к новым формам гражданской активности требует длительного

времени для формирования взаимного доверия и осознания социальной миссии этих институтов [71, с. 207].

Отмеченные нами два аспекта раскрывают целый ряд важных моментов. Среди них можно отметить не только саму динамику развития институтов гражданского общества, но и более существенное понимание их социального предназначения. Так, более чем за тридцатилетнюю историю функционирования институтов гражданского общества в Республике Таджикистан сложилась достаточно парадоксальная ситуация. С одной стороны, было высказано множество позитивных мнений, как на внутреннем государственном уровне, так и на внешнем международном уровне о необходимости активизации деятельности гражданского общества в жизнедеятельности государства. С другой стороны, в отношении них в реальности до сих пор отсутствует единая устоявшаяся точка зрения. Данное отношение характерно, как со стороны государственных институтов, научного и экспертно-аналитического сообщества, так и со стороны широкой общественности.

Как отмечает таджикский ученый Н. Саидов, «процесс возникновения, формирования и развития гражданского общества является очень сложным, обширным, многогранным и долгосрочным в зависимости от политических, экономических, интеллектуальных и моральных условий, а также от устойчивых исторических и культурных традиций каждого народа или нации, с учётом их национальных особенностей. Каждый народ, нация и государство занимают своё место в человеческом сообществе и принимают ту или иную политическую и социальную структуру, соответствующую национальным особенностям. Поэтому построение и формирование гражданского общества для современного Таджикистана, являясь вопросом особой важности, имеет свою специфику» [261].

Согласно Н. Саидову, «гражданское общество» – это объединение независимых и свободомыслящих людей, которые имеют определенные права и могут защищать их:

Во-первых, право на частную собственность, как гарантия экономической свободы и, в целом, основа свободы и независимости человека.

Во-вторых, право на политическую демократию, как акт осуществления политической свободы.

В-третьих, право быть приверженцем определенного типа культуры, которую иногда называют демократической культурой и которая основана на уважении не только своих корней, традиций, прав и интересов, но и на уважении составляющих представителей других народов.

В-четвертых, признание мира и стабильности в обществе, как основы для реализации всех других условий и факторов [261].

Многие, к сожалению, смотрят на данную проблему слишком узко, считая, что институты гражданского общества – это только неправительственные организации. Тем самым отсутствует полная картина текущего состояния институтов гражданского общества, несмотря на всю их объективную социальную значимость и востребованность. Подобные однобокие и узкие оценки влекут за собой прямые негативные последствия для самого общества. В частности, другие значимые сектора гражданского общества остаются полностью не исследованными. Другим же отрицательным результатом подобного подхода заключается в том, что данные институты, само общество не воспринимает как часть гражданского общества.

Из этого следует, что для беспристрастного анализа важно изменить угол зрения. Более убедительной представляется интерпретация институтов гражданского общества, которая обеспечивает более широкий охват проблемы. На практике сфера их деятельности крайне разнообразна и включает любые формы активной и сознательной самоорганизации граждан, в том числе социальные движения.

Параметры свободы гражданского общества институционально определены и зафиксированы. Фиксация данных нормативов выступает в качестве эталона поведения, идентификационных ориентиров деятельности личности. В этом плане общественное сознание индивида должна

превалировать над индивидуальным. Именно такое соотношение позволяет гражданам сформировать чувство гражданского долга, необходимого для существования гражданского общества, что позволяет членам гражданского общества отстаивать общие интересы и цели [25, с. 15].

Тем не менее, проблема формирования и развития институтов гражданского общества является самой актуальной в настоящее время. Данный процесс во многом в дальнейшем будет определять развитие самого государства.

Сегодня важно развивать и укреплять чувство гражданственности среди населения Республики Таджикистан. В конечном итоге это будет содействовать активной социализации самих граждан, выражающаяся в нижеследующих важных аспектах.

- во-первых, граждане начнут критически воспринимать и оценивать все текущие процессы в государстве;
- во-вторых, повысится вовлеченность граждан в данных процессах;
- в-третьих, как результат, у определенной части населения страны повысится чувство личной ответственности перед обществом и государством за свои поступки;
- в-четвертых, произойдет повышение правовой грамотности населения страны;
- в-пятых, будет способствовать повышению уровня информированности населения.

В конечном итоге, гражданское общество необходимо рассматривать в контексте процесса социализации граждан, которые очень взаимосвязаны между собой, так как в период своей активной социализации человек начинает не только действовать в обществе, но и происходит процесс личного самопознания.

Социализация – это процесс формирования гражданина путем усвоения понятий, норм и ценностей гражданского общества, а также навыков их реализации в конкретных исторических и национально государственных

условиях. Этот процесс должен полностью соответствовать конкретным социальным задачам и политической реконструкции общества [11].

В этом контексте раскрывается важная часть самой сущности и характера деятельности институтов гражданского общества, выражающаяся в том, что – это, прежде всего, инициатива снизу, исходящая от самого народа. Так, в последнее время наблюдается сильный дефицит в проявлении социальной инициативы самих граждан в решении острых социальных проблем.

Как отмечает таджикский эксперт П. Муллоджанов, «в моменты кризиса и социальных потрясений, когда зачастую происходит так, что власти и официальные органы не могут охватить весь спектр возникших проблем и трудностей, активизируется, как правило, гражданское общество, которое и заполняет образовавшийся вакуум. Поэтому гражданские институты не только помогают властям, но и берут на себя некоторые их функции для того, чтобы удовлетворить потребности и запросы населения, которое пострадало от кризиса» [231].

К сожалению, для части населения страны сегодня характерна определенная социальная пассивность, выражающаяся также в иждивенческом мировоззрении. В данном случае следует подчеркнуть, что институты гражданского общества обладают самым большим потенциалом в плане преодоления социальной пассивности и иждивенческого мировоззрения. Более того, их потенциал активно содействует процессу мобилизации граждан в решении социальных проблем.

Бесспорно, при наличии всех благоприятных условий потенциал и возможности институтов гражданского общества неограничен. В реальности подобное положение дел выглядит маловероятным или же вовсе нереальным. Отчасти от того, что оно противоречит самой логике социальных процессов. Гражданское общество формируется преимущественно через взаимодействие политически активной части населения с органами государственной власти: выстраиваемый диалог стимулирует постепенный переход от зависимых

отношений к поиску компромиссов и последовательному согласованию интересов сторон [129, с. 270].

Соответственно, вопрос очень сложный и требует пристального изучения. В этой связи, по нашему мнению, целесообразно определить существующие барьеры, ограничивающие потенциал институтов гражданского общества.

В первую очередь, это отношение государственных учреждений к институтам гражданского общества. До сих пор наблюдается отсутствие реального и конструктивного механизма взаимодействия между государственными ведомствами и институтами гражданского общества. Далее следует отметить фактор слабой информированности со стороны местного сообщества, особенно в отдаленных местностях о деятельности институтов гражданского общества. Иногда дело доходит до того, что население просто не знает о существовании институтов гражданского общества в их сообществах. Также серьезным препятствием, сильно тормозящим потенциал институтов гражданского общества, является отсутствие стабильного и постоянного финансирования. Отсутствие необходимых денежных средств может останавливать их деятельность на достаточно долгий и неопределенный срок. Следующий момент – это разнонаправленность их деятельности, в частности, имеются множество примеров, когда одна неправительственная организация может заниматься различными социальными проблемами, начиная от вопросов социальных болезней, таких как туберкулёз, и заканчивая проблемой международного терроризма. Деятельность зависит только от того, на что было получено финансирование от доноров. Последнее и самое важное, на наш взгляд, является то, что многие представители институтов гражданского общества не занимаются стратегическим планированием своей организации. При этом профессионализм и компетентность многих из них вызывает определенные вопросы и сомнения.

Указанные выше барьеры выглядят достаточно серьезными и трудно решаемыми. Их преодоление требует наличия больших усилий всех

заинтересованных сторон. Сложившаяся ситуация не может найти своего положительного решения в течение короткого временного отрезка. Уже сейчас положение дел таково, что требует иных подходов. В частности, выделение значительных материально-технических и финансовых ресурсов, правового регулирования самого процесса, изменение сознания и психологии в работе институтов гражданского общества.

Важно отметить, что в Республике Таджикистан 2 июля 2013 года принят актуальный документ – «Национальная целевая научно-исследовательская концепция по вопросам развития человека, дальнейшего обеспечения демократических принципов и развития гражданского общества на 2013-2028 годы» [11]. Концепция призвана обеспечить качественное изменение ситуации в стране, а её практическая реализация ожидается в четыре этапа:

а) Переходный период (2013-2014 гг.). В этот период принимается Государственная программа, разрабатываются программы, определяются рабочие группы.

б) Первый период (2013-2017 гг.):

- 1-й этап – изучение истории развития человека, демократии и развития гражданского общества. Установление подходов и методологии в изучении проблем;

- 2-й этап – мониторинг современного состояния проблем, связанных с развитием человека, принципами демократии и развитием гражданского общества в Республике Таджикистан;

- 3-й этап – анализ материальных, идеологических, психологических, культурных основ, правовой базы и законодательства Республики Таджикистан по проблемам развития человека, принципов демократии и развития гражданского общества в Республике Таджикистан.

в) Второй период (2018-2022 гг.):

- первое направление - анализ и исследование философских и правовых аспектов проблемы развития человека, принципов демократии и развития гражданского общества в зарубежных странах;

- второе направление - исследование экономических аспектов сферы развития человека, принципов демократии и гражданского общества;

- третье направление – исследование политических и культурологических проблем развития человека, принципов демократии и гражданского общества.

г) Третий период (2023-2028 гг.):

- первое направление – философское и правовое сравнительное исследование проблем развития человека, принципов демократии и гражданского общества;

- второе направление – сравнительные экономические исследования и определения перспектив развития человека, принципов демократии и гражданского общества;

- третье направление – сравнительные исследования проблем развития человека в области политики и культуры, принципов демократии и гражданского общества в Республике Таджикистане и за рубежом [11].

При практическом осуществлении данной концепции и иных стратегических документов, направленных на продвижение деятельности институтов гражданского общества в жизнедеятельности государства, важным является использование передовых общепризнанных зарубежных методик. При внедрении практик, безусловно, самым актуальным является его адаптация к национальным реалиям государства. Использование иностранного опыта во многом эффективно, что позволит значительно быстрее приблизиться к намеченной цели.

Одним из таких путей построения эффективных институтов гражданского общества в стране, безусловно, является метод аутсорсинга. Он сегодня активно внедряется повсеместно и получил заслуженное признание в мире. Данная идея зародилась еще в начале 30-х гг. XX в. в США в сфере автомобилестроения. Его суть заключается в том, что на деле происходит использование внешних ресурсов путем передачи своих полномочий некой внешней структуре [43, с. 155]. Эффективность аутсорсинга стала причиной

того, что постепенно он начал сильно распространяться. Так, его принципы стали также успешно внедряться и в других сферах общественной жизни.

Данную методику многие воспринимают не иначе как главным открытием и феноменом прошедшего столетия. Сегодня уже многие воспринимают методику аутсорсинга как универсальную социальную модель. В контексте деятельности институтов гражданского общества он способствует построению качественно иного общества.

Классификация форм и видов аутсорсинга не является в настоящий момент устоявшейся и окончательной, так как партнёрские отношения в рамках конкретных соглашений об аутсорсинге могут иметь значительные различия. Причиной этого являются быстрые темпы развития этого сектора бизнеса, возникновение новых форм взаимоотношений в условиях экономической глобализации, законодательные ограничения и пр.

Форма партнерских взаимоотношений выбирается заказчиком и зависит, в первую очередь, от желания и возможности контролировать и координировать выполнение работ аутсорсером. Степень такой координации определяется правами на владение теми ресурсами, которые задействованы в реализации аутсорсинг-проекта с обеих сторон [274, с. 8-9].

Несмотря на всю его привлекательность и актуальность, аутсорсинг до сих пор остаётся не востребованным. Причиной тому являются, на наш взгляд, две наиболее значимые причины. Одна из них, прежде всего, слабое изучение аутсорсинга государственными ведомствами. Прямым последствием этого является недостаточный уровень знаний о данном методе. Другой важной проблемой при внедрении принципов аутсорсинга в работу гражданского сектора в настоящее время является отсутствие нормативно-правового регулирования.

Не менее значимой составляющей также является отношение институтов гражданского общества к данной ситуации. Это больше затрагивает их текущее ментально-психологическое состояние. Так, она

определяет наличие фактора моральной готовности и решительности в осуществлении практических шагов и намерений их стороны.

Подобная осознанная позиция наглядно свидетельствует о возросшей, как личной ответственности институтов гражданского общества, так и стремлении активно участвовать в решении существующих проблем. Это является важным социальным индикатором, демонстрирующим вовлечение институтов гражданского общества в жизнедеятельность страны. Именно процесс активного втягивания аутсорсинга станет для институтов гражданского общества ключевым фактором их развития. Тем самым произойдёт кардинальное изменение проблематики в качественно лучшую сторону. Для достижения данной цели обществу предстоит решить многие задачи, при этом пройдя большой и трудный путь.

Следует подчеркнуть, что фактор ответственности чрезвычайно важен и актуален в наши дни. Современное общество ежедневно сталкивается с различными рисками, вызовами и угрозами социально-экономического, военно-политического, культурно-идеологического и иного характера.

В этом контексте, несмотря на все неоднократные заявления со стороны представителей институтов гражданского общества о полном осознании своей ответственности перед нацией и государством в исполнении своей социальной миссии, оно вызывает определенные сомнения. Определённая часть экспертно-аналитического сообщества и научных кругов ставит под сомнение все их заявления об осознании ими своей социальной ответственности.

Сомнение и вытекающее из него критика строится на двух основных моментах в их деятельности. Во-первых, это выраженная географическая диспропорция в деятельности неправительственных организаций, чья активность локализована преимущественно в столичном регионе, что ведет к их дистанцированию от реальных социально-политических и экономических проблем населения в отдаленных регионах. Во-вторых, ключевым дестабилизирующим фактором выступает финансовая уязвимость сектора, так как практически вся их проектная деятельность функционирует за счет

исключительного грантового финансирования со стороны международных донорских структур. Естественно, у них имеются свои собственные интересы и цели, на которые и выделяются гранты. На практике они не только не всегда совпадают с чаяниями общественности, но и иногда идут вовсе в разрез с мнением широкой общественности.

Отсюда следует, что перед институтами гражданского общества сегодня ставится задача изменения общественного и экспертного мнения. Это будет возможно лишь при наличии социальной инициативы. Особенно в тот период, когда само общество находится в неустойчивом состоянии. Всем хорошо известно сложившееся отрицательное отношение общества на постсоветском пространстве к добровольному проявлению различных инициатив. Несмотря на весь отрицательный подтекст социальных инициатив, на наш взгляд, они необходимы, так как содействуют изменению общественного сознания.

В свою очередь, именно инициативность является тем своеобразным проверочным тестом, который может дать откровенно правдивые ответы на многие существующие вопросы. Среди них наиболее важным представляется вопрос об устойчивости самих институтов гражданского общества. Из-за отсутствия критериев устойчивости и общепризнанного подхода ее определения, среди экспертного сообщества используются различные методы.

Большую ценность в этом аспекте представляет методика университета Джонса Хопкинса, используемая с 2004 г. в индексе глобального гражданского общества в рамках проекта «Сравнительные исследования некоммерческого сектора». Устойчивость оценивается на основе данных об источниках финансовых поступлений, а также структуре и размере расходов, их абсолютной стоимости в долларах США и их доля в ВВП. Наконец, влияние ОГО оценивается через вклад, вносимый ими в общественную, экономическую и политическую жизнь. Сам индекс – это число от 0 до 100; более высокие числовые значения свидетельствуют о «более сильном» гражданском обществе. Каждой стране присваивается итоговое значение – среднее арифметическое от числовых значений [209, с. 16-17].

В условиях Республики Таджикистан для многих международных доноров компонент устойчивости институтов гражданского общества стоит на первом месте. Уже сегодня практическая реализация многих проектов в стране является залогом укрепления устойчивости самих институтов гражданского общества. Так, у представителей гражданского сектора появляется финансовая устойчивость, совершенствуются организационные моменты, в том числе профессионализм работников, укрепляются взаимоотношения между представителями государственных ведомств так, бенефициарами и иными структурами, активно вовлечёнными в данный процесс.

Данный компонент базируется на наличии двух составляющих. С одной стороны – это теоретические знания и навыки вкупе с практическим опытом. Они позволяют им оставаться активным участником текущих социальных процессов, несмотря на все проблемы и преграды. С другой стороны, устойчивость институтов гражданского общества подразумевает самое тесное консолидированное и целенаправленное взаимодействие с местным сообществом, особенно в предотвращении острых социальных проблем, подобных экстремизму и терроризму. Отметим в этой связи преимущество самого местного сообщества. Оно заключается в том, что его структура подразумевает активное взаимодействие всех заинтересованных сторон. Тем самым, местное сообщество на практике выступает не только эффективным проводником государственной политики, но и своеобразной универсальной конструкцией сотрудничества государства, общества и институтов гражданского общества.

Таким образом, учитывая, что основная задача гражданского общества заключается в реализации гражданских инициатив, в конечном итоге, институты гражданского общества должны отвечать следующим критериям:

- должен являться объединением людей целью, которого является достижение общих целей;
- должен исходить из принципов добровольности;

- должен иметь реальную возможность влияния на принимаемые решения;

- должен обладать независимостью и самостоятельностью в политических и экономических вопросах [176, с. 8].

Объективная оценка современного состояния институтов гражданского общества предусматривает также анализ сложившегося в целом текущего отношения самого общества к третьему сектору. Одним словом, насколько силён и востребован интерес со стороны общественности к эффективно действующим институтам гражданского общества. Уровень общественного интереса важен и воспринимается в науке как социальный спрос. В последнее время сам социальный спрос попал под самое пристальное внимание исследователей. Функция и природа социального спроса таковы, что формируют так называемую обратную связь между народом и вовлеченными структурами. Своё повышенное внимание они мотивируют, прежде всего, их значимостью и объективностью. С помощью социального спроса народ обозначает наиболее беспокоящие его проблемы, а также стремится продемонстрировать свое влияние.

Учитывая тот объективный факт, что к числу социальных проблем, остро стоящих перед местным сообществом в Республике Таджикистан, относится также и проблема экстремизма и терроризма, возникает вполне резонный вопрос, в частности в состоянии ли местные институты гражданского общества успешно противодействовать данной угрозе? Соответственно, как они могут быть задействованы для достижения наилучшего результата? В целом важно отметить, что сам потенциал гражданского общества увеличивает возможности более эффективного противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма в обществе. В результате, институты гражданского общества содействуют нижеследующему:

- создают площадку для конструктивного взаимодействия между государством и его гражданами;

- есть знания о местном контексте, драйверах и тенденциях развития;

- обладают глубоким, многолетним опытом;
- способны быть новаторами и проявлять и гибкость, чтобы определять и решать возникающие проблемы, зачастую задолго до того, как правительства осознают их – например, гендерные аспекты предотвращения экстремизма;
- целесообразны с экономической точки зрения при наличии возможностей и пространства для общественного участия;
- являются первыми, кто фиксирует радикализацию, способствующей насильственному экстремизму, и первые, кто реагирует во время нападения или кризиса;
- связаны с обществом и местными сообществами, и зачастую они напрямую зависят от отсутствия безопасности. Они руководствуются подлинной заботой и приверженностью пострадавшим, а не приоритетами доноров;
- берут на себя ответственность и ответственность за эти вопросы. Когда возникают проблемы, они готовы рисковать, корректировать и внедрять инновации для удовлетворения потребностей всех слоев общества;
- основываются на местном уровне и имеют глобальные связи, работая внутри стран и между странами, способны обмениваться опытом и передовыми методами;
- содействуя трансформации норм, обеспечивают устойчивые изменения в поведении и подходах, что приводит к значительным и долгосрочным последствиям [190].

Вопрос о степени вовлеченности институтов гражданского общества в реализацию антитеррористических стратегий остается предметом активной научной дискуссии. Экспертное сообщество демонстрирует отсутствие консенсуса относительно эффективности такого участия: значительная часть исследователей выражает скептическое отношение к делегированию функций обеспечения безопасности негосударственным субъектам, аргументируя это спецификой и высоким уровнем риска данных социально-политических процессов. Свою позицию они аргументируют тем, что институты

гражданского общества в своём нынешнем состоянии не обладают всем необходимым потенциалом. В качестве аргументов они приводят такие факторы, как отсутствие реального практического опыта, слабая материально-техническая база и, самое главное, отсутствие сложившегося механизма доверия между институтами гражданского общества и местным сообществом.

Интеграция институтов гражданского общества в систему противодействия экстремизму и терроризму представляет собой необходимый этап трансформации современных моделей обеспечения общественной безопасности. Несмотря на то, что гражданский сектор в ряде стран Центральной Азии находится на этапе институционального становления, его роль в минимизации радикализации социума трудно переоценить. Прогноз эффективности подобного взаимодействия напрямую зависит от формирования парадигмы равноправного партнерства между государственными институтами и негосударственными акторами. Только при условии институциональной прозрачности и четкого разграничения компетенций сотрудничество государства и гражданских структур способно стать действенным инструментом нейтрализации угроз экстремизма, трансформируя «деликатную» проблематику в зону конструктивного общественного диалога.

Естественно, процесс вовлечения институтов гражданского общества в исследуемую проблематику должен носить поэтапный характер. Он должен затрагивать только те сферы, которые для их деятельности выглядят логичными и функционально решаемыми. В этом контексте наибольший вклад они могут внести, например, в проведении широких агитационных работ с местным сообществом. Как показывают результаты многочисленных исследований в Таджикистане – это, конечно же, образовательно-просветительская работа. Институты гражданского общества будут очень эффективным механизмом, оказывая консультативные услуги юридического, религиозного и иного характера населению. В результате данных акций заметно повышается правовая и религиозная грамотность населения. В то же

время они могут быть вовлечены в проведение в доступной форме для местного сообщества образовательных мероприятий. В их числе круглые столы, тренинги, конференции, организация летних школ, укрепление устойчивости самого местного сообщества, доведение до населения актуальных раздаточных материалов. Также при определенных обстоятельствах может быть проведена целевая работа с самими людьми, примкнувшими к деструктивным организациям и членами их семей. В данном случае вполне оправданным может стать, например, механизм оказания психологической поддержки. Это позволит смягчить процесс адаптации и скорейшей реинтеграции граждан с экстремистским прошлым в местное сообщество после их возвращения из зон боевых действий. Данное направление деятельности помимо прямого контакта также подразумевает самое активное использование современных технологий.

Конечным результатом вовлеченности институтов гражданского общества, безусловно, станет то, что они в реальности будут аккумулировать точку зрения местного сообщества. Отслеживается динамика проблемы, выявляются различные существующие нюансы и тенденции. Это позволит государству своевременно и более эффективно влиять на данный вопрос.

Выводы

1. Двигателем процесса эволюции институтов гражданского общества в Таджикистане остается общество. Решающим фактором институционального развития гражданского общества выступает формирование индивидуальной субъектности, где осознанная гражданская позиция индивида является фундаментальным гарантом устойчивости социальной архитектуры. Его нельзя активизировать искусственным образом, различными правительственными директивами и постановлениями.

2. Качественная эволюция институтов гражданского общества возможна при повышении гражданской культуры у широких слоёв населения. В данном случае важным является осознание обществом своей непосредственной

социальной ответственности в жизнедеятельности общества, главным образом, в решении социальных проблем. Важным в решении проблемы экстремизма и терроризма является то, что активное сотрудничество институтов гражданского общества с государственными органами заметно укрепляет устойчивость местного сообщества.

3. Институты гражданского общества, будучи неотъемлемой частью местного сообщества, могут внести значительный вклад в решение актуальных и насущных социальных проблем населения, включая уязвимых слоев общества. В контексте противодействия экстремизму и терроризму актуальным является внесение своевременных изменений в формат участия общественного сектора в решении данной проблематики в стране. Стратегической необходимостью является переход от формального взаимодействия к модели приоритетного социального партнерства между государственными структурами и институтами гражданского общества.

4. Институты гражданского общества выступают базовым стратегическим ресурсом и ключевым медиатором в системе «государство – личность». Их уникальность заключается в способности транслировать и обрабатывать сигналы обратной связи, что делает эти институты незаменимым инструментом легитимации государственной политики и снижения уровня социальной напряженности. Более того, в современном мире не имеется достойной и равнозначной альтернативы институтам гражданского общества.

5. Практическая значимость институтов гражданского общества состоит в том, что в своей повседневной деятельности они, прежде всего, существенно повышают человеческий капитал. Также другим дополнительным преимуществом институтов гражданского общества является то, что они являются составной частью местного сообщества. Следовательно, они могут более объективно оценивать саму текущую ситуацию на местах и своевременно на неё реагировать. Это особенно важно в контексте проблемы экстремизма и терроризма.

4.2. Механизмы взаимодействия государства и институтов гражданского общества в контексте противодействия экстремизму и терроризму

В рамках разрабатываемого нами концептуального подхода ранее утверждалось, что природа современных вызовов безопасности неотделима от процессов модернизации: «Общество в своем развитии имеет одну неукоснительную цель – стремление достигнуть более высокого уровня комфорта во всех сферах. Склонность к нему выглядит вполне оправданным и логичным. Данный процесс, как правило, протекает путем поступательного прогресса. В XXI веке социально-экономическое положение современного общества выглядит достаточно противоречивым. С одной стороны, оно достигло качественно нового уровня. Мы являемся свидетелями беспрецедентного научно-технического прогресса, что, в свою очередь, не обезопасил наше общество от значительных рисков, вызовов и угроз, непосредственно влияющих на государственную безопасность. Подобная реальность требует от государства и общества поиска наиболее оптимального универсального механизма взаимодействия, соответствующего текущему состоянию общества. Безусловно, институт государства был и остается наиболее уникальной структурой управления обществом» [20-А, с. 230].

В исторической ретроспективе государство наделено эксклюзивной монополией на правотворческую деятельность и нормативное регулирование общественных отношений. Легитимное право издания общеобязательных правовых актов, детерминирующих базовые рамки человеческого поведения, принадлежит исключительно государственной власти. Тем не менее это не предполагает тотальной регламентации всех сфер жизнедеятельности социума. В частности, значительный массив общественных связей традиционно регулируется этическими императивами, определяющими ценностные стандарты межпоколенческой коммуникации, уважения гендерного статуса и трансляции семейных социокультурных моделей [201].

В данном случае также важным и бесспорным является тот исторический факт, что со времен образования института государства актуализировался вопрос о соотношении вовлеченности власти и общества в решении насущных проблем государства. Диалектика их взаимоотношения носит неоднозначный и двойственный характер. С одной стороны, между государством и институтами гражданского общества существуют разногласия и трения. Порой они перерастают в жесткую конфронтацию. С другой стороны, структурно-функционально они призваны успешно дополнять друг друга в решении важных проблем. Основной причиной взаимодополняемости выступает их социальное предназначение. Данный фактор, на наш взгляд, является безусловно важной и стратегической предпосылкой для укрепления их дальнейшего взаимного сотрудничества. В последнее время в экспертно-аналитических кругах все чаще отмечается природная идентичность целеполагания государственных структур и гражданского сектора.

Таким образом, преодоление существующей дихотомии в оценке потенциала гражданского сектора способствует формированию консенсуса относительно императивности конструктивного взаимодействия государства и гражданского общества. Прагматизация данного сотрудничества становится определяющим вектором антитеррористической стратегии, обеспечивая переход от декларативного участия к реализации модели субъектного партнерства в сфере обеспечения общественной безопасности. В этой связи большое внимание следует уделить самим принципам сотрудничества. Именно они, в конечном итоге, будут определять сам характер их взаимодействия. Провозглашенные принципы должны неукоснительно и строго соблюдаться обеими сторонами процесса.

Принципиальные основы взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества включают: взаимное признание специфики деятельности сторон, основанное на уважении к их автономности; достижение консенсуса в понимании стратегических задач и векторов развития, стоящих перед государством и гражданским сектором; реализация

системы сбалансированного взаимоконтроля и взаимопомощи, направленной на минимизацию рисков и повышение эффективности совместной работы; установление четкой персональной и коллективной ответственности за реализацию принятых решений; обеспечение правовой основы взаимодействия, исключающей правовой вакуум; внедрение принципов состязательности при распределении государственных грантов, заказов и выборе партнеров для реализации социально значимых программ [128, с. 344].

Полученные в ходе нашего предшествующего анализа результаты наглядно демонстрируют закономерности трансформации структуры гражданского участия: «Очевидно то, что в каждой исторической эпохе определенной части общества присуще стремление быть активным участником социальных процессов. Важно подчеркнуть, что наблюдается тенденция роста среди граждан, осознанно вовлекающихся в социальную жизнь государства. Тем самым, на наш взгляд, последовательно и поэтапно происходит процесс эволюции сознания общества. Сама динамика вовлеченности граждан, стремящихся принимать самое активное участие в жизнедеятельности государства, только возрастает. В настоящее время она стала фактически распространяться на все значимые для человека сферы» [20, с. 231].

Анализируя специфику и форматы вовлеченности гражданского сектора в общественно-политическую практику, российский исследователь С.Б. Котляров акцентирует внимание на том, что: «взаимодействие гражданского общества и государственных институтов характеризуется комплементарностью и системной взаимозависимостью. Концептуально формирование правового демократического государства невозможно без развитого гражданского сектора, выступающего средой артикуляции рациональных форм социальной организации. В данной системе координат гражданское общество выполняет функцию медиатора между автономным индивидом и централизованной государственной властью, в то время как государство берет на себя превентивные функции по купированию

деструктивных процессов и обеспечению гарантий прав личности. Несмотря на то, что на эмпирическом уровне демаркационная линия между государством и обществом нередко носит диффузный характер, в методологическом плане данная дихотомия является необходимым аналитическим инструментом для оценки уровня политической зрелости общества и степени реализации индивидуальных свобод» [126, с. 63].

Исследователи справедливо отмечают, что социально активные граждане были во все периоды письменной истории человечества. Тем не менее, наиболее прорывным по праву считается XX век. Именно в этот исторический период произошел кардинальный слом общественного порядка. В социуме начали формироваться многочисленные прообразы современных институтов гражданского общества. Глобальные и беспрецедентные социально-экономические и военно-политические катаклизмы способствовали активизации данного процесса. В результате широкие слои общества начали осознавать, что они больше не могут оставаться сторонними наблюдателями. Теперь они должны стать социально активными, внося собственный практический вклад в жизнь своего государства. Подобная трансформация сознания, в конечном итоге, привела к фундаментальному изменению жизненной позиции и ориентиров граждан, оказав сильнейшее влияние на процесс взаимоотношения государства и общества.

В данном контексте следует отметить, что сам феномен взаимоотношения государства и институтов гражданского общества находится в постоянном поле зрения политологии. По праву он относится к числу самых обсуждаемых и сложных вопросов с научной точки зрения.

С каждым витком развития политической науки изучение гражданского общества обретает все новые грани: применение системного подхода к его анализу, концентрация внимания на сущности гражданского общества и взаимосвязи его развития с демократизацией, изучение проблемы взаимодействия личности и государства и т.д.

Как подчеркивает казахстанский учёный Ж.К. Мадалиева: «Понятие «гражданское общество» многогранно и многоаспектно. В общем виде его можно определить, как некий утопический глобальный идеал общественного устройства и отношений, требующий формирования в обществе приоритета высокоразвитой и высокоморальной личности, способной контролировать государство, определять его политику. Его функционирование поддерживается отношениями уважения, равенства, справедливости и закона. Гражданское общество нельзя рассматривать односторонне, не учитывая три его взаимосвязанные составляющие: личность и систему ее взаимосвязей и отношений; институты гражданского общества; общественный порядок, идеальную форму развития общества. Личность – центральное ядро гражданского общества. Можно сказать, что вся концепция гражданского общества строится вокруг личности. Появившаяся в Новое время либеральная классическая концепция гражданского общества во главу угла поставила личность, свободу и права человека. Определение гражданского общества часто отождествляется с высокой ценностью личности в обществе и государстве, с приоритетом ее прав и свобод. Основу гражданского общества в идеале составляет личность, обладающая необходимым набором качеств – высокоморальных, нравственных, интеллектуальных и гражданских. Такая личность независима, развита, активна и инициативна» [223].

Таким образом, интерес к данному вопросу во многом объективен. Ответ на него позволяет определить значимые для науки факты, как на индивидуальном, так и на общественном уровне. В частности, определяется динамика действующих политических процессов, выявляются ключевые тенденции, а также соотношение политических сил, непосредственно влияющих на политическую жизнь государства. Исторически в каждом периоде уровень взаимодействия государства и общества соответствовал своим конкретным условиям.

При этом данная проблема также актуализируется по двум ключевым причинам: во-первых, из-за того, что данный процесс не является статичным

явлением. Более того, напротив, он всегда находится в постоянной и непрерывной динамике. Во-вторых, наличие природной естественной неизменной взаимной зависимости, ведь само государство стало прямым последствием развития общества.

Характерно также то, что в настоящее время социально-политические процессы стали еще более динамичными, оказывая сильное влияние абсолютно на различные аспекты жизни. Динамичность современного общества такова, что произошедшие качественные трансформации изменили всю его внутреннюю структуру и ценности. Конечным же результатом стало изменение как потребностей самого общества, так и отдельно взятого индивида.

Беспристрастное понимание сложившегося уровня взаимоотношения между государством и институтами гражданского общества подталкивает нас к неукоснительному использованию принципа объективности, его строгое соблюдение, как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Только таким образом можно будет получить объективный и полноценный ответ несмотря на всю сложность и многогранность данного явления. В этом случае важно объективно определить наиболее перспективные сферы взаимодействия государства с институтами гражданского общества. Наиболее продвинутое и углубленное взаимодействие сегодня демонстрируют государства европейского континента. В научных кругах по праву отмечается не только направление практического взаимодействия, которое достаточно широкое и охватывает различные социальные аспекты, но и самое главное – их уровень. Анализ научной литературы позволяет систематизировать основные направления взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества. К ключевым векторам сотрудничества относятся: вовлечение общественности в процесс обсуждения законопроектов, внедрение механизмов совместного государственно-общественного контроля, обеспечение транспарентности разработки социальных программ, а также развитие информационного обмена в сфере прав и свобод граждан. Особую

значимость в данном контексте приобретает поддержка социально значимых гражданских инициатив и практика делегирования общественным объединениям исполнения государственных программ [128, с. 344-345].

Процесс взаимодействия государства и гражданского сектора характеризуется иерархической структурой, охватывающей полный управленческий цикл. На начальном этапе – аналитическом – осуществляется комплексная диагностика проблематики. Далее следует проектировочный уровень, включающий разработку системы целевых мероприятий, которая плавно переходит в стадию принятия консолидированных управленческих решений. Практическая реализация принятых инициатив выступает важнейшим этапом, который завершается контрольно-оценочной функцией. Последняя предполагает мониторинг исполнения, верификацию результатов и аудит эффективности партнерских стратегий [128, с. 344-345].

В этой связи, вполне обоснованно и логично, что центральное место уделяется вопросу поиска оптимальной модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества. В этой связи, на наш взгляд, наиболее универсальной и объективной методологией является использование моделирования, несмотря на всю существующую в научных и экспертно-аналитических кругах критику в его адрес.

Методологическая ценность моделирования в изучении социально-политических процессов всегда сопряжена с определенной долей когнитивной редукции. Построение моделей взаимодействия государства и гражданских институтов неизбежно влечет абстрагирование от многообразия исторического контекста и нюансов социально-политической реальности. Безусловно, данные теоретические конструкты не могут быть прямо экстраполированы на практическую плоскость в своей идеальной форме. Тем не менее, использование метода моделирования является эвристически оправданным: оно позволяет деконструировать механизмы функционирования государственно-общественного партнерства, выявить скрытые

закономерности развития данных институтов и систематизировать векторы их системной взаимосвязи.

Между органами исполнительной власти и НПО существует комплекс механизмов взаимодействия: организация и развитие институтов гражданского общества, создание сети общественных советов, проведение гражданских форумов, конференций, семинаров, круглых столов и т.п.

Для НПО есть огромное количество вариантов общения с властью.

Совет, включающий в себя: 1) орган государственной власти; 2) административный или общественный орган; 3) совместное обсуждение чего-нибудь, совещание для такого обсуждения.

Советы по сотрудничеству и взаимодействию с неправительственными организациями – консультативно-совещательные органы при центральных и местных исполнительных органах, в состав которых входят представители заинтересованных государственных органов и неправительственных организаций.

Ключевым механизмом интеграции гражданского сектора в процесс государственного управления выступают общественные советы, функционирующие на национальном, ведомственном и локальном уровнях. Параллельно с этим, инструментом активного управления является практика экспертного обсуждения проектов нормативно-правовых актов. Данный формат обеспечивает артикуляцию интересов целевых групп, позволяя институтам гражданского общества вносить коррективы в законодательные инициативы и влиять на качество принимаемых управленческих решений.

Эффективность данных механизмов детерминирована рядом факторов: наличие у сторон осознанной установки на долгосрочное сотрудничество, превалирующей над узкокорпоративными интересами; достаточный уровень ресурсного и кадрового потенциала институтов гражданского общества, позволяющий им выступать в роли квалифицированных оппонентов и партнеров государственной власти; наличие устойчивых правовых

конструкций, регламентирующих процедуры взаимодействия и минимизирующих транзакционные издержки сотрудничества.

В контексте развития государственности Таджикистана прослеживается выраженная тенденция к консолидации усилий государства и гражданских структур. Наблюдается рост институциональной проницаемости государственных органов, сопровождаемый повышением медийности и общественной значимости деятельности НПО. Несмотря на существующие барьеры и необходимость дальнейшей эволюции правоприменительной практики, текущая динамика свидетельствует о поступательном переходе к модели конструктивного социального диалога, что подтверждается экспертными оценками и мониторингом реализации национальных социально-политических программ [211].

Сегодня научному сообществу широко известны различные модели, которые в определенной мере успешно внедряются на практике. Эффективность от практической реализации социальных моделей возможна при условии, что участники социального процесса полностью осознают и неукоснительно выполняют свои обязанности. При использовании конкретных социальных моделей, на наш взгляд, необходимо исходить от политической культуры и традиций, а также ментально-психологической характеристики самого общества.

Определение самой модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества является приоритетной задачей, которую необходимо решить не только в научно-теоретическом, но и в практическом плане. Институты гражданского общества выступают ключевым элементом современного демократического правового государства.

Методология моделирования подразумевает под собой формулирование некой социальной жизнеспособной конструкции взаимодействия между государством и институтами гражданского общества. В практическом плане моделирование является сложившейся системой по сути своего предназначения. Оно направлено на своевременное и эффективное решение

существующих в государстве насущных проблем. В то же время сама модель, как правило, пропитана конструктивной и консолидирующей идеей. Данный фактор призван на деле объединить усилия индивида, общества и государства во благо самих граждан.

Сегодня уже очевидно и неоспоримо то, что модели социального взаимодействия выступают как наиболее успешный механизм взаимовыгодного сотрудничества. На практике наблюдается разработка, как все новых социальных моделей взаимодействия, так и совершенствование уже действующих. Принцип моделирования в практическом плане обладает дополнительными преимуществами, что придаёт ему еще большую ценность. Так, метод моделирования выступает как некий оптимально действующий социальный механизм, направленный на решение острых проблем, при этом постоянно видоизменяясь, совершенствуясь и подстраиваясь под определенную проблему.

В контексте проблемы экстремизма и терроризма использование моделей является актуальным. Прежде всего, это важно для объективного анализа проблематики в области экстремизма и терроризма, а также выявления реального уровня угрозы для социума, обозначая все имеющиеся болезненные процессы и чувствительные моменты, потенциально способные усугубить данную проблему. При этом, модели устанавливают оптимальный уровень взаимодействия государственных ведомств и институтов гражданского общества, способных изменить ситуацию в лучшую сторону. Каждая модель является своеобразной действующей системой обратной связи, которая на деле способствует совершенствованию всех сторон, вовлеченных в процесс. В то же время эта мысль созвучна положениям Восьмого обзора Глобальной контртеррористической стратегии ООН [12, с. 10].

Тем не менее, при дальнейшем объективном анализе потенциальных моделей, мы руководствовались, прежде всего, двумя ключевыми фактами. Первый факт – полная осознанность всей тонкости и чувствительности такой проблемы, как экстремизм и терроризм. Второй факт – это условность каждой

из рассматриваемых нами моделей, что в конечном итоге делают их отчасти ограниченными. В настоящее время в научной среде отмечаются различные модели, которые с различной степенью успеха внедряются в жизнь общества. В их числе будут проанализированы, на наш взгляд, наиболее актуальные и перспективные в контексте исследуемой нами проблематики.

Первая социальная модель, получившая широкое применение и представляющая большой теоретико-практический интерес, известна как «партнёрское взаимодействие». Природа данной модели такова, что она обладает широким диапазоном универсальности. В результате чего в настоящее время в экспертно-аналитическом сообществе отмечается ряд его разновидностей. Социальные модели из числа группы партнёрского взаимодействия подразумевает различный уровень вовлеченности и ответственности участвующих сторон в решении социальных вопросов. В плане теоретико-практического изучения, каждая из них представляет особую ценность и имеет свой собственный вклад [311, с. 93].

Другая модель, анализируемая нами, является «модель садовника». Смысл этой модели в том, что власть осознает абсолютную необходимость существования и развития гражданского общества, неправительственных и некоммерческих организаций. Государство вносит в свою компетенцию принятие нормативных актов, способствующих активному развитию НПО и НКО, а также создает материальную опору для их существования. Цель государственного аппарата – защита деятельности НКО и НПО. Она достигается формированием особой законодательной базы, учитывающей интересы общественных организаций. Между властью гражданским обществом осуществляется диалог в виде «переговорных площадок». В целом, в этой модели и государство, и общество играют равные по значимости роли, но всё же роль государства в некоторой мере преобладает, потому что гражданское общество здесь способно нормально функционировать только при поддержке государства. Но, тем не менее, государство не управляет общественными организациями, так как понимает важность их

самостоятельного развития, что и для государства также ценно, как и для самого гражданского общества [239].

Таким образом, данная модель социального партнерства интересна тем, что в ней четко распределены место, роли и задачи участвующих сторон социального партнерства. Вовлеченные стороны не стремятся вытеснить или снизить влияние друг друга в решении социальных вопросов. Государство сохраняет за собой лидирующие позиции, но при этом оно полностью осознаёт всю социальную значимость институтов гражданского общества, выступает своего рода гарантом их поддержки и функционирования. Относительно решения проблемы экстремизма и терроризма использование «модели садовника» выглядит, на наш взгляд, вполне целесообразным и своевременным. Модель поможет усовершенствовать подходы и методы в достижении участниками своих намеченных целей. В частности, она позволит привлечь мощный, не задействованный потенциал институтов гражданского общества, а также консолидировать общество в противодействии экстремизму и терроризму. Также следует отметить, что «модель садовника» позволяет непосредственно распределить зону ответственности сторон. Дополнительным положительным фактором отмеченной модели заключается в её морально-нравственной составляющей. В основе её лежит равноправный, конструктивный и непрерывный диалог сторон. Важно также то, что государство в данном вопросе обладает большим теоретико-практическим опытом. Как следствие, в определенной степени государство само предопределяет повестку участия институтов гражданского общества в решении вопроса экстремизма и терроризма.

Следующей формой партнёрского взаимодействия, представляющей интерес, является «модель архитектора», которая по своей сути является полным антиподом «модели садовника». Данный вид диалога интересен тем, что во многом он построен на социальной активности и инициативности институтов гражданского общества. Данная модель жизнеспособна и эффективна при условии наличия сильных институтов гражданского

общества, которые могут самостоятельно участвовать в решении проблемы без привлечения государственного ресурса. Сам же индивид стоит во главе угла и имеет первостепенное значение. Другой её особенностью является наличие большого количества различного рода общественных организаций. Как правило, в их число входят ассоциации, группы, центры союзы движения и иные социальные организации, массово объединяющие людей, при этом соответствующие всем требованиям современных институтов гражданского общества. Данная форма партнёрского взаимодействия находит свое теоретическое обоснование в работах Ф. Хайэка [89, с. 36] и М. Эдвардса [297, с. 39]. В отличие от патерналистских подходов, "модель архитектора" базируется на приоритете индивидуальной инициативы и способности гражданских ассоциаций к самоорганизации без прямой ресурсной поддержки со стороны государства.

Следовательно, модель архитектора характеризуется высокой степенью вовлеченности последних в процесс формирования публичной повестки. В рамках данной парадигмы организации гражданского сектора выступают в качестве субъектов стратегического проектирования, инициируя реформирование государственных институтов, участвуя в формировании новых органов власти и осуществляя экспертно-образовательную деятельность по отношению к государственному аппарату. В результате, гражданское общество трансформируется из внешнего наблюдателя в активного со-проектировщика государственной политики, чья деятельность детерминирует трансформацию институциональной архитектуры государственного управления [273].

Проблема экстремизма и терроризма как большая социальная проблема по своей природе имеет различные измерения. Соответственно, её решение подразумевает активное участие различных институтов гражданского общества при самом тесном взаимодействии с государством. В контексте решения проблемы экстремизма и терроризма модель архитектора имеет свои особенности и нюансы, которые окажут сильное воздействие на процесс её

практической реализации. Как правило, её возможно успешно внедрить только в тех государствах, где институты гражданского общества имеют достаточно длительную успешную историю функционирования и само население видит в них эффективные социальные механизмы разрешения проблем. Само же население больше связывает свои чаяния и надежды в решении острых проблем, особенно экстремизма и терроризма, с государством, внедрение данной модели на практике мало приемлемо.

Другая категория социальных моделей, представляющих научный интерес, предусматривает тотальное доминирование государства над институтами гражданского общества в решении сложных социальных вопросов. Следует отметить, что данная категория социального партнерства является предметом постоянной полемики и причиной многих острых дискуссий. Тем самым, научно-экспертное сообщество делится на два лагеря. Так, противники свою точку зрения главным образом аргументируют тем фактом, что сама передача полномочий институтам гражданского общества потенциально таит в себе социальные риски. Также деятельность институтов гражданского общества может стать катализатором определенной социальной напряженности. Как отмечает П.В. Кузьмин, «к числу его отрицательных последствий следует отнести следующие:

- оно может сделать процесс формирования большинства более долгим и трудным, тем самым снижая степень легитимности демократических правительств;
- способно породить перекосы в распределении влияний в политическом процессе;
- зачастую внедряет в политическую жизнь, столь сложную и запутанную систему компромиссов, что в результате может быть принят такой политический курс, которого никто не желал изначально» [128, с. 349].

Вследствие чего, на наш взгляд, важным является аргументация обеих точек зрения по рассматриваемой модели.

Сторонники же подобного взаимодействия приводят свои резонные доводы. Так, в пользу своей позиции они акцентируют внимание на то, что современный уровень существующих социальных проблем требует максимальной консолидации всего общества. В частности, они отмечают принципы и предпосылки такого сотрудничества, которые сводятся к тому, что:

- государство без помощи и посредничества ассоциаций негосударственного сектора не способно предоставлять общественные блага и услуги;

- легитимность власти требует большего участия граждан в принятии политических решений, что требует передачи полномочий гражданским ассоциациям;

- чтобы государства благосостояние не переросло в патерналистское, стремящееся проникнуть во все сферы жизни, контролировать человека и диктовать свои условия, необходимы механизмы саморегулирования, создающие основу независимости и достоинства человека [203].

К тому же они оперируют тем, что подобный дисбаланс фактически приводит к тому, что институты гражданского общества ограничены в своей деятельности. Как результат они просто не имеют возможности для качественного развития. Соответственно, институтам гражданского общества отведена второстепенная исключительно вспомогательная роль.

В свою очередь, сторонники данного подхода свою позицию обосновывают тем, что институты гражданского общества являются неотъемлемой составной частью государства. Таким образом, теория доминирования государства над гражданским обществом основана на том, что без государства гражданское общество превратится в разрозненный набор элементов, его существование в качестве целостной системы станет невозможным [172, с. 15].

Первая модель – патерналистская, согласно которой гегемония и авторитет государства является основополагающим и не подвергается

никакому сомнению. Данный принцип формирует и диктует весь уровень сотрудничества государства с институтами гражданского общества. Как правило, взаимодействие между сторонами строится таким образом, что государство стремится всячески поддержать институты гражданского общества. Со стороны государства создаются благоприятные условия, которые позволяют институтам гражданского общества оставаться на плаву. В частности, умеренная арендная плата или же бесплатные офисы, стабильное обеспечение грантами, привлечение к социальным акциям или профилактических мероприятиях.

На первый взгляд, государство, сосредотачивая в своих руках основную массу ресурсов, необходимых для экономического и социального развития, может распределять их с наибольшей эффективностью, удовлетворяя по мере возможности наиболее насущные потребности членов общества. Однако в условиях тоталитарного правления патернализм оборачивается засильем и бесконтрольностью бюрократии, что создает предпосылки для возникновения коррупции, принятия неэффективных решений, вторжения государства в частную жизнь граждан. Еще худшим последствием патернализма является рост социальной пассивности граждан, упование на государство как на “высшую инстанцию” в решении всех социальных проблем. Еще одна характерная черта патерналистской модели – жесткое директивное регулирование производства, распределения и обмена социальными благами и услугами [243].

Подобная неравномерность имеет свои прямые негативные последствия для развития институциональной среды, поскольку жесткая привязка к государственным ресурсам фактически лишает локальные сообщества субъектности, блокируя их потенциал к самоорганизации.

В условиях жесткого доминирования государственного аппарата над общественным сектором реализуется альтернативная схема взаимодействия, известная в политической теории как «модель приводных ремней», в которой общественные организации являются способом воздействия партии на

граждан. Такая модель существовала в СССР. Самостоятельного гражданского общества не существует, а существует лишь общество, полностью зависимое от государства. Главная цель гражданского сектора такой модели – управление массами. Важной деталью является наличие плановой экономической системы, в которой не только не поощряется, но даже пресекается всякая гражданская инициатива. Вдобавок ко всему, поскольку все решения принимает власть, а общество не имеет права непослушания, то имеет место быть еще и общественная деградация. Однако одним из плюсов этой модели является обеспечение политической стабильности государства, но, в противовес этому имеет место быть отсутствие самостоятельного развития общества и полный контроль партий [239].

Первые два варианта модели предусматривают на практике реальное партнерское взаимодействие между государством с институтами гражданского общества с разницей лишь в позиции, социальной миссии и ответственности. Тогда как рассмотренные нами ниже следующие модели, известные в научно-аналитических кругах как конфронтация и игнорирование фактически подразумевают отсутствие партнерского взаимодействия как такового. При этом каждая из отмеченных социальных моделей имеет свои собственные нюансы, присущие только ей и соответственно каждая из них требует своего отдельного анализа.

Первая социальная модель из данной группы является игнорирование. Сама рациональность использования данной социальной модели по праву вызывает много вопросов в научной среде. Причиной тому служит то, что при использовании игнорирования очень сложно определить лейтмотивы, которыми руководствуются стороны. Как правило, инициатором игнорирования выступает государство, которое не видит в институтах гражданского общества стабильного и надежного партнера.

Согласно точке зрения российского ученого А. Сунгурова, «модель «игнорирование» – это, когда государство не замечает большинства НКО, не мешает, но и не помогает их деятельности. Такая модель может быть

реализована в условиях разнообразной негосударственной поддержке деятельности НКО с одной стороны и концентрацией власти на разнообразных политических и экономических проблемах, с другой» [273].

Игнорирование имеет, на наш взгляд, два прямых негативных последствия. Первый наглядный отрицательный результат использования модели игнорирования заключается в том, что она негативно влияет на процесс социализации институтов гражданского общества в жизнь государства. Так, им становится очень тяжело имплементировать свой потенциал на практике в решении существующих проблем в государстве. Также его прямым следствием является то, что в реальности они не могут обрести свою постоянную и твердую социальную нишу. Вторым важным отрицательным эффектом является то, что между государством и институтами гражданского общества возникает барьер. В дальнейшей перспективе он будет пропорционально укрепляться в случае продолжительности самого использования модели игнорирования.

Другим видом социальной модели из данной группы является конфронтация. При этом отмечается два вида конфронтации, которые противоположны между собой. Так, в одном случае источником конфронтации выступает государство, в другом случае инициатором конфронтации являются институты гражданского общества.

По мнению исследователя С.И. Шкирчака, «модель, при которой источником конфронтации выступает государство, в научных кругах известно, как борьба с противником. Данная модель подразумевает, что государства видят, как правило, неоправданно, в лице независимых неправительственных организаций, в первую очередь правозащитного толка, не желающих «встраиваться» в патерналистскую модель (и опасющихся ее перерастания в «Модель приводных ремней»), опасность для собственной власти, и стараются усложнить их деятельность или даже их закрывать. При этом финансирование из международных фондов трактуется как превращение такой организации в «агента иностранного влияния». Её антиподом выступает социальная модель

гражданского неповиновения. В условиях нарушения властью гражданских прав человека и политических свобод ряд общественных организаций избирает тактику гражданского неповиновения – участия в несанкционированных митингах, пикетах, других действиях, вызывающих репрессивные действия власти, переходя тем самым в плоскость политической борьбы. Органами власти такое поведение часто трактуется как экстремистское, вместе с тем право на гражданское неповиновение в ряде работ рассматривается как одно из важных политических прав» [179, с. 176].

В этой связи, прежде всего, важно поднять вопрос о потенциальных последствиях отказа от сотрудничества для обеих сторон. Поскольку наличие социальных моделей, согласно которым взаимоотношения государства и институтов гражданского общества на практике носят конфронтационный характер или же игнорируются одной из сторон, требует получения правдивого ответа на данную реальность.

Очевидно то, что отсутствие сотрудничества будет иметь самые негативные последствия для каждой из сторон. Так, российский ученый В.Н. Руденкин, анализируя фактор отсутствия сотрудничества, на наш взгляд, достаточно убедительно отмечает, что: «недооценка значимости социально-партнерских отношений государства и гражданского общества оборачивается негативными последствиями для обеих сторон: ростом общественного недовольства и напряженности, широким распространением патерналистских настроений, низким уровнем доверия к новым политическим и общественным институтам, очевидной переоценкой роли государства и столь же очевидной недооценкой роли гражданского общества, недоиспользованием его огромного потенциала в разработке и реализации решений большого количества проблем» [161, с. 81].

Несмотря на то, что относительно отмеченных выше социальных моделей идет достаточно активная полемика, в последнее время все больше внимания уделяется модели сотрудничества на основе консенсуса. Уникальность данной социальной модели заложена в самой природе

консенсуса, которая предполагает решение существующих острых проблем на основе общего единодушия и согласия. Результат, достигнутый на основе консенсусного решения, особенно в такой тонкой области как экстремизм и терроризм, свидетельствует о том, что во главе угла ставятся общие интересы, а не одной из сторон. К тому же подлинный консенсус базируется, прежде всего, на реальном взаимодействии и партнерстве. Социальная модель консенсуса между государством и институтами гражданского общества может внести позитивный вклад в решение проблемы экстремизма и терроризма.

В настоящее время эффективной формой взаимодействия государства и гражданского общества становится модель «структурно-институционального консенсуса». Смысл ее состоит в том, что государство как инициативный политический субъект целенаправленно создает организационные условия взаимодействия институтов государства и гражданского общества. На практике такое взаимодействие государства и гражданского общества представляет собой сложный коммуникативный процесс, который проецируется в теоретической плоскости как многообразные институциональные связи, многогранно пронизывающие своим содержанием и смыслом всю структуру участников взаимодействия [150, с. 52].

В этой связи важно подчеркнуть, что в Плане действий Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021- 2025 гг., отдельным направлением её реализации рассматриваются пути и механизмы укрепления взаимодействия между государственными органами, неправительственными и международными организациями.

Первая мера в этом направлении заключается в повышении уровня взаимодействия государственных органов, неправительственных и международных организаций по планированию и реализации мер противодействия экстремизму и терроризму. Согласно рассматриваемой Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы, приоритетные направления взаимодействия государства и институтов гражданского общества включают: «организацию

совместных социологических исследований, проведение экспертных семинаров для госслужащих, а также изучение международного опыта профилактики радикализма. Как отмечается в Стратегии, ключевая задача заключается в инициировании и поддержке участия институтов гражданского общества в разработке, принятии и реализации правовых актов, государственных программ и мероприятий по предупреждению экстремизма и радикализации» [13].

В рамках указанной парадигмы подразумевается не просто системная поддержка профильных неправительственных структур со стороны властных институтов, но и «реализацию потенциала местных сообществ по предупреждению насильственного экстремизма и радикализации на ранних стадиях» [13], что требует системной информационной и методической поддержки со стороны государства.

Сегодня очевидно, что уровень вовлечения институтов гражданского общества в решение существующих социальных проблем в конечном итоге обусловлено позицией государства. Важно в данном вопросе отметить, что во всех государственных документах Республики Таджикистан, включая Национальную стратегию противодействия экстремизму и терроризму, отмечена роль и потенциал институтов гражданского общества в решении данного вопроса.

В частности, для эффективной реализации программ реабилитации и реинтеграции возвращенцев необходимы совместные усилия, как государственных, так и неправительственных структур. Для этого необходимо создать правовые и политические основы, которые, как проясняют задачи и обязанности различных субъектов, так и позволяют им безопасно и свободно действовать в этих рамках.

Государственные органы, участвующие в противодействии терроризму, исторически относятся к сектору безопасности, включая уголовное правосудие и полицию. Противодействие экстремизму, а также реабилитация и реинтеграция возвращенцев требуют вклада других государственных

секторов, таких как здравоохранение и образование. Подход «всего общества» требует также участия неправительственных структур – гражданского общества (включая сообщества и семьи) и СМИ.

В настоящее время существует потребность в укреплении доверия между государственными и негосударственными структурами. Все заинтересованные стороны готовы установить регулярные каналы связи для эффективной работы по реабилитации и реинтеграции возвращенцев. Однако работа в этом направлении на данный момент не приобрела систематического характера. К конкретным инициативам относятся семинары и учебные курсы по укреплению доверия между правительственными и неправительственными субъектами или использование знаний и опыта молодёжных и женских организаций, имеющих опыт по таким направлениям, как «не навреди» [79, с. 103].

Однако следует понимать, что не всякую общность людей с общими целями и задачами можно отнести к институтам гражданского общества, а лишь ту, которая в своей деятельности опирается на правовые ценности. Как отмечает исследователь Д.Ш. Пирбудагова, гражданское общество обладает дуалистической природой, включающей «с одной стороны, объединения людей (в том числе общественные объединения, семью как социальный институт, средства массовой информации, а также местное самоуправление), а с другой – ценности, на которых основывается гражданское общество и которыми руководствуются ее элементы, прежде всего гуманизм, верховенство права, плюрализм, свобода, демократия, равноправие, светскость, собственность, свобода труда, экономическая свобода, конкуренция и др.» [156, с. 786].

Проведенный анализ существующих моделей социального взаимодействия между государством и институтами гражданского общества подтверждает актуальность и востребованность исследуемой тематики. В то же время интерес к практическому взаимодействию прослеживается с обеих сторон. Несмотря на то, что институты гражданского общества являются

относительно новым явлением в социально-политической жизни нашей страны, тем не менее, в обществе все больше наблюдается укрепление социального запроса на их активную деятельность. Происходит понимание роли институтов гражданского общества в решении острых социальных проблем, в том числе экстремизма и терроризма. В разработанной Таджикистаном Стратегии по противодействию экстремизму и терроризму именно институтам гражданского общества отведена достаточно большая роль. В самом обществе наблюдаются позитивные ментальные изменения. Все больше прослеживается осознание гражданами своей непосредственной роли в решении социальных проблем. На наш взгляд, большим подспорьем стало бы налаживание более эффективного механизма практического взаимодействия между государством и институтами гражданского общества. Слабое и неэффективное взаимодействие отрицательно сказывается, как на самом понимании роли и места институтов гражданского общества, так и на их качественный рост. В этой связи очень важно не допустить подобной ситуации. Более того необходимо на регулярной основе проводить мониторинг с последующим анализом проблематики. Стабильный мониторинг и объективный анализ является надежным гарантом разработки эффективных механизмов социального взаимодействия между государством и институтами гражданского общества. Только при строгом и неукоснительном соблюдении данных условий можно обеспечить взаимопонимание сторон. В конечном итоге это выведет диалог сторон на принципиально более высокий качественный уровень социального взаимодействия. Сегодня очевидно, что поиск оптимальной модели социального взаимодействия между государством и институтами гражданского общества, безусловно, является достаточно сложным процессом. Как всякий сложный и долгий процесс он требует от вовлеченных сторон приложения огромных усилий и ресурсов.

Выводы

1. Современные социальные проблемы сложны по своему характеру и масштабу, что фактически делает их трудно разрешимыми. Подобный уровень

имеет также дополнительное измерение, а именно негативное влияние на разнообразные сферы общественной жизни. В результате, эти проблемы непосредственно затрагивают различные социальные слои общества, подталкивая их к публичной активности.

2. Рассмотренные социальные модели требуют детального и объективного анализа. Практическая реализация каждой из этих социальных моделей включает в себя ряд важных аспектов – систему действий, практический уровень вовлечения сторон в решение социальных проблем, форму реализации социальных мероприятий и метод достижения целей.

3. Преодоление существующих острых социальных проблем подразумевает под собой вовлечение в её решение многих внутренних акторов. Только такое взаимодействие считается конструктивным, когда в нем участвуют как государство, так и гражданское общество. При таком подходе происходит процесс консолидации нации вокруг решения проблемы экстремизма и терроризма путем формирования обратной связи между государством и гражданским обществом.

4. Необходимо уделить пристальное внимание пропорциональному социальному консенсусу. Наличие эффективно действующего консенсуса является основным залогом достижения социальной стабильности и согласия всех ключевых участников процесса, включая индивида, общества и государства. Другим важным преимуществом, полное осознание всеми сторонами процесса своего социального вклада и миссии в решении проблемы экстремизма и терроризма.

5. Преднамеренный отказ от практического сотрудничества не принесет пользы ни одной из сторон. Вовлеченные стороны будут негативно воспринимать друг друга. При этом будут в дальнейшем стремиться подорвать социальный авторитет своего оппонента в глазах широкой общественности. Более того, как показывают анализы, в конечном итоге формат конфронтации или же игнорирование в одинаковой степени чревато большими отрицательными последствиями для всех сторон процесса.

ГЛАВА 5. ПОТЕНЦИАЛ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

5.1. Потенциал неправительственных организаций Республики Таджикистан в противодействии экстремизму и международному терроризму

Сформулированные нами ранее выводы позволяют констатировать, что институционализация гражданских инициатив имеет под собой четкую социальную логику: «Процесс возникновения, становления и дальнейшей эволюции неправительственных организаций как социального института достаточно сложный. Он обусловлен, прежде всего, осознанием роли и потенциала общественности в решении существующих социальных проблем в государстве. Сегодня очевидно, что эффективное решение острых социальных вопросов возможно только при активном вовлечении граждан. Их участие снижает градус общественной напряжённости и противоречий, а также позволяет достигнуть гармонии в обществе» [7-А, с. 29].

Безусловно, участие граждан в жизнедеятельности общества не может носить спонтанного и неорганизованного характера. Более того, оно подразумевает строгую системность. Именно неправительственные организации являются уникальным социальным механизмом консолидации потенциала гражданского общества в решении социальных проблем. В фундаментальном документе Организации Объединенных Наций «Повестке дня на XXI век» отмечается достаточно значительный потенциал неправительственных организаций [244].

Концептуальный статус НПО в системе глобального управления современности определяется их участием в процессах демократизации институциональных структур. Как подчеркивается в «Повестке дня на XXI век», НПО выступают необходимыми партнерами государства, обладая особой субъектностью, продиктованной их социально-ответственной ролью. В

документе акцентируется внимание на том, что «независимость является одним из основных и неотъемлемых свойств неправительственных организаций и непременным условием их реального участия» [244] в процессах принятия решений.

Данная парадигма требует от международного сообщества признания уникального статуса гражданских институтов. Переход к модели экологически безопасного и устойчивого развития невозможен без формирования консенсуса, основанного на «признании самостоятельной роли, обязательств и особого потенциала каждого участника социального диалога. Таким образом, институциональное взаимодействие государства и НПО рассматривается не просто как формальность, а как фундаментальный механизм обеспечения устойчивого развития через широкое общественное участие» [244].

Признание такого высокого экспертно-ресурсного потенциала неправительственного сектора объясняется, прежде всего, их социальным предназначением. В то же время документ ООН подтверждает, что сегодня неправительственные организации функционируют по всему миру. В практическом же плане они вовлечены в решение различных социальных проблем. При этом следует указать главную особенность их деятельности, основывающейся на принципе самоорганизации. Анализируя их социальную функцию, раскрывается формат и масштаб деятельности. В настоящее время неправительственные организации в своей практической деятельности занимаются отдельно взятой социальной проблематикой. Данная вовлеченность обычно сопровождается другим важным направлением, которое заключается в активном проведении мониторинга с последующей оценкой в своей сфере деятельности. Уже сегодня формат их деятельности свидетельствует об их объективной востребованности в жизнедеятельности общества.

Большой научный интерес для данного исследования представляет индекс гражданской активности, разработанный И.В. Мерсияновой. Автор

систематизирует целеполагание НПО на двух уровнях, выделяя следующие задачи:

«Непосредственные цели:

- повышение уровня знаний и информированности о состоянии гражданского общества;
- повышение возможности организаций гражданского общества через продвижение межсекторного диалога, коллективное обучение и развитие сетей.

Долгосрочные цели:

- укрепление и повышение устойчивости гражданского общества;
- повышение вклада гражданского общества в привнесение позитивных социальных изменений» [227].

Таким образом, методика И.В. Мерсияновой позволяет диагностировать уровень активности неправительственного сектора в процессе общественного развития согласно их целеполаганию.

Анализ генезиса институтов гражданского общества в странах постсоветской Центральной Азии, и, в частности, в Республике Таджикистан, позволяет выделить два фундаментальных детерминанта, определивших траекторию становления НПО в регионе.

Первым фактором выступает совокупность макросоциальных трансформаций, в рамках которых происходило формирование сектора. Как отмечается экспертами Фонда Евразия Центральной Азии – Таджикистан, переходный период от административно-командной системы к рыночной модели и демократической правовой государственности потребовал «коренного изменения роли и функций государства как института, осуществляющего широкий спектр действий, направленных на решение социальных и экономических проблем» [268, с. 7].

Второе обстоятельство заключается в институциональной новизне данных структур. В данном контексте неправительственные организации в их современном понимании рассматриваются как принципиально новый

феномен, возникший в ответ на необходимость замещения или дополнения государственных функций в социально-экономической и политической жизни страны.

Согласно аналитическим материалам Азиатского банка развития, посвященным гражданскому сектору Таджикистана, деятельность неправительственных организаций классифицируется по двум основным функциональным векторам. В частности, отмечается: «Первая категория включает организации, обеспечивающие непосредственную поддержку на низовом уровне. К их задачам относятся консультирование, обучение граждан, оказание гуманитарной помощи, а также мобилизация ресурсов общин для решения приоритетных социально-экономических задач в области образования, здравоохранения и сельского хозяйства. Вторая категория представлена организациями, осуществляющими взаимодействие с государственными структурами высокого уровня. Их деятельность сфокусирована на мониторинге осуществления политики и стратегии и внесении активного вклада в процесс развития новой стратегии» [191, с. 2].

Таким образом, как отмечают эксперты АБР, независимо от уровня взаимодействия (общинный или стратегический), роль НПО «заключается в предоставлении консультаций, адвокации и помощи в развитии потенциала» [191, с. 3]. Данная дихотомия позволяет рассматривать неправительственный сектор не только как исполнителя социальных услуг, но и как ключевого партнера государства в процессе формирования эффективной публичной политики.

Безусловно, отмеченные нами категории неправительственных организаций, в исполнении своей социальной миссии сосредоточены на решение вопросов социально-гуманитарного направления. Тем не менее, сегодня уже многими общепризнано, что их потенциал значительно больше, а сфера их практической деятельности гораздо шире. Их потенциал предполагает владение ими профессиональных навыков, знаний, компетенций, а также заинтересованности внести свой вклад в решение существующих

проблем. Последние тенденции подтверждают правоту взаимодействия государственных органов с неправительственными организациями в решении острых социальных проблем, в том числе экстремизма и международного терроризма.

Относительно оценки неправительственных организаций как одного из эффективных инструментов противодействия экстремизму и международному терроризму аналитическо-экспертное сообщество демонстрирует единство взглядов. Дополнительным фактором служит то, что их деятельность приводит к такому положительному эффекту как консолидация нации, а также повышается устойчивость местного сообщества перед лицом существующих угроз в обществе.

Предупреждение экстремизма требует участия заинтересованных сторон, не относящихся к сфере безопасности, в том числе специалистов-психологов и педагогов, а также правозащитников и религиозных лидеров, деятелей, занимающихся вопросами общинного развития, поставщиков социальных слуг, гражданского общества и организаций, занимающихся вопросами развития. Поэтому целенаправленные подходы к развитию могут сыграть важную роль в решении этих проблем и обеспечить принятие в затронутых странах профилактических мер, которые могут быть более эффективными с точки зрения затрат, чем последующие меры по преодолению последствий [245, с. XIII].

О степени влияния НПО на уровне отдельно взятого индивида эксперты согласны с точкой зрения российского исследователя О.В. Андропова, утверждающего, что «вступая в НКО, как подчеркивал К. Ясперс, каждый в той или иной степени определяет свою политическую, социальную, гражданскую и индивидуальную ответственность за правовой порядок в государстве и мире, или, по ёмкому выражению Ю. Хабермаса, «индивидуально осваивает гражданскую позицию». Как правило, неправительственные организации артикулируют наиболее острые социальные, политические, правовые, экономические проблемы, реально

существующие в социуме. Кроме того, они оказывают помощь государству в улучшении качества предоставляемых социальных услуг. НКО в состоянии взять на себя часть функций государства по обеспечению достойного уровня граждан» [103, с. 128].

Эта позиция нашла свое отражение и теоретическое развитие в публикациях автора, посвященных особенностям институционализации гражданского сектора в РТ: «В контексте Республики Таджикистан неправительственные организации являются относительно новым социальным феноменом. Естественно, необходимо время для их объективного восприятия, как со стороны общества, так и государства. Тем не менее уже сегодня можно утверждать, что активное участие граждан в рамках неправительственных организаций в жизнедеятельности государства воспринимается в целом позитивно. Более того, за короткий исторический период они смогли стать востребованным сегментом и опорой общества» [7-А, с. 31-32].

Возникновение нового социального сектора в жизнедеятельности государства, безусловно, требовало своего нормативно-правового регулирования. Базовые принципы функционирования гражданского сектора в Республике Таджикистан закреплены на законодательном уровне. В частности, статья 4 Закона РТ «Об общественных объединениях» устанавливает, что деятельность данных структур базируется на принципах «добровольности, равноправия, самоуправления и законности» [4]. Особое внимание законодатель уделяет демократическому характеру структуры и гласности деятельности объединений:

«Деятельность общественного объединения должна быть гласной, а информация об их учредительных и программных документах – общедоступной. Структура и деятельность общественного объединения должна соответствовать демократическим нормам. Деятельность общественного объединения не должна нарушать или ограничивать права и

свободы человека и гражданина, гарантируемых Конституцией Республики Таджикистан» [4].

Данные законодательные предписания создают правовой фундамент, обеспечивающий прозрачность институционального становления независимого общественного сектора в стране, а также выступающий надежным механизмом защиты основных свобод и прав личности, закрепленных в Конституции.

В рамках трансформации политической архитектуры Республики Таджикистан фиксируется четко выраженный государственный вектор, ориентированный на комплексную доктринальную оценку функционального потенциала гражданского сектора в процессах государственного управления. Наблюдается устойчивая тенденция к интенсификации межсекторного партнерства: государственные структуры и ведомства последовательно расширяют рамки взаимодействия с неправительственными организациями. Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон высоко ценит гражданское общество как важного фактора обеспечения устойчивого развития и эффективного инструмента преодоления актуальных социально-экономических вызовов в долгосрочной перспективе [16].

На самом высоком уровне многократно утверждается мысль о том, что в Таджикистане нет альтернативы демократическому пути развития страны и построению гражданского общества. Проведенные в декабре 2017 г. парламентские слушания о состоянии гражданского общества в Таджикистане является хорошим примером и подтверждением возможного сотрудничества государства с НПО по улучшению правовой среды и эффективного социального сотрудничества в рамках Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 г., в особенности. Все это в конечном итоге способствует дальнейшему развитию и укреплению демократических основ таджикского общества и имеет принципиальное

значение, особенно в сегодняшних условиях ограничения этих свобод на постсоветском пространстве [216].

Практический срез данной проблематики, исследованный нами в ходе непосредственного участия в имплементации Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Таджикистане, подтверждает результативность вовлечения негосударственных акторов: «В настоящее время неправительственные организации уже достойно вносят свой вклад в противодействие идеологии экстремизма и международного терроризма. В основном, как показывает практика, они задействованы в разъяснительно-профилактической работе. Данный вид деятельности включает в себя семинары, тренинги и различные летние школы, где активно происходит процесс информирования целевой группы о негативных последствиях распространения деструктивной идеологии в обществе. В их рамках, как правило, участвующие граждане получают исчерпывающую информацию о деятельности экстремистских и террористических организаций. Раскрывается опасность, исходящая от их религиозных и политических идей, приводятся наглядные факты, свидетельствующие о мотивах членов данных организаций» [7-А, с. 32].

Подобный взгляд на форматы превентивной активности институтов гражданского общества и оценку их эффективности уже аргументировался автором в печати, в частности: «Другой значимой деятельностью является распространение различного рода раздаточного материала, в частности, плакатов, баннеров, календарей, брошюр, листовок и т.д. Данные социальные акции обычно проводятся в крупных общественных учреждениях. В частности, в школах, техникумах, колледжах, институтах и иных местах массовой концентрации граждан и, главным образом, молодежи. Безусловно, отмеченные акции имеют большое социальное значение. Тем не менее, по нашему глубокому убеждению, потенциал неправительственных организаций гораздо выше» [1-А, с. 53].

Эксперты отмечают, что сотрудничество с гражданским обществом по реабилитации и реинтеграции возвращающихся и их семей является важным условием достижения успеха в сфере противодействия экстремизму и терроризму. ООН и другие международные организации признают важную роль организаций гражданского общества в противодействии экстремизму, реабилитации и реинтеграции бывших экстремистов и членов их семей. В глобальном масштабе организации гражданского общества участвуют в работе по возвращению и восстановлению лиц, отбывших наказание за преступления экстремистского и террористического характера, а также возвращенцев, не несущих уголовной ответственности [315, с. 15].

Субъекты гражданского общества иногда сталкиваются с проблемами во взаимодействии с другими заинтересованными сторонами по вопросам, связанным с противодействием экстремизму, реабилитации и реинтеграции возвращенцев. Институты гражданского общества также нуждаются в руководстве, информации и ресурсах, необходимых для внесения значимого вклада в сферу реабилитации и реинтеграции возвращенцев. В частности, местные субъекты, призванные заниматься религиозной и духовной поддержкой возвращающихся лиц, испытывают необходимость в повышении знаний в этой сфере. В связи с этим, программы реабилитации и реинтеграции возвращенцев должны включать также мероприятия по повышению потенциала негосударственных структур, особенно на местах [79, с. 113].

В целом, объективное понимание потенциала НПО в исследуемой области требует от нас объективного и беспристрастного анализа. Так, данный социальный сегмент сегодня сталкивается с серьезными проблемами в своей работе, которые оказывают негативное воздействие на его профессиональную деятельность. Наиболее значимыми проблемами являются следующие:

- ментально-психологическое восприятие деятельности НПО обществом, которое до сих пор не воспринимает их как созидательную структуру способной успешно решать существующие социальные проблемы;

- отсутствие налаженного и стабильного механизма сотрудничества между государственными ведомствами и неправительственными организациями;

- отсутствие у подавляющего большинства неправительственных организаций стратегического планирования своей практической деятельности на краткосрочный и среднесрочный период деятельности;

- отсутствие финансовой стабильности. Фандрайзинг – один из самых проблемных и болезненных вопросов любой общественной организации. Ни одна общественная организация не может с уверенностью смотреть в будущее из-за отсутствия постоянных средств к существованию;

- проблема подготовки и удержания кадров. В этом контексте среди прочих проблем общественных организаций следует выделить также постоянный отток кадров. Уровень подготовки кадров в таких организациях достаточно высокий. Большинство молодых людей становится в общественном движении хорошим специалистом, но предпочитает уходить из некоммерческого сектора в коммерческий и международные структуры (в том числе проекты), заниматься отдельной деятельностью (эксперты, специалисты, отдельные ОО), либо уходить в органы государственной власти. Это связано с нестабильностью доходов в неправительственном секторе и отсутствием возможности для карьерного роста [277, с. 8].

Без выявления существующих проблем сложно будет понять практический механизм деятельности и степень вовлечения неправительственных организаций в решение социальных проблем. Тем не менее, несмотря на проблемы, с которыми сталкиваются НПО в своей деятельности, они продолжают выполнять свою социальную миссию. Тем самым постепенно укрепляются их социальные позиции, становясь все более значимой общественной силой.

«Анализ деятельности неправительственного сектора Таджикистана за прошедшие годы позволяет классифицировать приоритетные направления и проекты, получившие наиболее значительную финансовую поддержку со

стороны международных доноров, таких как USAID, GIZ, Фонд Сороса и др., по нескольким ключевым векторам:

«Государственное управление и право: реформа национального законодательства, налоговой и банковской систем, внедрение элементов «электронного правительства», включая оцифровку архивов ЗАГС и создание консультативно-совещательных органов при Президенте, на примере Общественного совета.

Экономика и бизнес-среда: поддержка институциональных преобразований в бизнесе и развитие сектора микрофинансирования.

Информационная среда и СМИ: открытие и техническое оснащение независимых медиа-порталов, подготовка кадров для СМИ (Internews), поддержка национальных координирующих структур (НАНСМИТ, Совет по этике) и внедрение интернета в образовательные учреждения (проект ТАРЕНА).

IT-технологии и инфраструктура: оцифровка геологической и кадастровой информации, развитие IT-инфраструктуры (ГИПИ) и широкая компьютеризация государственных учреждений.

Человеческий капитал и социальная сфера: управление проектами в области здравоохранения и культуры, а также реализация программ по подготовке политической и бизнес-элиты.

Общественный контроль: создание правозащитных сетей и мониторинг прозрачности в добывающих отраслях (ИПДО) и сфере государственных финансов» [235].

Предшествующий анализ и эмпирический опыт автора наглядно демонстрируют качественную специфику текущего этапа развития гражданского сектора в Таджикистане: «Без всякого сомнения, для неправительственных организаций Таджикистана, вопрос противодействия экстремизму и международному терроризму является абсолютно новой тематикой в их практической деятельности. Это, конечно же, влечет за собой большие социальные риски. Тем не менее, использование потенциала НПО в

противодействии идеологии деструктивных группировок сегодня сильно востребовано. Более того, это может стать той силой, которая внесет свой решающий вклад в решение данной чувствительной проблематики. В этой связи, сам формат работы неправительственных организаций, особенно с местной молодежью, должен носить более углубленный и предметный характер» [7-А, с. 32-33].

Фактор молодежи в контексте эффективного противодействия идеологии экстремизма и терроризма приобретает принципиальное значение. Современное экспертно-аналитическое и научное сообщество выражает единодушную позицию относительно позитивного влияния привлечения молодежи в решение социальных проблем. Более того, оно видит в молодежи ту социальную созидательную силу, которая способна внести качественные изменения в жизнь местного сообщества в то время, как в реальности социальный ресурс молодежи остается на второстепенных местах, особенно в так называемых традиционных обществах.

В этой связи эксперты по праву утверждают, что молодежь является часто невостребованным, но мощным ресурсом для изменения сообщества. Для вовлечения молодежи в деятельность местного сообщества требуется больше времени, ресурсов и упорства, чем может показаться на первый взгляд. Исследование методов вовлечения молодежи в деятельность местных сообществ является перспективным направлением, как в зарубежной, так и в отечественной науке, при этом сами местные сообщества необходимо изучать на предмет наличия условий и потенциала для поддержания голоса молодежи в общественной жизни [155, с. 42].

Рассуждая о потенциальных направлениях работы неправительственных организаций отметим такой вид их деятельности, как дерадикализация, которой международное экспертное сообщество уделяет серьезное внимание. Как отмечается в специализированном отчете Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе: «Дерадикализация – это процесс, для которого необходимо время и правильное понимание мотивов и других факторов,

стоящих за каждым случаем насильственной радикализации. Инициативы в поддержку дерадикализации должны быть направлены на выявление молодых людей, у которых есть мотив для того, чтобы измениться добровольно, или тех, кто уже думает о том, чтобы порвать с насильственным экстремизмом и радикализацией ведущему к терроризму, но все еще сомневается. Необходимо создать безопасную среду для каждого молодого человека с учетом его личных потребностей и обстоятельств. Для того чтобы посеять сомнения в умах молодых людей и убедить их порвать с насильственно-экстремистскими движениями, необходимо указать им на противоречия, существующие в экстремистских идеологиях или поведении насильственно-экстремистских лидеров. Этому может способствовать налаживание связей с другими, особенно с молодыми людьми, не состоящими в экстремистских группах. Государство также должно проявлять готовность к тому, чтобы помочь молодым людям отказаться от насильственного экстремизма» [199, с. 6].

Вовлечение неправительственных организаций в процесс дерадикализации вызывает достаточно острую полемику в экспертно-аналитических кругах. Противники вовлечения данных структур аргументируют тем фактом, что неправительственные организации не имеют успешного практического опыта и, соответственно, могут только усугубить ситуацию. Сторонники данного подхода утверждают, что их привлечение изменит формат деятельности с местным сообществом.

Учитывая отмеченные мнения различных сторон, также выразим свою позицию по этому вопросу. Данный шаг, на наш взгляд, позволит достигнуть ряда важных целей, в особенности активизируется процесс осознания обществом масштаба проблемы, а также произойдет сплочение местного сообщества. В результате этот шаг укрепит устойчивость местного сообщества к идеологии экстремизма и терроризма.

Сформулированные нами ранее выводы позволяют констатировать необходимость расширения субъектного состава системы превентивных мер в нашей стране: «Несмотря на все существующие риски в данной области,

сегодня данный социальный сегмент может быть задействован в процессе дерадикализации, который сильно актуализировался для Республики Таджикистан после сирийских событий. В настоящее время большой проблемой становятся, как граждане, имеющие непосредственный практический опыт ведения боевых действий в государствах, охваченных войной, так и члены их семей. В отношении всех них необходимо провести профилактическую и психологическую работу» [7-А, с. 34].

Проблема данной категории граждан относится к числу наиболее острых и трудно решаемых. Вначале отметим, что сама проблема усугубляется тремя значимыми факторами. Первый фактор – это отсутствие практического опыта в данной сфере. Второй фактор – отсутствие подготовленных профессиональных специалистов в данной области. Третий фактор – риски, связанные с их возвращением на родину.

Возвратив их домой, государство потенциально может столкнуться с серьезной угрозой, исходящей от них. Не исключается и то, что кто-то среди них может применить свои приобретенные знания и навыки в преступных целях, например, совершить террористический акт против мирных граждан.

Другой же угрозой является возможность скрытой пропаганды и популяризации экстремистских и террористических идей в обществе, особенно среди молодежи. Не исключено и то, что этим они спровоцируют людей на совершение социально опасных деяний.

В то же время очень важно объективно понимать и оценивать позицию местного сообщества в отношении данной категории лиц. Сегодня неизвестно, насколько ментально-психологически готово местное сообщество принять и в последующем интегрировать их в духовно-нравственную и социально-экономическую жизнь своего сообщества.

Таким образом, процесс успешной реинтеграции в мирную жизнь страны требует разработки комплексной программы. В этой связи отдельного внимания заслуживает проблема, связанная с разработкой эффективных правовых и политических мер для террористов, воевавших в зоне военного

конфликта в Сирии и Ираке. При практической реализации процесса их социальной адаптации в местном сообществе по возвращению, на наш взгляд, необходимо учитывать различного рода факторы, как социального, так и личностного измерения. основополагающими принципами данной программы должны стать нижеследующее:

- выявление мотивирующих причин, непосредственно повлиявших на их решение уехать в зону боевых действий;
- разработка механизмов, способствующих объективной оценке индивидуальных характеристик, данной категории террористов, основанных на критическом мышлении;
- определение подлинных мотивов, оказавших влияние на возвращение террористов домой.

Другим важным компонентом процесса дерадикализации является гендерный аспект, который требует особого подхода по причине его чувствительности. Попадание женщин и детей в зону боевых действий в большинстве случаев вызвано иными факторами, нежели чем у мужчин. Как отмечают А.Г. Матвеева, и Б. Файзуллаев, молодые женщины слишком доверчивы и на них можно легко повлиять, в то время как их уязвимость, особенно в рамках семейной жизни, легко используется. Предлагаемые решения включают в себе укрепление государственной гендерной политики, содействие продвижению гендерного равенства в общественной и личной жизни женщин, повышение осведомленности и улучшение психосоциальной поддержки, а также участие женщин во всех аспектах формулировки политик, касающихся их жизни и деятельности [225, с. 12].

Эксперты также предлагают действенные меры дерадикализации, которые помогут исправить сложившуюся ситуацию. В частности, большой интерес представляет проведение социальных акций с участием представителей гражданского общества, в том числе:

- расширение роли семьи в продвижении социальной стабильности и взаимного уважения, предотвращение попадания молодых людей под воздействие экстремистских и террористических организаций и групп;

- совместно с организациями гражданского общества повышать уровень образования женщин в области культурной, религиозной и политической истории, чтобы помочь женщинам понимать неверность экстремистских теорий и различать реальные учения Ислама от его радикальных, искаженных интерпретаций;

- повышение осведомленности среди молодых женщин и несовершеннолетних о необходимости осторожного взаимоотношения с другими, выработки защитной реакции против попыток вербовки и ее различных способов применения;

- выявление групп риска, в том числе членов семей известных экстремистов, уязвимых и одиноких женщин, имеющих проблемы с родственниками и проведение с ними «профилактических бесед», с целью укрепления их устойчивости против вербовки и радикализации со стороны родственников или незнакомцев [225, с. 13].

Важно отметить, что уже сегодня многие государства мира стремятся разработать эффективные программы дерадикализации. В экспертно-аналитических кругах широко известен практический опыт Испании, Сингапура, Пакистана и стран Ближнего Востока. Тем не менее, наибольший практический интерес представляет подход, разработанный Европейским Союзом, включающим в себя три вида программ дерадикализации:

1. Всеобъемлющие программы: включают в себя изменение идеологии отдельных экстремистов, изменение их поведения и разрушение структуры террористической группы (такие программы сложны, дорогостоящи, но процент долгосрочного успеха наиболее высок).

2. Целевые программы: работают с отдельными людьми и призваны изменить их взгляды и поведение.

3. Прагматические программы: основная цель – изменить поведение террориста (эффективность просчитать достаточно сложно, если и существует, то только в краткосрочной перспективе, так изменение поведения зависит от получения определенных выгод) [154, с. 30].

Практическое вовлечение неправительственных организаций в процесс дерадикализации также обосновывается тем фактом, что они являются неотъемлемой частью местного сообщества. Соответственно, НПО вызывают у социума больше доверия на ментально-психологическом уровне. Следовательно, основной задачей данного процесса заключается именно в том, чтобы изменить внутреннее ментально-психологическое состояние сообщества. Другим дополнительным доводом, подтверждающим важность привлечения данного сектора, служит то, что процесс дерадикализации, по своей природе, является долгосрочным и многоступенчатым.

Эффективность же стратегии вовлечения неправительственных организаций в процесс дерадикализации зависит, прежде всего, от интеграции социальных институтов в партнерстве с государственными ведомствами, на протяжении всех нижеуказанных этапов:

Первый этап – это «включение» сознания – процесс долгий и трудоемкий, и должен в обязательном порядке сопровождаться профессиональными психологами, а в ряде случаев и психиатрами.

Второй этап – восстановление подлинных семейных связей с родственниками. Члены семьи могут сыграть важную роль в успешном осуществлении этих мер, особенно в реинтеграции лица после освобождения и предотвращении его возврата к радикальным взглядам.

Третья, составная часть реабилитации – коррекция религиозных взглядов, что возможно только с участием профессиональных апологетов. И завершить процесс возвращения к жизни вне экстремистской группы ре-социализация в общество. На этом этапе необходима трудотерапия, обучение профессиональным навыкам. Таким образом, работа с этой категорией должна

включать не только теологические споры, но в большей части социальную и психологическую составляющую [250, с. 15].

Анализируя данный процесс, важно сделать акцент на изменении социального поведения индивида, которое запускает практический механизм возвращения в традиционное религиозное и социальное русло, каким был человек до своей радикализации. Как показывает практика в Республике Таджикистан, человек, выбравший путь радикализации, осознанно сжигает за собой все существующие социальные коммуникации и семейные мосты. Как правило, данную категорию граждан очень тяжело вернуть назад. Причиной тому служит то, что новое мировоззрение и мировосприятие этих людей формирует их новую идентичность, которая находится в конфликте с существующей социальной реальностью. Более того, они никогда уже не свернут с выбранного пути и будут всегда продолжать свою экстремистскую и террористическую деятельность.

В этой связи эффективным методом противодействия, на наш взгляд, может стать именно активное привлечение неправительственных организаций как неотъемлемую часть местного сообщества. Их практические шаги будут способствовать снятию существующих барьеров социального и психологического характера, что приведет к преодолению отчужденности.

В этом контексте большой научный интерес представляет взгляд российских исследователей О.В. Карпачёвой и Н.А. Нефляшевой, отмечающих, что одной из важных задач при определении общих подходов к теме дерадикализации является решение проблемы дефиниций. При определении проблем радикализации в западной литературе используются два термина – *disengagement* (разрыв) и *deradicalization* (дерадикализация), которые обеспечивают реабилитацию. Данные дефиниции заимствованы из юридической науки. Хотя цель реабилитации и преступников, и террористов заключается в том, чтобы реинтегрировать их в общество как законопослушных граждан, дерадикализация имеет идеологическое измерение. Программы дерадикализации направлены не только на то, чтобы

человек отказался от практики применения насилия, но и на то, чтобы он признал, что политические изменения могут быть достигнуты путем легальной политической конкуренции, в рамках правового поля, без применения насилия и терроризма. Не менее важная цель успешных реабилитационных программ заключается в общественной мобилизации и влиянии общества на предотвращение радикализации [217, с. 21].

Относительно процесса дерадикализации важно отметить, прежде всего, реальность традиционного общества Республики Таджикистан, которая определенно имеет свои специфические особенности, сильно влияющих на поведение самих граждан. Главными фундаментальными атрибутами традиционного общества являются следующие признаки – жесткая регламентация общественной жизни, а также контроль социального поведения индивида и личный самоконтроль. Как показывает практика, представителям местного сообщества очень тяжело понять подлинные мотивы, побудившие человека не только разорвать все отношения, но и противопоставить себя традиционному обществу.

Соответственно, эффективность программы дерадикализации подразумевает под собой вовлечение обеих сторон, обеспечивающее обратную связь. Феномен обратной связи во многом направлен на ментально-психологические установки. В конечном итоге, она предопределяет, как социальное поведение человека, так и его восприятие действительности. Специалисты, изучающие фактор обратной связи, утверждают, что её эффективность зависит, прежде всего, от подачи. В этом контексте известный учёный А.Б. Белов выделяет четыре уровня подачи информации:

- «на уровне задачи/результата говорит о правильности или неправильности выполнения задания;
- на уровне процесса предполагает рекомендацию реципиенту конкретных действий по достижению цели;

- на уровне саморегуляции содержит информацию о навыках самооценивания, самоорганизации и связана с уверенностью в достижении цели;

- на уровне личности предполагает оценивание коммуникатором личности реципиента» [106, с. 83].

Акцент на значимости обратной связи обусловлен тем, что экстремизм и международный терроризм являются крайне конфликтогенными социальными проблемами. Главным фактором, определяющим качество обратной связи в противодействии экстремизму и международному терроризму в Республике Таджикистан, бесспорно, является практическая реализация неправительственными организациями множества социальных функций. Среди них следует объективно рассмотреть часть из них, которая, на наш взгляд, является наиболее перспективной.

1. Персональная целенаправленная работа с лидерами местного сообщества. Данный формат работы имеет большой социальный потенциал. Именно лидеры местного сообщества, как показывает практика, имеют серьезное и решающее влияние на принятие решений в жизнедеятельности местного сообщества. Практический интерес к лидерам местного сообщества обусловлен тем, что они более всего осведомлены о существующих потребностях их сообщества. Анализируя столь особенный социальный сегмент, как лидеры местного сообщества, следует отметить, прежде всего, важность образовательного компонента.

2. Образование является важным фактором развития критического мышления. Как отмечается в опубликованном отчете Всемирного Банка по Республике Таджикистан, развитие у молодых людей навыков критического мышления может помочь им преодолеть или отвергнуть примитивную пропаганду экстремистской идеологии, с помощью, которой настраивают одну группу граждан против другой и распространяют нетерпимость и дискриминацию по гендерному признаку [245, с. 58].

3. Лидерство в местном сообществе чаще всего не связано с профессиональной деятельностью, поэтому при разработке концепции и стратегии подготовки лидера местного сообщества имеет смысл использовать, как формальное, так и неформальное образование, поскольку их сочетание расширяет возможности участия человека в общественной жизни. Обществу нужны лидеры, владеющие профессиональными коммуникативными навыками, способные к эмпатии, диалогу, продвижению инновационных идей и социально значимых проектов. Поэтому задача высшей школы – создать методическую перспективу формирования инновационной личности, способной оказать влияние на ход социального развития и продвинуть передовые социально значимые идеи. Имеющиеся на данный момент образовательные программы подготовки и повышения квалификации лидеров местных сообществ, чаще всего, разрозненны, а их содержание касается только отдельных видов деятельности. Они не обеспечивают должного уровня компетенций и комплексного понимания лидером местного сообщества многоаспектного характера данной деятельности [155, с. 42].

Тем самым, социальный институт лидерства является весьма перспективным и обладает большим социальным потенциалом. В противодействии экстремизму и международному терроризму лидерство важно по причине того, что оно способствует достижению важной цели. Так, в своей работе лидеры достигают доверия на двух уровнях, - на частном индивидуальном уровне и на общем социальном уровне всего местного сообщества.

4. Другим важным направлением деятельности неправительственных организаций является социальное наставничество. Сегодня данный институт широко используется в различных социальных сферах. Его сущность позволяет достигнуть намеченных целей. Социальное наставничество интересно тем, что оно представляет собой непрерывный и системный образовательный процесс. Он подразумевает под собой передачу знаний, навыков и компетенций. Прикладное значение религиозного наставничества в

рамках деятельности по профилактике экстремистских и террористических угроз обусловлено его возможностями в деле формирования духовно-нравственного иммунитета личности.

Подчеркивая высокую востребованность инструментов наставничества в профилактике идеологии экстремизма и террористических угроз, российский исследователь Л.М. Раванди-Фадаи подчеркивает, что значительную роль здесь способен играть институт религиозного наставничества, традиционно опирающийся на принцип «призыв к благу и запрет предосудительного». Согласно позиции автора, привлечение религиозных лидеров к исполнению общественного долга по профилактике экстремизма «демонстрирует положительные результаты, в связи с чем данная практика получила широкое применение во многих странах мира» [159, с. 1536]. Резюмируя, можно сделать вывод: сотрудничество духовных лидеров в поиске способов решения проблемы религиозного экстремизма доказало свою эффективность и будет развиваться далее, способствуя «привитию истинных ценностей молодому поколению» [159, с. 1536].

Социальное наставничество ценно тем, что помогает преодолевать, особенно у молодежи, неадекватное восприятие, как канонов и догм традиционной религии, так и общепринятых моральных ценностей общества. К тому же эффективное наставничество, безусловно – это наилучший путь к поиску собственной идентичности. Особенно это важно в отношении тех граждан, которых необходимо вернуть на путь избавления от экстремистского и террористического прошлого.

Социальное наставничество как действующий универсальный эффективный механизм возможно при строгом осознании своей социальной ответственности. В то же время, как и для всякого сложного процесса, российские ученые выделяют ряд принципов наставничества:

- «личный подход к человеку, реализуемый в формуле: любить, понимать, принимать, сострадать, помогать;

- системность – необходимость всестороннего анализа проблемы трудной жизненной ситуации человека и применение системы мероприятий, адекватных выявленной проблематике;

- вера в человека, опора на положительное в нем, формирование деятельностного подхода «помоги себе сам»;

- объективность подхода к человеку – знание многообразных аспектов жизнедеятельности человека, выработка непредвзятых рекомендаций, учет возрастных особенностей личности (индивидуальных черт, склонностей, нравственных позиций и др.);

- коммуникативность – способность к быстрому и оперативному общению, налаживанию связей и координации со всеми субъектами социально-психолого-педагогического сопровождения;

- неразглашение конфиденциальной информации о человеке;

- превращение наставничества в элемент личного совершенствования, приобретения новых знаний и навыков, выявления способностей, стимулируя для этого инициативу и творчество людей, давая возможность каждому быть созидателем» [240, с. 10].

Проведенный анализ подтверждает, что неправительственные организации обладают достаточно серьезным потенциалом в минимизации рисков распространения радикальных течений и трансграничного терроризма. Обозначенный общественный сегмент, бесспорно, обладает значительным превентивным потенциалом, способным существенно повысить результативность государственной стратегии борьбы с указанными деструктивными вызовами. В данном случае важно отметить, что само население все больше стало осознавать всю социальную значимость неправительственных организаций. Именно они должны стать ключевым источником предоставления своевременных различных услуг населению. В этой связи интересным представляется опубликованная аналитическая справка независимой международной организации «Saferworld» с точкой

зрения экспертов о дальнейших перспективах неправительственных организаций.

В этом документе обозначается, что правительству следует прилагать больше усилий для вовлечения гражданского общества в процессы принятия решений. Особенно нужно привлекать тех, кто занимается вопросами безопасности и правопорядка. У властей должно быть желание обсуждать с гражданами деликатные вопросы и реагировать на обращения. Для решения вопросов, представляющих взаимный интерес, необходимо расширять сотрудничество. Опыт деятельности подтверждает, что гражданское общество является одним из наиболее эффективных секторов в преодолении разрыва между правительством и населением [238, с. 6].

Достаточно высокая оценка потенциала неправительственных организаций в контексте предоставления консультативных, воспитательно-просветительских и общественных функций была дана участниками неформального рабочего совещания ОБСЕ. Его участники пришли к единому мнению, что институты гражданского общества и НПО служат «генератором» мнений и идей, что жизненно важно для построения сильных и преуспевающих сообществ. Предоставляя безопасное пространство для выражения несогласия, и создавая форум для обмена опытом и мнениями на личном уровне, структуры гражданского общества и НПО могут внести ценный вклад в сглаживание конфликтов и снятие напряженности в сообществах. Отмечалось также, что гражданское общество и НПО могли бы заниматься социально-ориентированной деятельностью и предпринимать активные шаги по искоренению первопричин терроризма на местах. В частности, участники высказывались в пользу деятельности, направленной на развитие и защиту прав человека и принципа верховенства закона. Утверждалось, что такая деятельность способствует строительству сильных демократических обществ, где граждане свободно участвуют в политическом процессе и осуществляют свои права [258, с. 6].

Несмотря на всю существующую критику в адрес институтов гражданского общества, следует отметить, что практическое участие неправительственных организаций в решении проблемы экстремизма и международного терроризма в настоящее время выглядит обоснованным и целесообразным.

Выводы

1. Использование потенциала неправительственных организаций в Республике Таджикистан заметно усилит возможности всего общества в решении проблем экстремизма и международного терроризма. К тому же на практике будет реализоваться подход «снизу-вверх», что позволит государству задействовать неправительственные организации в дополнение к уже действующему классическому подходу «сверху-вниз», где приоритет традиционно отдается государственным ведомствам, которые не должны быть единственными акторами профилактики экстремизма и международного терроризма.

2. Формат деятельности неправительственных организаций, на наш взгляд, позволит эффективно участвовать в процессе дерадикализации боевиков, а также членов их семей, находившихся в зоне боевых действий. Именно неправительственные организации могут стать связывающим звеном между государством, обществом и теми гражданами, в отношении которых будет непосредственно проходить процесс дерадикализации.

3. Другим важным эффектом от участия неправительственных организаций в процессе дерадикализации, безусловно, станет формирование обратной связи между всеми вовлеченными сторонами. Механизм обратной связи позволит обеспечить качественную трансформацию лиц, вступивших на путь дерадикализации, как на личном индивидуальном уровне, так и на поведенческом социальном уровне. В то же время как результат, общество станет воспринимать данную категорию граждан более спокойно, без какого-либо страха и опасения.

4. Практическая эффективность деятельности неправительственных организаций, безусловно, зависит от существующих ресурсов. К их числу относятся различные компоненты. В частности, социальная активность и инициативность, профессионализм, высокий уровень знаний теоретической базы, культура делопроизводства, этика общения, как с местным сообществом, так и с государственными структурами, а также материально - техническая база организации.

5. Социальные институты как местные лидеры и социальное наставничество обладают огромным потенциалом в решении проблемы экстремизма и международного терроризма в местном сообществе. Их активное и целенаправленное практическое участие, безусловно, позволит добиться значительных результатов. Также это содействует качественному изменению религиозных и светских ценностей человека, находящегося в процессе дерадикализации. В конечном итоге всё это будет способствовать успешной социальной интеграции человека.

5.2. Фактор культуры в деятельности институтов гражданского общества в противодействии экстремизму и международному терроризму

В рамках разрабатываемого нами концептуального подхода ранее утверждалось, что аксиологический потенциал гуманитарной сферы имеет фундаментальное значение для стабильности социума: «Культура как исторически сформировавшийся социальный феномен, относится к числу наиболее универсальных инструментов формирования ценностного ориентира общества. Более того, культура традиционно занимает особое, сакральное место как в жизни общества, так и отдельно взятого индивида. Соответственно, интерес к культуре обусловлен, прежде всего, ролью и местом данного явления в жизни общества» [8-А, с. 134].

В научной среде в последнее время все больше крепнет мнение, утверждающее, что именно культура выступает главным мотивирующим фактором социального поведения индивида. Культура сегодня воспринимается

в современном обществе как система, позволяющая упорядочить жизнь и определить все жизненные приоритеты человека.

Начиная с 1981 г., в рамках Всемирного обзора ценностей под руководством Р. Инглхарта, в мире было проведено шесть глобальных исследований одновременно в десятках странах мира. Данное исследование выявило значение ценностей на повседневную социально-культурную жизнь людей по всему миру. С помощью стандартизированных опросных листов были измерены изменения в ценностях, касающихся религии, отношений полов, трудовой мотивации, демократии, системы управления в стране, социального капитала, участия в политической жизни, толерантности, защиты окружающей среды и субъективного ощущения благополучия. Опираясь на результаты проекта, в своих исследованиях Инглхарт показывает, что по мере экономического развития и обеспечения всех членов общества базовым набором материальных благ (гарантия выживаемости) традиционные ценности (придающие особое значение религии, уважению авторитета, национальной принадлежности, а также порождающие низкий уровень толерантности к абортам и разводам) постепенно вытесняются секулярно-рациональными (имеющими противоположные характеристики). Но более важно то, что ценности выживания (физическая и экономическая безопасность, нетерпимость к инакомыслию, готовность принять авторитаризм, покорность) сменяются постматериалистическими ценностями самовыражения. Как отмечает Инглхарт, «ценности самовыражения придают первостепенное значение охране окружающей среды, терпимости к разнообразию и растущим требованиям к участию в принятии решений в экономической и политической жизни»; «переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения также включает изменение ценностей воспитания детей от акцента на тяжелой работе к акценту на воображении и терпимости как важнейших критериях успеха» [115, с. 88].

При анализе феномена культуры важно отметить, что культурные ценности по своей природе неоднородны. В определенной мере подлинно

определить их социальную значимость весьма сложно. Наглядным примером служит то, что в обществе постоянно наблюдаются различные диаметрально противоположные точки зрения относительно существующих культурных ценностях. Именно фактор неоднородности придает культурным ценностям особую актуальность, способствуя пониманию того, что культурные ценности имеют огромное влияние на современные социально-политические процессы.

Высокая оценка потенциала культуры в профилактике экстремизма неоднократно подчеркивается во всех документах ЮНЕСКО, включая доклад об эффективном предотвращении насильственного экстремизма [290, с. 8]. Культура является действенной и объединяющей силой. Она может быть использована в интересах предотвращения экстремизма и содействия укреплению мира и примирению. Культура подпитывает в человеке чувство принадлежности к своему народу, способствует укреплению взаимопонимания, дает место критическому мышлению.

Мобилизация усилий молодых мужчин и женщин как основных участников процессов сохранения и передачи культурного наследия, а также внедрения современных форм культурного самовыражения имеет важнейшее значение для построения свободных от социальных барьеров, устойчивых и миролюбивых обществ. Наряду с этим, активное участие в культурной жизни дает молодежи возможность расширить свой кругозор посредством изучения общей истории и жизненного опыта, развития умений, позволяющих урегулировать конфликты мирными средствами [290, с. 8].

Сформулированные нами ранее выводы позволяют констатировать, что культурный маркер используется радикальными структурами как инструмент ценностной деструкции: «В этой связи отметим, что сами апологеты экстремистских и международных террористических организаций во время распространения и насаждения в массах деструктивной идеологии пристальное внимание уделяют культурному фактору. Так, насаждаемое ими мировоззрение вступает в острое противоречие с национальными многовековыми культурными ценностями. Тем самым, экстремистские и

террористические организации публично и открыто демонстрируют социуму неприятие местной культуры. Более того, они отказываются от соблюдения устоявшихся в обществе культурных ценностей, норм и правил» [8-А, с. 135].

Культура является важной мотивирующей причиной начала конфликтного процесса и сохраняет ключевую роль вплоть до стадии разрешения споров, возникающих в ходе активного противоборства сторон по социальным, политическим и экономическим вопросам. В этом плане формы культурного генезиса напоминают подводные реки, незримо питающие наши жизни и наполняющие смыслом взаимоотношения с другими людьми. При этом культура непрерывно сигнализирует нам об изменениях во внешнем мире и непреложных традициях, передавая каждому человеку своего рода послания, которые определяют восприятие, суждения, мировоззрение отдельных индивидов и общества в целом [120, с. 119].

Столь негативное отношение деструктивных сил к культуре обусловлено тем, что она является мощным заслоном на пути проникновения их идеологии в общество. В подтверждении тому отметим, что экстремизм и терроризм по своей природе выступают прямым антиподом культуры. В своей преступной деятельности экстремисты и террористы стремятся полностью стереть культурное наследие человечества. Ярким примером служит уничтожение деструктивными группировками материальных культурных памятников всемирного исторического значения в Афганистане и Сирии. Осознанно и целенаправленно уничтожая общую коллективную историческую память человечества, они нанесли невосполнимый ущерб бесценному всемирному культурному наследию.

У историков, социологов и публицистов существует понятие коллективной, национальной или исторической памяти. Эксперты видят в ней важнейшую опору национального самосознания и национальной идентичности. Именно поэтому уничтожение исторического наследия отдельных народов становится оружием экстремистов разнообразного толка. Стирая с лица земли памятники культуры, они посягают на достоинство

народов, их ценности и идеалы, определяющие силу нации, её способность выдерживать исторические испытания и развиваться [278].

В мире после “холодной войны” флаги имеют значение, как и другие символы культурной идентификации, включая кресты, полумесяцы и даже головные уборы, потому что имеет значение культура, а для большинства людей культурная идентификация – самая важная вещь. Люди открывают новые, но зачастую старые символы идентификации, и выходят на улицы под новыми, но часто старыми флагами, что приводит к войнам с новыми, но зачастую старыми врагами [91, с. 14].

Как показывает практика, разрушение духовно-нравственных основ и навязывание ценностей другой культуры ведут к дестабилизации общественных процессов, потере национальной самобытности, ценностных ориентиров и нравственных приоритетов, что отражается, в первую очередь, на воспитании подрастающего поколения. Как правило, успешность воспитательного процесса, социализация личности во многом зависят от совокупности правил передачи социальных норм, сохранения культурных и нравственных ценностей от поколения к поколению. Основным содержанием и механизмом сохранения культурных ценностей является процесс социализации, который включает воспроизводство каждым поколением ценностей, норм, идеалов и передачу их следующему поколению [177, с. 319].

Следовательно, очень трудно объективно оценить всю полноту масштаба негативных последствий обществу от упадка культуры. Сложность данной проблемы состоит в том, что отсутствуют общепризнанные индикаторы её оценки. Один из главных вопросов состоит в том, является ли активное насаждение идеи разрушения традиционных семейных устоев проявлением культурного кризиса? Ответ на данный вопрос у каждого свой. Как правило, ответ зависит от личной культуры индивида. Тем не менее, главным наглядным показателем служит ослабление, а местами порой и разрушение базовых человеческих ценностей. В это время, как показывает жизненная практика постсоветских государств, происходит активное проникновение различного

рода новых ценностей, идеологий и мировоззрений в общественную жизнь. В этом плане интерес к культурно-духовной сфере человеческой жизни выглядит достаточно обоснованным, объективным и естественным.

Объективное понимание культурных истоков идеологии экстремизма и международного терроризма сегодня является чрезвычайно важной задачей. Проблема экстремизма лежит в плоскости проблем развития культуры. Об этом говорит то, что именно в период культурного и эмоционального упадка особенно заметно возрастание экстремистских тенденций. Экстремизм, будучи результатом ущербного, во многом незрелого развития, проявляется в склонности к активным действиям. Маскируясь под толерантность и терпимость, скрытый экстремизм постепенно приумножает свою импульсивность, агрессивность и наступательность [84, с. 372].

Актуализация гуманитарного измерения в структуре национальной и международной безопасности обусловлена двумя фундаментальными факторами. Во-первых, в современной научной и политической повестке происходит переосмысление содержания категории «национальное богатство», где человеческий капитал признается ключевым ресурсом развития государства. Данная трансформация неизбежно смещает вектор целеполагания систем безопасности: на смену классической государственно-центричной модели, где приоритетным объектом защиты выступали институциональные интересы государства, приходит антропоцентричная модель, в которой первостепенной задачей становится обеспечение защищенности жизненно важных интересов и ценностей личности.

При этом необходимо напомнить, что уже в самом начале Устава ООН говорится, что эта организация создана для того, чтобы «вновь утвердить веру в основные права человека», а также «содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе». Однако история показала, что на практике эти задачи были постепенно отодвинуты на второй план и заслонены проблемами геополитического характера.

Второй фактор, детерминирующий пристальное внимание к гуманитарному измерению безопасности, заключается в осознании антропогенной природы современных угроз. Становится очевидным, что подавляющее большинство вызовов международной и национальной стабильности является следствием социально-политической и экономической активности самого человека. Таким образом, совокупность кризисных явлений, с которыми сталкивается современное мировое сообщество, представляет собой результат исторически накопленного воздействия человеческой деятельности, что объективно требует переноса фокуса превентивных мер безопасности непосредственно на социокультурные и поведенческие факторы развития общества [267].

Тем самым происходит осознание влияния культуры как уникального ресурса, обладающего решающим вкладом в решение проблем безопасности. Изменение отношения к культуре и восприятие её как эффективного социального инструмента свидетельствует о её огромном потенциале. Так, культура самым непосредственным образом способствует безопасности и устойчивости городов, экономическому росту и обеспечению каждого человека достойной работой. Она вносит вклад в сокращение неравенства, защиту окружающей среды, поощрение гендерного равенства, построение миролюбивых и открытых обществ. Осуществление повестки дня в области устойчивого развития позволяет увидеть также и косвенные преимущества культуры [285].

Другим важным моментом, актуализирующим фактор культуры, является то, что при анализе экстремизма и международного терроризма, данный социальный феномен остается малоисследованным. Причиной тому служит то, что экспертно-аналитические круги и научное сообщество при анализе проблемы экстремизма и международного терроризма больше оперируют иными факторами. В частности, социальными факторами или же идеологическими мотивами, в чьей тени остаётся культура.

Исторический опыт показывает, что ценностные и религиозные конфликты отличаются крайней бескомпромиссностью. В случае применения силы их целью становится не подчинение противника, а полное уничтожение носителей чуждой идеологии. Это делает мирное урегулирование таких споров почти невозможным, так как стороны защищают свои базовые убеждения. В политической практике компромисс достижим при столкновении прагматических интересов, но практически нереален, если сталкиваются несовместимые мировоззренческие и идеологические установки [108, с. 131].

Таким образом, анализ культурного фактора позволяет раскрыть те причины роста экстремизма и международного терроризма, которые не были выявлены при анализе социальных и идеологических факторов. Более того, сам фактор культуры из года в год будет только возрастать. Без его изучения анализ экстремизма и международного терроризма, на наш взгляд, нельзя считать полноценным и комплексным.

В этой связи мы всецело и полностью разделяем ту научную точку зрения, согласно которой, современный экстремизм оказывается результатом противоречия между разными уровнями культуры. Он предстаёт следствием неспособности человека различать свободу и необходимость. Питательной средой экстремизма, в конечном счете, оказываются условия общественного развития, при которых внешнее освобождение личности обгоняет внутреннее [84, с. 370].

Соответственно, понимание фактора культуры перед нами ставит естественный вопрос о влиянии, роли и месте культуры в противодействии экстремизму и международному терроризму. Очевидно, что получить объективный ответ на данный вопрос достаточно сложно. Тем не менее, согласно всем последним экспертно-аналитическим и научным оценкам, внимание к культуре, как важному инструменту противодействия деструктивной идеологии все больше возрастает. В данном контексте, на наш взгляд, очень актуальным представляются факторы, отмеченные

американским ученым С. Хантингтоном в знаменитом труде «Столкновение цивилизаций». В поставленном им вопросе, почему же культурная общность облегчает сотрудничество и единство среди людей, а культурные различия ведут к расколу и конфликтам, автор отмечает пять наиболее значимых факторов:

«Во-первых, у каждого индивида есть несколько идентичностей, которые могут конкурировать друг с другом или дополнять друг друга: родственные, профессиональные, культурные, институциональные, территориальные, образовательные, религиозные, идеологические и другие. Идентификации на одном уровне могут сталкиваться с теми, что находятся на другом уровне;

Во-вторых, увеличение значимости является в большой мере, как это было результатом социально-экономической модернизации на индивидуальном уровне, где из-за нарушения привычных устоев и отчуждения создается необходимость поиска более значимых идентичностей;

В-третьих, идентичность на любом уровне – личности, племени, расы, цивилизации – можно определить только через отношение к “другим”: другому человеку, племени, расе, цивилизации;

В-четвертых, чаще всего конфликты между странами и группами, принадлежащими к различным цивилизациям, разгораются из-за несущественных причин: контроль над населением, территорией, богатствами и ресурсами, а также относительного могущества, то есть возможность насадить собственные ценности, культуру и институты в другой группе по сравнению с возможностью другой группы сделать то же самое с вами. Но конфликты между культурными группами часто затрагивают вопросы культуры;

В-пятых – это повсеместность конфликта. Человеку свойственно ненавидеть. Для самоопределения и мотивации людям нужны враги: конкуренты в бизнесе, соперники в достижениях, оппоненты в политике.

Естественно, люди не доверяют тем, кто отличается от них и имеет возможность причинить им вред, и видят в них угрозу» [91, с. 190-194].

Тем самым культура развивает доверительный диалог, насаждает и укрепляет толерантность. В конечном итоге она способствует тому, что формируются ценности, как у отдельного человека, так и общества в целом. В дополнение к отмеченному также следует подчеркнуть, что культура имеет практическое измерение. Именно данная сфера выступает одним из основных секторов, обеспечивающих молодежь работой.

Как идея, культура обретает значимость в четырех точках исторического кризиса: когда она становится единственной видимой альтернативой деградировавшему обществу; когда кажется, что без глубоких социальных изменений культура как искусство и утонченная жизнь становится невозможной; когда она вырабатывает термины, позволяющие группе людей или целому народу бороться за политическое освобождение; наконец, когда империалистическая власть вынуждена соглашаться с образом жизни тех, кого она стремится подчинить себе. То есть культура, выходит на передний план в ситуациях общественных кризисов, разрывов, конфликтов [173, с. 71].

Главным постулатом, актуализирующим роль культуры, является то, что природа традиционной культуры является ничем иным, как устоявшейся веками и почитаемой народом духовно-моральной и материальной ценностью. Соответственно, культура выступает главным консолидирующим фактором общества. В этом контексте осознание актуальности фактора культуры как универсального и стратегического ресурса диктует необходимость его правового регулирования.

В этой связи отметим, что в действующей Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 г. особо отмечен культурный фактор. Согласно данному государственному документу, повышение культуры населения, развитие сети учреждений культуры и национальной системы искусства станут ключевыми задачами социального прогресса [9, с. 63].

Согласно Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года, ключевыми векторами институционального роста в социокультурной сфере определены создание Совета по культуре при Президенте Республики Таджикистан, формирование креативных кластеров (медиа, кино, звукозапись) и учреждение Фонда молодёжного сообщества для поддержки гражданских инициатив [9, с. 63].

Стратегия фиксирует ряд системных вызовов, среди которых несоответствие имеющейся базы учреждений растущим культурным запросам населения, неразвитость индустрии детского контента и «утечка мозгов» среди инициативной молодёжи. Для решения этих проблем документ устанавливает приоритеты модернизации, направленные на:

- сохранение наследия: интеграцию национальных ценностей в современный медиа-контент и продвижение брендов в список ЮНЕСКО;
- развитие человеческого капитала: внедрение инновационных методик патриотического воспитания и программ по профилактике религиозного экстремизма в молодёжной среде;
- инновационное предпринимательство: создание инфраструктуры стартапов (технопарков) и продвижение культуры деловой активности.

Основной акцент в области госуправления делается на внедрении механизмов государственно-частного партнерства для финансирования культурной инфраструктуры, особенно в сельской местности. Ожидается, что реализация данных мер обеспечит не только укрепление материально-технической базы, но и сформирует конкурентоспособное поколение, обладающее современными компетенциями и высоким уровнем правосознания [9, с. 65].

В Республике Таджикистан постановлением Правительства от 30 декабря 2005 года утверждена «Концепция развития культуры». В указанном государственном документе отмечается, что понятие «государственная политика в области культуры» означает совокупность концепций, методов и целей, регулирование развития культуры на национальном и региональном

уровнях. Государственной политикой в сфере культуры предусмотрено, что существующие управленческие звенья должны быть поставлены в такие условия, чтоб они без дополнительных государственных вливаний, постепенно перешли к решению насущных задач, созданию условий саморазвития современной культуры, самореализации различных государственных, неправительственных и отдельных субъектов, что приведет к налаживанию социально-культурной деятельности, обеспечению полнокровной и разнообразной культурной жизни во всех регионах Республики Таджикистан» [7].

Культурные ценности в конечном итоге определяют внутреннюю идентичность человека. В Республике Таджикистан вся пропагандистская работа деструктивных организаций преимущественно направлена на формирование новой идентичности, находящейся в активном конфликте с традиционной идентичностью.

Прямую взаимосвязь между культурой и идентичностью отметила эксперт Дайана Фрэнсис. Она подчеркивает, что понятие «культура» слишком значима, чтобы его игнорировать или отбрасывать, поскольку она предлагает способ обсуждения основ, человеческой мысли, деятельности и взаимоотношений, и, кроме того, она тесно, связано с важной и не менее сложной концепцией идентичности [281].

В данном контексте большой практический интерес представляет теория ценностных ориентаций М. Рокича, «которая определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношения к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, основу мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности, основу жизненной концепции или иными словами – "философии жизни"» [309, с. 13]. М. Рокич различает два класса ценностей:

- «терминальные – убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться;

- инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации» [228].

На наш взгляд, американский психолог М. Рокич, достаточно обоснованно отметил влияние ценностей на повседневное социальное поведение человека. Внимание к ценностям нами обусловлено тем фактом, что они непосредственно формируют культуру социального поведения индивида.

Специфика религиозной идентификации заключается в её глубокой связи с процессами формирования мировоззрения личности и выстраивания целостной картины мира. Данный процесс напрямую затрагивает экзистенциальные проблемы смысла бытия, жизни и смерти, конструируя ценностные ориентиры индивида. В своих исследованиях российский ученый Т.С. Пронина обращает внимание на то, что поиск ответов на эти фундаментальные вопросы неизбежно требует от человека осознанного самоопределения по отношению к религиозным доктринам. При этом в процессе конструирования такой идентичности ключевое значение приобретают накопленные социальные характеристики субъекта – уровень его образования, профессиональная деятельность и текущий социально-экономический статус [158, с. 157].

Акцентированное внимание на компонент идентичности в контексте противодействия идеологии экстремизма и международного терроризма необходимо рассматривать как определяющий фактор в социальном поведении человека.

Идентичность, как одна из важнейших категорий человеческой самости и этничности, оказывается в центре стремительно меняющейся социокультурной реальности. Именно идентичность соединяет между собой звенья триады "личность – общество – культура". Вместе с тем, рассматривая становление идентичности как определяющий вектор социокультурной динамики, следует скорее говорить о непрерывном процессе самоидентификации, в ходе которого социальный актор узнает себя, конструирует и меняет жизненные смыслы, приспособляя их к внешнему

миру. Как отмечает З. Бауман, проблема идентичности есть проблема выбора и умения "вовремя сделать другой выбор", если прежняя идентичность потеряла ценность, или лишилась своих "соблазнительных черт" [75, с. 87].

Проведенный анализ идентичности подтверждает, что данная проблема в современном обществе стоит очень остро, особенно у молодежи. Как правило, современная молодежь не имеет твердую и незыблемую идентичность. Прямым следствием такого положения дел является постоянный и непрерывный поиск молодым поколением самого себя и своего места в обществе. В этом плане именно культура, обладает потенциалом, позволяющим человеку обрести стойкую и непоколебимую идентичность, а также твердые жизненные убеждения и принципы.

Отсюда следует, что фактор культуры в Республике Таджикистан приобретает особую актуальность в настоящий период. Ни отдельно взятый человек, ни общество в целом не может существовать вне культуры, так как культура относится к числу естественных духовных потребностей человека и сопровождает его на протяжении всей жизни. Последние тенденции подтверждают, что в обществе наблюдается социальный запрос на традиционные культурные ценности. Главным мотивом служит то, что в культуре видят одного из основных духовных источников внутреннего развития и важнейшего социального ориентира человека.

В данном случае детерминирующие аспекты национальной культуры являются хранителями и средством воспитания у молодежи социальных компетенций, как умению жить, мыслить и действовать в соответствии с культурными традициями этноса, правилами жизни и этикета в мировом культурно-образовательном пространстве [152, с. 171-172].

Именно на базе высокой культуры активизируется процесс социализации, выражающийся в том, что человек эффективно реализует весь свой потенциал. Социализация дает возможность с помощью специфических средств и способов получить "личностный прирост" всего общества, в социальных пространствах которого и происходит таинство воспроизведения

и дальнейшего развития национальных культур. Социализация – это совокупность всех социальных процессов, которые помогают усваивать (адаптировать) готовые формы и способы социальной жизни и вырабатывать собственные ценностные ориентации (самоактуализироваться и самореализовываться). Социализация – есть процесс усвоения социального опыта, освоение и присвоение общественных отношений. Для нее характерны две стадии: становление и развитие личности [112, с. 201].

Тем самым компонент культуры играет ключевую роль, как в успешной социализации человека, так и в решении социальных проблем, включая экстремизм и международный терроризм. Как отмечено ранее, фактор культуры остается в тени в противодействии экстремизму и международному терроризму. Такое положение дел имеет свои прямые негативные последствия для всего общества. Как результат, тяжело выявить существующие тенденции в данной области и разработать приоритетные направления дальнейшей деятельности в культурной сфере. Без определения существующих тенденций и приоритетов достижение намеченных целей практически невозможно.

Безусловно, культура обладает значительным антитеррористическим потенциалом, выступая фундаментальным механизмом превенции радикальных идеологий. Её содержание, ориентированное на трансляцию демократических ценностей, формирование установок толерантности и конструктивного межкультурного диалога, является базовым инструментом гармонизации общественных отношений как на внутригосударственном, так и на международном уровнях

Культура определенным образом влияет, как на внутренний терроризм, так и на международный. В духовном плане к терроризму могут вести либо ему противодействовать определенные идеи, теории, концепции. Анализируя психологические детерминанты террористических угроз, эксперты отмечают, что питательной средой для радикализации выступают социальная, религиозная и национальная нетерпимость, а также эскалация вражды и ненависти. В противовес этому, такие конструктивные социальные установки,

как «толерантность и добрососедство, значительно сужают основу террористических действий» [271, с. 6].

В данном контексте культура приобретает значение не только превентивного фактора, но и инструмента преодоления уже существующих угроз. Как подчеркивает В.В. Сударенков, «культура выступает и как фактор сдерживания терроризма и как фактор преодоления терроризма. Развитие форм государственной и международной жизни, глобализация общественных отношений, нарастание общечеловеческих ценностей, плюрализма духовной, религиозной жизни, совершенствование национально-этнических отношений все более лишают почвы для развития современного терроризма. Прогрессивное, цивилизованное развитие общества, его культуры и межгосударственных отношений имеет больше шансов вытеснить терроризм как форму разрешения социальных противоречий» [271, с. 6].

Государство, безусловно, выступает ключевым актором в проведении культурной политики. В Республике Таджикистан усилием государства за последнее время построены и внедрены современные социально-культурные объекты непосредственно на местах. Социальная миссия государственных структур в данной сфере направлена на формирование единого консолидированного культурного пространства. В то же время их отличительной чертой в профессиональной деятельности является то, что, оно носит строго регламентированный характер. Соответственно, культурное пространство не позволяет вовлечь широкие массы в культурную жизнь, имея определенную ограниченность. Тем не менее в целом сложившаяся ситуация все еще требует пристального внимания.

В данном контексте актуальным представляется то, что проводниками культуры должны выступать не только государственные культурные объекты, но и институты гражданского общества. Они могут внести свой вклад в развитие и укрепление культурно-гуманитарных ценностей.

Именно культура является тем социальным фактором, который объединяет общество. Соответственно, каждый социальный сегмент общества

в состоянии внести свой собственный вклад и занять свою нишу в культурной жизни страны. Об актуальности сотрудничества между государством и другими социальными структурами наибольший интерес представляет Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, принятой 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры. Положения статьи 11 указанной Декларации, регламентирующие вопросы трехстороннего партнерства между государством, бизнесом и гражданским сектором, констатируют, что механизмы свободного рынка неспособны самостоятельно обеспечить защиту и развитие культурного многообразия как фундаментального условия устойчивого человеческого прогресса. В данном контексте актуализируется ключевое значение скоординированной государственной политики, реализуемой в тесном взаимодействии с институтами гражданского общества и частным капиталом [1].

В данном случае, очевидно, что именно культура выступает как наиболее универсальное социальное явление. Культура способствует максимальной самоорганизации общества путем вовлечения всех заинтересованных сторон.

Сегодня, как, впрочем, и всегда, именно духовность укрепляет позитивную созидательную базу в интеллектуальной сфере, ибо духовная энергия порождает социальную активность и чувства единства, что в свою очередь создает условия для экономического роста и политической стабильности [234].

При практическом вовлечении институтов гражданского общества в сфере культуры в противодействие деструктивной идеологии, прежде всего, необходимо их рассматривать в качестве стратегического социального ресурса, обладающим огромным потенциалом.

Именно искусство и культура могут быть эффективными инструментами развития межкультурного взаимопонимания и чувства общности граждан, играть важную роль в повышении устойчивости общества через укрепление социальной сплочённости.

Спорт предоставляет определённые возможности для вовлечения молодых людей в жизнь общества и развития социальных навыков, а также укрепляет чувство сопричастности и общности.

В связи с этим в рамках усилий по реабилитации может быть широко использован положительный культурный опыт, накопленный в искусстве и спорте. В случаях, когда традиционные психосоциальные услуги недоступны, эти способы могут быть особенно действенными [79, с. 119].

Данный подход подразумевает главным образом то, что практическое взаимодействие с институтами гражданского общества не должно носить формального характера. В этом контексте важным и необходимым представляется изменение принципов и методов взаимодействия. Так, эффективным станет формирование среды, позволяющей институтам гражданского общества более активно и, самое главное, адресно работать в данном направлении. Отмеченный шаг будет способствовать укреплению потенциала институтов гражданского общества.

В практическом плане, вовлечение институтов гражданского общества повлечет за собой целый ряд позитивных после действий. Важнейшим и первоочередным из них будет то, что начнет формироваться и в дальнейшем расширяться диапазон сотрудничества на уровне партнёрства в новой сфере. Возрастет количество и качество культурных мероприятий в обществе. При этом они будут направлены на абсолютно различные слои общества с непосредственным учетом их культурных запросов. Другим важным последствием станет социальная направленность, которая затронет фактически все значимые широкие слои общественности.

Во всеобщей декларации ЮНЕСКО подтверждается, что «культура должна рассматриваться как совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных – и что помимо искусства и литературы, она охватывает образ жизни, «умение жить вместе», системы ценностей, традиции и верования. В тоже время констатируется, что культура находится в

центре нынешней дискуссии по вопросам самобытности, сплоченности общества и развития экономики на базе знаний. В этом фундаментальном глобальном документе утверждается, что именно уважение разнообразия культур, терпимость, диалог и сотрудничество в обстановке доверия и взаимного понимания являются лучшим залогом мира и международной безопасности» [1].

Реализация различного рода социально-культурных проектов на деле будет способствовать активизации общегражданского антитеррористического диалога в местном сообществе. Другим преимуществом и отличительной чертой массовых культурных мероприятий является то, что они позволяют глубже и более эмоционально раскрыть всю сущность идеологии экстремизма и международного терроризма. Человек начинает осознавать природу, причину, последствия пагубности и бесперспективности деструктивной идеологии.

Наконец, в данном контексте большую практическую ценность представляет опыт взаимодействия институтов гражданского общества с маргинализированными и уязвимыми социальными группами. Тем самым, их участие в реализации культурно-массовых программ окажет серьезное воздействие на достижение социальной сплоченности.

Следовательно, только посредством культуры общество может продемонстрировать свою сложившуюся систему взглядов и ценностей. Культура содействует формированию в обществе чувства толерантности и консолидации. Наряду с этим она регламентирует форму социальной деятельности человека, за рамки которых он не должен выходить.

Таким образом, культура как глубинная общность создаёт условия для формирования духовно-нравственных ценностей человека и способна подвинуть его к самотворчеству и самосозиданию, самопреображению и самопреодолению.

Роль культуры состоит в формировании духовно-нравственных ценностей человека. Это обусловлено тем, что в культурном пространстве

свершаются акты созидания ценностей, которые являются её сущностной функцией и источником её жизнеспособности и дальнейшего культуротворчества.

Благодаря духовно-нравственным ценностям, человек восстанавливает духовные основания своего существования. Человек становится способным к собиранию себя и обретению полноты бытия, преодолению данного наличного функционирования и выходу в духовную вертикаль актуального состояния [139, с. 13].

Проведённое нами исследование показало, что потенциал культуры действительно огромен. По своей природе она призвана мирными и ненасильственными действиями эффективно снимать, как социальную напряжённость, так и решать существующие социальные конфликты. К тому же, именно культура обладает возможностью консолидировать всё общество перед лицом общей угрозой. При этом, что также немаловажно и актуально, только культура способна вывести общество из состояния аномии, когда обществу присуще дезорганизация и неопределённость. Соответственно, культура является той уникальной сферой, в рамках которой происходит консолидация всего социума. Сама же консолидация поднимает формат сотрудничества между государством и институтами гражданского общества на партнёрский уровень. Данный аспект приобретает особую значимость в рамках реализации стратегий по нейтрализации угроз экстремизма и международного терроризма

Выводы

1. Культура выступает фундаментальным базисом духовно-нравственного становления личности, определяя систему её ценностных координат и модели восприятия социальной реальности. В рамках существующих подходов к противодействию экстремизму и международному терроризму, потенциал культурного фактора зачастую рассматривается как второстепенный и инструментально вспомогательный ресурс. Подобная

недооценка социокультурного компонента может препятствовать реализации превентивных возможностей культуры в полной мере.

2. Социальная актуальность фактора культуры состоит в том, что он во многом содействует процессу социализации человека. Именно традиционная культура обеспечивает преемственность ценностей в обществе. Более того, она выступает сильнейшим заслоном на пути проникновения и распространения идеологии экстремизма и международного терроризма в общество.

3. Институты гражданского общества обладают значительным потенциалом в развитии и укреплении антиэкстремистской и антитеррористической культуры в обществе. Активизация и дальнейшая вовлеченность институтов гражданского общества в культурной деятельности позволит достигнуть значительных результатов. Именно они по своей природе наиболее чувствительны и восприимчивы к культурным запросам и требованиям местного сообщества. Соответственно они могут работать более акцентированно и адресно.

4. Практическим преимуществом внедрения в широкие массы антиэкстремистского и антитеррористического культурного продукта институтами гражданского общества является наиболее универсальным и действенным социальным инструментом. Это позволит сделать общественный охват целевым и акцентированным, а произведенный культурный продукт будет непосредственно формироваться и конкретизироваться с учетом, как самой социальной аудитории, так и специфики местного сообщества.

5. Важно то, что основой культуры выступает мирное решение существующих в обществе проблем. Так, использование культуры в противодействии идеологии экстремизма и международного терроризма целесообразно и востребовано на двух уровнях. На индивидуальном уровне позитивный вклад культуры проявляется в процессе формирования устойчивой социальной идентичности, обладающей высоким иммунитетом к влиянию деструктивной идеологии. На макросоциальном уровне культура выступает универсальным регулятивным ресурсом, позволяющим

осуществлять превенцию радикализации в обществе, прежде всего, в молодежной среде, путем механизмов формирования конструктивных ценностных ориентиров, исключающих применение насильственных методов разрешения противоречий.

ГЛАВА 6. ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

6.1. Анализ информационно-коммуникационного фактора как детерминанта роста экстремизма и терроризма

Доступ к информации является одной из самых насущных и естественных потребностей современного общества. Человек не представляет свою жизнь без информации. Он стремится быть максимально информированным. Всем широко известно, что информированный человек – это самый защищенный человек. Сама информация не только представляет собой большую ценность, но и является стратегическим ресурсом. Актуальность и значимость информации из года в год возрастает [3].

Уровень развития современных печатных и электронных информационных ресурсов способствовал тому, что информация стала главным фактором жизни общества. Важно отметить и тот неоспоримый факт, что сегодня информация является очень доступной в связи с научно-техническим прогрессом. В результате она оказывает сильное воздействие на формирование мировоззрения и мироощущения человека. Тем самым информация оказывает непосредственное влияние не только на процесс формирования необходимого общественного мнения, но и содействует эффективному распространению в массах необходимого контента. Сегодня ни один значимый социальный процесс не проходит без активного информационного сопровождения. В результате, именно средства массовой информации влияют, как на индивидуальное восприятие, так и на общественное сознание.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий является одним из главных трендов современности. По праву ИКТ стали наиболее влиятельным и широко используемым инструментом. Потребность в использовании всемирной паутины в глобальном масштабе растет изо дня в день. Сегодня современную жизнь просто невозможно

представить без виртуального мира. Причина популярности Интернета во многом обусловлена значительными преимуществами, возможностями и перспективами, предоставляемыми им своим пользователям. В настоящее время масштаб влияния Интернета очень высок и существующие тенденции наглядно свидетельствуют о его дальнейшем росте. Таким образом, произошедшие фундаментальные сдвиги в данной области требуют своего изучения и последующего анализа.

Как отмечает Т.В. Грачёва, «современный человек преимущественно живет информационным потреблением, которое воздействует на его здоровье не менее чем потребление пищи. Потребил хорошую пищу – здоровый организм. Потребил пищу-яд, результат – болезнь или смерть. Качественная информация – душа радуется или скорбит» [36, с. 299].

Таким образом, информация стала для общества тем стратегическим ресурсом, который фактически манипулирует человеком. К тому же современные технологии способствовали тому, что информация приняла непрерывный бесконечный поток.

Сегодня человечество осуществило небывалый технологический прорыв в области обмена информации и создания глобального и общедоступного информационного пространства. Однако, вместе с несомненным повышением производительности интеллектуального труда и повсеместному распространению информационно-коммуникативных технологий, сопутствуют угрозы, которые находятся, как в сфере несанкционированного доступа к конфиденциальной информации, так и в области влияния на поведение конкретных людей – пользователей информационно-телекоммуникационных систем.

В научной полемике экспертами всё чаще стал употребляться термин «киберпространство». Оно подразумевает всю совокупность информационно-технологических ресурсов отдельно взятого государства.

Сегодня процесс развития киберпространства имеет важное значение. В этой связи отметим, что эксперты Международного союза электросвязи ООН

(МСЭ) составляют рейтинг стран по уровню кибербезопасности под названием «Глобальный индекс кибербезопасности». В соответствующем докладе специалисты МСЭ оценивают компьютерную безопасность всех стран мира по пяти параметрам:

- юридическая;
- техническая;
- организационная подготовленность;
- готовность к сотрудничеству;
- развитие образовательного и исследовательского потенциала страны.

Наиболее актуальная версия исследования была выпущена в 2020 году. В этом рейтинге Республика Таджикистан расположилась на 146 месте из 194 государств [253].

Эксперты отмечают, что многие страны и регионы отстают в следующих ключевых областях:

- обучение навыкам кибербезопасности, которые должны быть адаптированы к потребностям малых и средних предприятий;
- отрасли финансов, здравоохранения, энергетики и другие ключевые сектора, в которых требуются специальные меры для ликвидации пробелов в области кибербезопасности;
- защита критической инфраструктуры, которую необходимо совершенствовать с целью борьбы с новыми и возникающими киберугрозами;
- защита персональных данных, которую необходимо усиливать по мере распространения онлайн деятельности [270].

Наибольшее распространение технологии воздействия на человека с целью побуждения его принятию тех или иных решений получили в области рекламы и маркетинга, для нужд экономики. Вместе с тем, наработанные механизмы продвижения продуктов потребления оказались применимы и для распространения иного товара, а именно идеологических концепций различного характера. Некоторые из них являются весьма полезными и работают на благо общества. Прежде всего, это концепции здорового образа

жизни, здорового питания, различные экологические, или, например, благотворительные проекты. Широкое распространение получили сегодня различные сетевые сервисы, предназначенные для сбора средств на реализацию общественно-полезных целей. Вместе с тем, аналогичные технологии могут быть использованы и в антиобщественных целях [74, с. 116].

В контексте антиобщественных целей, прежде всего, следует отметить проблему экстремизма и международного терроризма, ставшей одной из наиболее широко распространенных в глобальной сети. При этом сами экстремистские и террористические организации рассматривают информационно-коммуникационные технологии как универсальный механизм. Он позволяет эффективно обосновывать и укреплять идеологические позиции деструктивных сил в обществе.

Как справедливо отмечает Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон: «...Сегодня экстремистские и террористические организации и группировки широко используют возможности передовых информационных технологий для достижения своих гнусных целей. Согласно анализу и прогнозам, такая ситуация сохранится в регионе и некоторых странах мира и в будущем, а присутствие и деятельность ИГИЛ и «Аль-Каиды» будут расширяться. Поэтому возникает необходимость разработки новых инновационных подходов к совместной борьбе с терроризмом и распространением идеологии экстремизма и религиозного радикализма, в том числе с использованием современных технологий» [17].

Опасность распространения деструктивной идеологии состоит не только в побуждении отдельных лиц к совершению преступных актов, но и в формировании у широких народных масс ложных моральных ориентиров, что вполне способно привести общество и государство к очередным политическим и экономическим потрясениям. Эксплуатируя образ бескорыстных борцов за общественное благо, лидеры террористических организации получают необходимый элемент осуществления политического влияния [74, с. 118].

Научные и экспертно-аналитические круги едины и солидарны в том, что именно информационное поле является той зоной, где и разворачивается основное противостояние между сторонниками и противниками деструктивных течений. Сегодня чрезвычайно важно понять ряд принципиальных моментов, раскрывающих информационную деятельность экстремистских и террористических группировок. Прежде всего, проанализировать механизмы пропаганды деструктивной идеологии, как они мотивируют людей? Чем вызвано их пристальное внимание к современным информационно-коммуникационным технологиям? Ответ на каждый из поставленных вопросов в конечном итоге позволит найти ответ на самый главный и основной вопрос эффективного противодействия деятельности экстремистских и террористических групп в информационном поле. Объективно оценив новые дополнительные преимущества виртуального пространства, преступные группы превратили его в новую зону своей активности. Более того, именно Интернет предоставил деструктивным организациям невиданные до сих пор возможности, открыв перед ними качественно новые перспективы.

Обеспокоенность в использовании экстремистскими и террористическими организациями современных социальных сетей и мобильных приложений также разделяют эксперты ОДКБ. Они отмечают, что «учетные записи мессенджеров привязываются к телефонным номерам, а доступ к телефонной книге, электронной почте или другим данным абонентов позволяет обмениваться сообщениями или создавать чаты практически на неограниченное количество человек. Популярность этих видов программной продукции среди религиозных экстремистов связано в том числе с тем, что разработчики этих программ позиционируют собственные продукты как защищенные от взлома. Через популярные социальные сети по всему миру вербуются сторонники террористов, а также осуществляется информационная поддержка террористических акций. Зачастую публикации с мест инцидентов пропагандисты террористической активности делали через час с небольшим

после происшествия. Во многих случаях для отправки коротких сообщений с места события использовался популярный сервис микроблогов Twitter, большинство пользователей которого публикуют сообщения с мобильных устройств» [275, с. 7].

В практическом понимании, использование современных информационно-коммуникационных технологий в деструктивных целях признанными международными экспертами активно и детально проанализированы на примере трагических событий 2008 года в Индии, когда во время проведения террористической атаки в городе Мумбаи погибло 164 человека, а Интернет сыграл наиболее важную и ключевую роль в её осуществлении.

На этапе планирования террористы провели виртуальную разведку объектов с помощью сетевой картографической службы, что позволило им очень точно организовать выполнение задачи, включая определение входа и выходов, которые должны были использоваться на основных объектах атак и выяснение географических координат объектов, которые были введены в программы устройств GPS.

В процессе самой атаки террористы использовали свои телефоны Blackberry для передачи информации исполнителям, а также для получения инструкций и новой информации от них, например, данных местоположений заложников о международной реакции на атаки и о действиях полиции. Сами исполнители использовали каналы VoIP для того, чтобы скрыть своё физическое местоположение. Уровень тактических деталей, о которых становилось известно из социальных сетей, таких как Twitter или Flickr, мгновенно обеспечивал террористам дополнительную ситуационную осведомленность. Опасаясь, что такая информация может помочь террористам, индийские власти даже сами опубликовали твит с просьбой немедленно прекратить публикацию прямых сообщений в Twitter о событиях в Мумбаи [265, с. 9].

Рассмотренный террористический акт наглядно раскрывает различные аспекты современных информационно-коммуникационных технологий, активно используемых террористическими группировками во время проведения своих преступных действий. Тем не менее, каждая из видов работ представляет свой собственный интерес и, соответственно, требует своего отдельного комплексного анализа.

Среди наиболее значимых направлений деятельности экстремистских и террористических группировок можно выделить пропаганду, вербовку, радикализацию, саморекламу, деморализацию, поиск и анализ информации, а также сбор денег. Для выстраивания эффективной политики противодействия экстремизму и терроризму, весьма важно детально проанализировать каждое из этих направлений.

1. Пропаганда. Ключевым направлением деятельности деструктивных структур выступает пропаганда, направленная на системную трансляцию радикальных идей и эмоционально-психологическую обработку целевой аудитории. В современных условиях акцент смещен на мультимедийные коммуникации: от специализированных интернет-ресурсов и аудиовизуального контента до интерактивных игровых продуктов. Деструктивный потенциал данных материалов реализуется через механизмы вербовки и радикализации, подрыв доверия к социальным институтам, культивацию страха, а также легитимацию экстремистской деятельности в глазах международной общественности [214, с. 3-4].

2. Вербовка. Процесс вербовки в экстремистские и террористические структуры представляет собой многоэтапную технологию, адаптированную к современным социально-политическим условиям. Фундаментальной чертой вербовочной деятельности выступает её индивидуализированный характер, ориентированный на точечное выявление мотивационных детерминант потенциального объекта. В научной литературе выделяют три ключевых мотивационных кластера: идеологический (формирование устойчивой духовной привязанности), финансовый (модель отношений «патрон – клиент»)

и психологический (поиск идентичности, потребность в самоутверждении или реакция на деструктивное воздействие). Как отмечает Дж. Пост, девиантное поведение террористов является не следствием психопатологии, а результатом сложной групповой динамики и кризиса идентичности [307, с. 8].

Внедрение информационно-коммуникационных технологий радикально трансформировало вербовочные практики, обеспечив деструктивным структурам ряд преимуществ:

I. Дистанционность и безопасность: возможность физического удаления вербовщика от объекта и минимизация рисков разоблачения.

II. Анонимность: высокий уровень конфиденциальности коммуникаций, затрудняющий деятельность правоохранительных органов.

III. Персонализация воздействия: гибкость манипулятивных стратегий, позволяющая адаптировать вербовочный инструментарий под психотип конкретного индивида для достижения максимального эффекта.

3. Радикализация. Современное информационное пространство, представленное социальными сетями, мессенджерами и тематическими форумами, служит ключевой площадкой для трансляции деструктивного контента. Экстремистские организации эффективно используют эти платформы для создания закрытых сообществ, внутри которых формируется устойчивая эмоционально-психологическая связь между вербовщиком и реципиентом. Парадоксально, но примитивность пропагандистских материалов не снижает их эффективности, так как конечной целью коммуникации является радикальная трансформация сознания индивида и его последующая мобилизация к деструктивным действиям.

Исследование природы радикализации требует учета мотивационной составляющей и социального контекста деятельности субъекта. В этом ключе методологически значимой представляется классификация М.Я. Яхьяева, выделяющего две полярные формы радикализма: «Первая форма – это конструктивный радикализм, направленный на кардинальное, качественное, прогрессивное, революционное преобразование существующей социальной

системы. В этом виде радикализма, высшим проявлением которого выступает социальная революция, созидательный, конструктивный момент, то есть, строительство более совершенного общества, доминирует над деструктивным моментом, то есть, разрушением существующей социальной системы. Вторая форма радикализма – это деструктивный радикализм, направленный на сохранение, консервацию или воссоздание, реставрацию отживших свой век, устаревших, изживших себя социальных отношений с помощью не менее решительных, но разрушительных для социальной системы агрессивных социальных действий. Разрушительная агрессия социальных субъектов при этом направляется, как правило, либо против тех социальных сил и субъектов, которые обнаруживают подлинно прогрессивное преобразовательное начало, либо против реально существующей социально-политической системы или ситуации в целом» [183, с. 17].

Согласно позиции автора, деструктивная форма радикализации характеризуется перманентным характером идеологического воздействия, интенсивность которого варьируется в зависимости от индивидуально-психологических особенностей индивида и его готовности к крайним формам противоправных действий [183, с. 17].

4. Самореклама. Важнейшим вектором деятельности деструктивных организаций является систематическая медиатизация их акций. Информационное сопровождение терактов – от оперативного принятия ответственности до публикации качественного визуального контента – выступает инструментом легитимации их деятельности в общественном пространстве. Привлечение профессиональных пресс-служб позволяет радикальным структурам трансформировать акты насилия в эффективный инструмент «мягкой силы», направленный на достижение нужного социально-политического резонанса.

Как отмечает Дж. Хорган, «показательным примером данной стратегии стала медиа-политика организации «ИГИЛ», которая активно использовала визуализацию актов насилия и жестоких казней для решения нескольких задач:

от дезориентации и деморализации противника до интенсификации психологического воздействия на массовую аудиторию» [301, с. 20-21].

Таким образом, использование цифровых площадок для самопрезентации радикалов преследует цель не только фиксации самого факта теракта, но и обеспечения долгосрочного идеологического влияния через провокацию страха.

Переориентация деструктивных структур на цифровой сегмент информационного пространства носит стратегический характер, так как виртуальная среда предоставляет им комплекс уникальных возможностей, недоступных в рамках традиционных СМИ. Согласно выводам Ю.А. Лапуновой, «ключевым фактором привлекательности сети Интернет для экстремистских сообществ выступает институциональная свобода, выражающаяся в практически полном отсутствии жесткого государственного контроля и механизмов цензуры, технологическая доступность, обеспечивающая низкую себестоимость создания и обслуживания контента при высокой простоте использования мультимедийных инструментов, а также коммуникационные преимущества, включая высокую скорость распространения информации, анонимность участников, возможность оперативного взаимодействия с аудиторией в любой точке мира и эффект мультипликации, при котором глобальная сеть становится первичным источником для традиционных СМИ, позволяя радикальным идеям проникать в массовый дискурс через легитимные информационные каналы» [130, с. 101].

5. Деморализация. Стратегическим вектором информационной политики деструктивных организаций выступает деморализация противника, направленная на подрыв морально-духовной устойчивости общества. Данная деятельность является инструментом усиления позиций радикалов, обеспечивающим деформацию устоявшихся ценностных ориентиров. Приоритетной целью процесса деморализации становится культивация в общественном сознании идеи о «непобедимости» экстремистских структур и, как следствие, нецелесообразности противодействия им.

Как отмечается в коллективном исследовании под редакцией И.Ф. Кефели и Р.М. Юсупова, «реализация данных установок опирается на комплекс манипулятивных технологий, включающий эмоционально-оценочное воздействие (дискредитация, навешивание ярлыков), когнитивные манипуляции с фактологическим материалом, использование социально-психологических фильтров (эффект «присоединения к большинству») и агрессивное управление медиа-пространством посредством создания провокационных инфоповодов» [48, с. 63-64].

В конечном итоге, деструктивный потенциал данных методов направлен на замещение моральной силы общества атмосферой отчаяния и социальной апатии, что создает условия для эрозии институтов безопасности, сопоставимые по силе негативного эффекта с последствиями прямых силовых конфликтов [48, с. 63-64].

Соответственно, деморализация оппонента выступает приоритетным вектором стратегии экстремистских и террористических структур. Практический опыт подтверждает, что деградация морально-психологического потенциала общества неизбежно приводит к утрате духовных ориентиров, провоцируя деструктивные состояния социальной апатии и растерянности. Роль морального духа в данном контексте сопоставима с весом материально-технического и военного компонентов обеспечения безопасности, что обуславливает необходимость комплексного противодействия информационным угрозам

6. Поиск и анализ информации. Интернет сегодня представляет собой уникальный глобальный информационный ресурс, не имеющий аналогов в мире. По своему потенциалу предоставления информации глобальная сеть остается вне конкуренции. Здесь можно найти любые интересующиеся материалы, в том числе фундаментальные научные труды, аналитические и экспертные прогнозы и обзоры, финансовые отчеты, исследовательские материалы, официальные документы, материалы массового характера, например, справочники, каталоги и интервью. Существующий масштаб

информации может удовлетворить потребности самого требовательного и критически настроенного искателя информации. Таким образом, на любой вопрос будет найден ответ, который может в целом удовлетворить потребности человека.

Значимым аспектом рассматриваемой проблематики выступает высокая степень чувствительности поисковых данных, обладающих статусом конфиденциальной информации и затрагивающих сферу частной жизни индивида. В этой связи большой практический интерес представляет точка зрения ведущего американского эксперта Эли Паризера относительно персонализации поиска в Интернете. Так, он отмечает следующее: «Это больше, чем просто приватность. Приватность касается того, что вы хотите раскрыть из информации о себе. А здесь проблема лежит в том, что открывают вам о мире, основываясь на том, кто вы такой. Это даже более опасный путь. Вы видите, практически отредактированную картину мира, основанную на личностной информации, которую вы даже не можете контролировать» [249].

Поиск информации облегчается тем, что всё присутствует в доступном виде. Также важно отметить непрерывную динамику пополнения электронной библиотеки. Уже сегодня она достигает миллиардов страниц информации абсолютно обо всем на свете. Сегодня экстремисты могут найти абсолютно любую необходимую для них информацию. В частности, информацию о стране, транспортных коммуникациях, стратегических объектах, таких как вокзалы, аэропорты, железнодорожные станции и морские порты. Большое количество Интернет-ресурсов посвящено изготовлению различных взрывных устройств кустарным способом подручными материалами. Дополнительным мотивирующим фактором, чем сильно привлекает Интернет-ресурс является то, что все представленные материалы фактически можно получить бесплатно. При этом они сами активно отслеживают и анализируют материалы, которые направлены непосредственно против них лично, так называемый, контртеррористический контент. В языковом же плане также нет никаких сложностей по причине того, что материалы можно найти на любом

распространенном языке. При необходимости могут использоваться электронные переводчики, качество которых за последнее время сильно возросло.

Констатируя вышесказанное, необходимо указать, что поиск информации может также способствовать выявлению разнovidных компонентов, чрезвычайно полезных при сборе и анализе информации. В этом аспекте важное значение имеет классификация российского ученого Ю.В. Курносова:

1. Когнитивно-смысловой уровень: выявление базовых идей, смыслов и сущности исследуемых явлений.

2. Структурно-динамический уровень: анализ внешних и внутренних факторов, установление закономерностей, причинно-следственных связей, а также выявление паттернов и тенденций развития ситуации.

3. Прогностический и риск-ориентированный уровень: определение целей субъектов («центров сил»), фиксация признаков угроз, рисков и проблемных зон.

4. Уровень стратегического планирования: поиск «точек роста» и механизмов запуска новых социальных или политических процессов [55, с. 16].

Как отмечает российский ученый Ю.В. Курносов, «аналитик, владеющий навыками системного подхода, всегда будет стремиться на основе полученной информации понять общий контекст ситуации (её сегмента), внутреннюю структуру системы и соотношения этих скрытых моментов внутри неё. Особенно внимательно нужно относиться к ситуациям, когда наблюдается повторяемость характера событий. Именно этот воспроизводящийся рисунок, ключевой образ в синергетике называют паттерном событий. Понятно, что всегда будут особенности, особые обстоятельства для каждого случая, однако главным будет именно паттерн как ключ к пониманию скрытой от нас смысловой конструкции и структуры системы. Системное мышление аналитика нацелено на вскрытие сущности

явления, его закономерностей, глубинных факторов, определяющих тенденции, последовательность и характер проявления событий и развития их во времени и пространстве. Всё это в совокупности как раз и создаёт паттерн» [55, с. 16-17].

Процесс поиска и обработки данных базируется на использовании высокотехнологичного программного обеспечения, позволяющего не только осуществлять мониторинг текущей социальной реальности, но и проводить прогнозную аналитику. Данный инструментарий обеспечивает выявление латентных тенденций, объективных закономерностей и специфических особенностей исследуемых процессов, что критически важно для эффективного стратегического планирования

7. Сбор денег. С целью пополнения своих финансовых ресурсов экстремистские и террористические организации используют различные методы. Так, они включают традиционные методы, такие как продажа наркотических средств, грабежи, взятие заложников с целью последующего их выкупа, мародерство, незаконная продажа антикварных исторических памятников культуры, представляющих большую ценность. При этом их приоритетность зависит, прежде всего, от многих объективных факторов, существующих в зоне активной деятельности экстремистских и террористических организаций.

Наравне с традиционными инструментами деструктивные структуры все чаще начали интегрировать в свою деятельность возможности современных информационно-коммуникационных технологий. Ключевым преимуществом данного подхода является глобальный охват: использование сетевой инфраструктуры позволяет радикальным организациям оперативно аккумулировать финансовые ресурсы из любых регионов мира, где имеет доступ к Интернету.

Террористические группы используют Интернет для сбора средств. Аль-Каида, например, всегда сильно зависела от пожертвований, и ее глобальная сеть сбора средств построена на фундаменте благотворительных организаций,

неправительственных организаций и других финансовых учреждений, которые используют веб-сайты, соцсети и форумы. Экстремистская группа «Хизб-ут-Тахрир» использует интегрированную систему веб-сайтов в Интернете от Европы до Африки, которая просит сторонников оказать помощь, давая деньги для дела джихада [215].

Современные информационно-коммуникационные технологии стали для экстремистских и террористических группировок универсальным механизмом, позволяющим им эффективно решать финансовые вопросы. Так, сегодня без глобальной сети стало фактически невозможным осуществление сбора финансовых средств. Метод получил широкую известность как краудфандинг, согласно которому деньги поступают на счета деструктивных организаций путём пожертвований.

В настоящее время данный метод сбора денег носит профессионально организованный характер. Особенно сильно проявился в сирийском конфликте. В этой связи большой интерес и практическую ценность представляет отчет, подготовленный группой по разработке финансовых мер борьбы с отмыванием денег – ФАТФ. Будучи независимой межправительственной организацией, она акцентировала своё внимание на практический механизм получения денег со стороны террористической организации ИГИЛ.

ИГИЛ манипулирует социальными сетевыми сервисами, физическими и виртуальными социальными сетями, привлекает пожертвования и проводит маркетинговые кампании в соответствии с отраслевыми стандартами, которые установлены крупными краудфандинговыми компаниями. Краудфандинг – способ привлечения пожертвований от больших групп населения с использованием комбинации технологий и маркетинга. Ведущие краудфандинговые платформы используют статистический анализ, для оптимизации онлайн-краудфандинговых компаний стимулируя развитие так называемых «бонусов» или «уровней пожертвований». Благодаря «уровням пожертвований» потенциальный донор сможет лучше

прочувствовать связь с объектом финансирования и непосредственную целенаправленность своего вклада, что обеспечивает увеличение и стимулирование больших взносов. Такие компании также рекомендуют принятие специфичных маркетинговых мер в отношении кампаний, в которых задействованы различные формы социального взаимодействия, с целью увеличить поддержку, поддержать движущую силу кампаний и максимально повысить прибыль [242, с. 34].

Социальные сети также используются для координации усилий по сбору денежных средств. В крупномасштабных и хорошо организованных схемах по сбору денежных средств в целях финансирования терроризма могут участвовать до нескольких тысяч «спонсоров» и таким образом, возможно осуществление сбора значительных сумм наличных денег. Сейчас террористические организации могут вести информационно-пропагандистскую работу среди огромной аудитории, используя двустороннюю горизонтальную связь, которая начинается в чатах и на форумах, и продолжается в социальных сетях, таких как Фейсбук, Твиттер и Инстаграм, и иногда поддерживается с помощью приложения для средств мобильной связи, таких как «WhatsAc» и «Viber» или более защищенных сетей связи, на примере «Surespot» и «VoIP». Помимо потенциальных иностранных боевиков-террористов, жертвователи, также являются важной целевой аудиторией в социальных сетях [241, с. 49].

Таким образом, данный механизм имеет несколько важных особенностей эмоционально-психологического характера, что также немаловажно в плане обеспечения сохранности финансовых средств:

Во-первых, формирует у граждан, решивших пожертвовать свои сбережения обратную связь с организацией, которой они решили пожертвовать свои деньги;

Во-вторых, психология социального жертвования такова, что она держится на милосердии и сочувствии, и как результат они абсолютно уверены, что тем самым, они совершили благое дело;

В-третьих, практическая сложность в отслеживании электронного перевода денег. Так, затерявшись в многочисленных переводах, они попадают в руки тем, кому они предназначались изначально, причём в самые кратчайшие сроки;

В-четвертых, главным привлекательным мотивом использования данного метода заключается в том, что он базируется на максимальной анонимности. В практическом плане это означает, что очень сложно выявить, как самого отправителя денег, так и, собственно, того, кому предназначены переведенные средства;

Наконец, в-пятых, существующие тенденции свидетельствуют о том, что краудфандинг, как метод сбора денег станет еще более востребованным экстремистскими и террористическими организациями. Важным представляется также то, что на наших глазах развивается процесс, способный еще больше гарантировать анонимность участников данных действий.

Следовательно, Республика Таджикистан в данном направлении сталкивается с объективными проблемами, которые требуют своевременного решения. В этом контексте отметим практические рекомендации, изложенные отечественным ученым П.А. Мухаммадзодой с целью обеспечения информационной безопасности страны, борьбы с дезинформацией в киберпространстве и ограждения наших граждан от ее негативного влияния:

- активнее привлекать профессиональные кадры в области IT-технологий, как внутри страны, так и за ее пределами;
- создать местные социальные сети на уровне городов и районов, ссылаясь на опыт Китайской Народной Республики, где правоохранительные органы осуществляют контроль за чуждыми идеологиями в соцсетях, негативно сказывающимися на мировоззрении населения, особенно, молодежи;
- увеличение финансирования местных (районных) социальных сетей в сфере обеспечения их информационной безопасности;

- использование современных информационно-коммуникационных технологий в области 3G и 4G с целью контроля за использованием Интернета, нежелательными, враждебными элементами;

- совершенствование нормативно-правовых актов, то есть, Концепции информационной безопасности Республики Таджикистан от 2003 года, с целью усиления борьбы с террористическими, экстремистскими и иными негативными проявлениями в Интернет-пространстве;

- создание профессионального подразделения по обеспечению безопасности в киберпространстве [260].

Развернувшаяся в последнее время активная научно-экспертная полемика и дискуссия вокруг виртуального пространства вскрыла всю неоднозначность данного явления. До сих пор не сложилось единого универсального подхода и мнения по данному вопросу. Точки зрения ученых, чиновников и экспертов диаметрально противоположны. Начиная от того, что Интернет – это абсолютное зло и сам является двигателем всех проблем, до того, что Интернет – это единственный и уникальный механизм. Только он может внести огромный решающий вклад в успешное решение острых социальных конфликтов, включая проблему экстремизма и международного терроризма. Прямым последствием такого различия подходов является то, что современное мировое сообщество до сих пор не смогло прийти к единому мнению относительно данного вопроса. Более того, законодательная база стран сильно различается, что также значительно усложняет международное сотрудничество. В то время сама природа и сущность онлайн пространства такова, что подразумевает активное международное сотрудничество.

В данном случае, прежде всего, на наш взгляд, надо учитывать главный и принципиальный факт – Интернет является прямым отражением всех текущих военно-политических, социально-экономических и культурно-идеологических процессов в мире. Соответственно, эффективная работа против экстремистских и террористических организаций в Интернете требует комплексных превентивных мер.

Выводы

1. Беспрецедентный рост информационно-коммуникационных технологий стал одним из основных трендов современности. Существующий их уровень позволяет эффективно и быстро решать самые сложные задачи в различных сферах жизни. Другим важным их преимуществом является то, что современные информационные технологии в реальности стали основным медиаресурсом деструктивных организаций. Действующие экстремистские и террористические организации активно их используют для достижения своих целей.

2. Информационно-коммуникационные технологии позволяют деструктивным структурам осуществлять процесс виртуальной вербовки. Преимущество виртуальной вербовки в том, что эмиссары могут завербовать человека, который географически находится на другой части Земли. Также личность самого вербовщика остается не только не раскрытой, но даже тяжело будет определить его реальное месторасположение. Самое главное, в случае появления внезапной опасности разоблачения вербовщик может просто прервать процесс вербовки.

3. В последнее время все больше экстремистских и террористических организаций воспринимают Интернет как источник пополнения своего бюджета. Технологии сбора средств свидетельствуют о том, что процесс сбора денег выглядит высокопрофессиональным. Привлекательность электронного пожертвования заключается в том, что оно фактически гарантирует анонимность, так как на деле очень сложно определить человека, пожертвовавшего деньги деструктивным группировкам.

4. Другим важным направлением деятельности деструктивных структур является информационная составляющая. Его практическая ценность состоит в том, что информационно-коммуникационные ресурсы позволяют им активно о себе заявить. Их информационные продукты разнообразны и направлены на расширение охвата своей целевой аудитории. Как показывает практика, все

свои деяния они сами активно распространяют в сети, тем самым стремятся продемонстрировать мировому сообществу свою собственную силу.

5. Существующие тенденции в данной области наглядно показывают то, что роль информационно-коммуникационных технологий будет только возрастать. Важным является также то, что экстремистские и террористические группировки будут все более активно использовать новые технические достижения в своей деятельности. Соответственно, информационное поле становится новой ареной борьбы, которая будет пронизывать все аспекты жизнедеятельности государства и общества.

6.2. Потенциал средств массовой информации Республики Таджикистан в противодействии экстремизму и международному терроризму

Диалектическое развитие человечества привело к тому, что в XXI в. общество стало информационным. На практике это означает усиление роли информации, как в жизни отдельно взятого человека, так и государства в целом. Информация все больше пронизывает и влияет на все аспекты жизнедеятельности общества. Более того, как свидетельствуют существующие тенденции, возросла потребность человека в получении своевременной информации.

Столь активное и бурное развитие информационных технологий фактически привело к формированию единого глобального информационного пространства. Информатизация стала не только главным трендом, но и двигателем всех современных процессов. Произошедшая фундаментальная трансформация в области информационных технологий способствовала появлению качественно иных критериев оценки роли, места и функции информации в жизни человека и государства.

Важно то, что существующая информационная инфраструктура предоставляет человеку уникальные возможности. Главным из них, безусловно, является получение быстрого, прямого и бесперебойного доступа

к глобальным информационным ресурсам. Другой актуальный фактор – это стремление к удовлетворению потребностей граждан в информационных продуктах и услугах. Сегодня информационные возможности доступны абсолютно всем. Каждый человек или же социальная структура может их активно использовать для реализации своих целей и задач.

Представители североамериканской политологической науки указывают четыре основные задачи, стоящие перед средствами массовой информации:

1. «Публичное наблюдение – обеспечение гласности.
2. Интерпретация смысла событий – формирование общественного мнения.
3. Социализация индивидов в их культурное окружение – формирование культурных ценностей, позиций, социальных ролей у получателей информации.
4. Политические манипуляции – использование масс-медиа для достижения конкретных целей в политическом процессе» [180, с. 239].

В контексте ранее опубликованных автором методологических положений важно добавить тезис об истоках формирования отечественной нормативно-правовой базы в данной сфере: «Кардинальные изменения в информационной области стали тем ключевым фактором, который подтолкнул государство к разработке правовых механизмов регулирования общественных отношений в информационной сфере. В результате, 7 ноября 2003 года в Республике Таджикистан была принята Концепция информационной безопасности. Данный документ представляет большой научный интерес, так как по своей природе относится к фундаментальным и основополагающим источникам. Практическая ценность Концепции заключается в том, что она раскрывает систему взглядов и подходов государства в решении сложных и актуальных вопросов» [9-А, с. 56].

В Концепции особое внимание уделяется защите национальных интересов Республики Таджикистан в информационной сфере: «Современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью

информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, информационной структуры, осуществляющей сбор, формирование, распространение и использование информации, а также составляющей систему регулирования возникающих при этом общественных отношений. Информационная сфера является системообразующим фактором жизни общества» [6].

Информационная сфера активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих национальной безопасности Республики Таджикистан, которая существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности.

В соответствии с Концепцией информационной безопасности, под данным термином понимается «состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

Интересы личности в информационной сфере заключаются в реализации конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации, на использование информации в интересах осуществления не запрещенной законом деятельности, физического, духовного и интеллектуального развития, а также в защите информации, обеспечивающей личную безопасность.

Интересы общества в информационной сфере заключаются в обеспечении интересов личности в этой сфере, упрочении демократии, создании демократического, правового, светского и унитарного государства, достижении и поддержании общественного согласия, в духовном обновлении Таджикистана.

Интересы государства в информационной сфере заключаются в создании условий для гармонического развития информационной инфраструктуры, которая направлена на реализацию конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею в целях обеспечения незыблемости конституционного строя,

суверенитета и территориальной целостности Республики Таджикистан, политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и правопорядка, развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества.

На основе национальных интересов Республики Таджикистан в информационной сфере формируются стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства по обеспечению информационной безопасности» [6].

В рамках разрабатываемого нами концептуального подхода ранее утверждалось, что динамика развития глобального информационного пространства качественно меняет структуру ресурсов государственного управления: «В контексте вышеотмеченного также следует указать на текущую динамику и тенденцию данного процесса. По всем опубликованным прогнозам, в средне- и долгосрочной перспективе фактор информационных и коммуникационных технологий в жизни общества будет только неуклонно возрастать. Таким образом, можно смело утверждать, что современные информационные ресурсы относятся к категории стратегических ресурсов. Они обладают неизмеримым влиянием на жизнедеятельность человека и государства. В этой связи, все чаще рассматривается их потенциал как одного из эффективных социальных инструментов решения сложных и трудноразрешимых социальных конфликтов» [9-А, с. 56].

В настоящее время в Таджикистане развивается медиасообщество, в основном сосредоточенное в столице страны – г. Душанбе. По данным исследования предпочтений средств массовой информации, проведенного в 2019 году, в стране было зарегистрировано 376 газет (112 государственных и 264 частных), 245 журналов (114 государственных и 131 частных), 10 информационных агентств (1 государственное и 9 частных), 34 телеканала (8 - национальных и 26 региональных) и 33 радиостанции (4 общенационального охвата). Из всех зарегистрированных газет, государственные газеты являются самыми распространенными. Например, тираж единственной ежедневной

газеты Таджикистана «Джумхурият» составляет 240 000 экземпляров. «Омузгор» (издание Министерства образования), «Минбари Халк» (партийная газета) и «Садои Мардум» (парламентский еженедельник) также широко распространены. Наиболее популярными частными газетами являются три таблоида, публикующие развлекательные новости, за которыми следуют издания «Таджикистан» и «Азия-плюс», больше предлагающие аналитические материалы, включая чувствительные тематики. Так же, как и в остальных странах мира, цифры тиражей подтверждают, что количество проданных экземпляров снижается с каждым годом. Кроме того, в Таджикистане растет сообщество создателей интернет-контента и онлайн-порталов. Тем не менее, несмотря на кажущееся изобилие источников информации, у изданий нет специальных отделов, использующих данные для создания контента, а если данные и используются, то обычно бегло, без понимания того, как они могут улучшить репортаж [289, с. 11].

В этом аспекте большой интерес представляет классификация таджикского эксперта Д.М. Салимова относительно функционирования таджикских СМИ в условиях глобализации, где выделяются три подхода:

«Согласно первому подходу, глобальные информационные потоки, заполняющие Таджикистан, также как и общие черты глобализации, имеют и положительный, и негативный характер. Положительным фактором считается облегчение доступа общества к информации, появление альтернативных источников как зарубежных, так и внутренних новостей. В то же время указываются негативные стороны глобальных информационных процессов: усиление воздействия зарубежных СМИ на общественное мнение, навязчивое внедрение чужих ценностей в общество и уязвимость информационной безопасности страны.

В рамках второго подхода делается акцент на положении традиционных СМИ в условиях глобализации информационных технологий, их конкурентоспособности по отношению к новым глобальным СМИ. Отмечается, что глобализация значительно способствовала формированию

транснациональных СМИ, т.е. СМИ, функционирующих за пределами Таджикистана.

Третий подход включает в себя вопрос о вторжении в информационное поле страны глобальных СМИ, принадлежащих России и США как главных геополитических игроков в регионе. Роль российских СМИ в условиях современного Таджикистана высоко оценивается, прежде всего, с учетом того факта, что территориально более половины населения страны разговаривает на таджикском и русском языках. Здесь также главный акцент делается на военное, экономическое и культурное сотрудничество России и Таджикистана на примере контентных СМИ. В то же время западным СМИ в этих работах дается отрицательная оценка, указывающая на искажение в них политической реальности, создание отрицательного образа Таджикистана за его пределами» [163, с. 87].

В действительности же, дать полную исчерпывающую и объективную оценку реальному потенциалу электронных и печатных информационных ресурсов очень трудно. Тем не менее, в экспертно-аналитическом и научном сообществе справедливо отмечается, что именно современные информационные технологии обладают значительным ресурсом в борьбе с существующими вызовами и угрозами, включая проблему экстремизма и международного терроризма.

В данном контексте содержательным представляется аналитический подход таджикистанского исследователя П.А. Махмадова, который дифференцирует национальные интересы Республики Таджикистан в рамках информационного пространства по четырем базовым направлениям. Во-первых, выделяется правовой вектор, ориентированный на безусловное обеспечение конституционных свобод граждан в сфере поиска и использования информации, поддержку процессов духовного возрождения, трансляцию традиционных нравственных ориентиров, патриотизма и гуманизма, а также укрепление интеллектуального и культурного потенциала страны. Во-вторых, постулируется важность качественного позиционирования

государства, что подразумевает своевременное донесение до внутренних и внешних аудиторий официальной позиции Душанбе по ключевым аспектам общественной и международной жизни наряду с развитием механизмов открытости государственных информационных ресурсов. В-третьих, акцентируется технологический компонент, предполагающий системное внедрение цифровых решений в деятельность государственных органов, стимулирование суверенной медиаиндустрии и формирование надежного базиса для безопасного хранения и эффективного оперирования национальными базами данных. В-четвертых, ключевое значение придается защитно-правовому аспекту, направленному на охрану критической информационной инфраструктуры от внешнего вмешательства, а также на минимизацию юридических рисков, возникающих вследствие несанкционированного доступа к конфиденциальным сведениям и персональным данным граждан [186, с. 16].

Также следует подчеркнуть, что вклад и потенциал средств массовой информации был отмечен в Декларации об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне принятой Генеральной Конференцией ЮНЕСКО на ее двадцатой сессии 28 ноября 1978 году [2].

Документ, имеющий глобальный характер, обязывает подписавшие его государства соблюдать основополагающие принципы, фундаментальным из которых является то, что средства массовой информации должны вносить важный вклад в укрепление мира и международного взаимопонимания и в борьбу против расизма, апартеида и подстрекательства к войне.

В борьбе против агрессивных войн, расизма, апартеида и других нарушений прав человека, которые являются, наряду с прочим, порождением предрассудков и невежества, средства информации, распространяя сведения об идеалах, стремлениях, культурах и потребностях всех народов, способствуют ликвидации невежества и непонимания между народами,

осознанию гражданами одной страны нужд и стремлений других, обеспечению уважения прав и достоинства всех наций, всех народов и всех лиц, без различия расы, пола, языка, религии или национальности, и привлечению внимания к таким большим бедствиям человечества, как нищета, недоедание и болезни, содействуя, таким образом, выработке государствами политики, наиболее способствующей ослаблен международной напряженности и мирному и справедливому урегулированию международных споров [2].

В этой связи, на наш взгляд, важным представляется выявление и раскрытие, прежде всего, потенциала СМИ, а также механизмов их практического использования. Данный подход является наиболее оптимальным. На практике он позволит определить социальное предназначение информационных ресурсов в качестве эффективного инструмента борьбы с экстремизмом и международным терроризмом.

Средства массовой информации могли бы стать площадкой для выражения самых разных мнений и точек зрения и тем самым способствовать повышению терпимости, укреплению диалога и развитию критического мышления. Они могли бы также предложить ответные идеологические установки, которые помогали бы вести борьбу с идеями, популяризирующими насильственный экстремизм [291].

Выявление деструктивных технологий идеологической экспансии закономерно продиктовало необходимость публикации разработанных нами императивов превентивного информационного воздействия: «Анализируя печатные и электронные средства массовой информации как уникальную социальную платформу, важно чётко определить принципы, на которых должна строиться вся их контрдеятельность в отношении деструктивной идеологии. Прежде всего – это укрепление чувства патриотизма, особенно среди молодежи, фактор социальной справедливости, гуманизм, сформировавшийся на общепризнанных человеческих морально-нравственных ценностях. В Республике Таджикистан отмеченные принципы

жизненно важны и актуальны. Они позволяют сформировать информационный контент, эффективно воздействующий на население страны, прежде всего, на молодежь, которая в силу своей природы не имеет большого жизненного опыта, убеждений и принципов» [9-А, с. 56-57].

В этой связи, многие из числа национальных экспертов единодушны и солидарны в своём понимании позитивной роли средств массовой информации как одного из ключевых инструментов эффективного противодействия экстремизму и международному терроризму. Главным доводом служит традиционное и устоявшее классическое представление об информированном обществе как наиболее защищённом. Здесь следует отметить, что уровень информированности населения об экстремизме и международном терроризме, прежде всего, зависит от уровня доступности источников информации. К тому же более важным является уровень практического использования информационных ресурсов гражданами.

В этой связи именно на долю средств массовой информации выпала ключевая роль в противодействии экстремистским и международным террористическим группам. Для эффективной контрпропаганды важно обратить пристальное внимание на два значимых аспекта: 1) объективный анализ информационной пропаганды экстремистов и террористов и 2) разработка конкурирующих информационных продуктов, способных развеять деструктивную идеологию экстремистских и террористических групп.

В контексте освещения средствами массовой информации проблем экстремизма и международного терроризма председатель Национальной ассоциации независимых средств массовой информации Республики Таджикистан Н. Каршибоев отмечает: «Отсутствие системного подхода к освещению темы радикализма и экстремизма является характерной чертой редакционной политики большинства СМИ Таджикистана. Оно, вероятно, связано с недостаточной профессиональной подготовленностью журналистов и высокой чувствительностью данной темы. Неумение профессионально и квалифицированно освещать вопросы радикализма и экстремизма, страх

неоправданного наказания за неудачный опыт приводят к тому, что СМИ пишут об этих проблемах крайне осторожно, возможно, не соблюдается принцип сбалансированного освещения этих чувствительных тем. Таким образом, общество будет ущемлено в своем праве на получение и распространение информации и, как следствие, на свободный выбор убеждений и верований, на свободу слова и использованию СМИ» [218].

В продолжение вопроса освещения средствами массовой информации Республики Таджикистан проблем экстремизма и терроризма следует обратить внимание на формат подачи информации. Это также является одной из основных проблем в данной сфере. Так, подготовленный материал должен влиять на сознание людей. Он должен заставить людей осознать всю полноту масштаба данной проблематики. Достигнув эту цель, средства массовой информации выполняют свою главную социальную миссию, а именно значительно повысят уровень осведомленности населения в вопросе экстремизма и международного терроризма.

Таким образом, ключевой зоной ответственности масс-медиа становится не столько трансляция контента как такового, сколько поддержание психологической стабильности общества и конструирование его ментальных установок. При этом в условиях глобализации технологических платформ практически любой субъект способен аккумулировать значительные информационные ресурсы и консолидировать трансграничные сетевые сообщества по интересам. Подобные группы не только эффективно привлекают внимание традиционных СМИ для продвижения собственных нарративов, но и создают альтернативные каналы коммуникации. Легитимность и статус последних напрямую зависят от выработки единых профессиональных стандартов, чему сегодня препятствует высокая степень дезинтеграции и отсутствие системных связей между ключевыми игроками медиарынка [259].

В этой связи важным представляется структура и стиль изложения материала. Он должен быть легкодоступным и понятным для простого

населения. Непрофессиональный подход в данном вопросе чреват самыми отрицательными последствиями для всего общества. В конечном итоге подобные материалы потенциально могут стать катализаторами социальной напряженности. Более того, по своей сути, они будут идти только на пользу деструктивным группировкам.

Безусловно, при оценке реального потенциала средств массовой информации в противодействии идеологии экстремизма и международного терроризма, необходимо дать объективный анализ на национальном уровне. В рамках Республики Таджикистан, прежде всего, уместно отметить характеристику потенциальных возможностей электронных и печатных средств массовой информации. Причиной тому служат два сложившихся в Республике Таджикистан объективных фактора. Один из них – это реально имеющиеся возможности каждого из источников информации. Другой фактор – это наличие различного уровня социального доверия и интереса к ним. В конечном итоге отмеченные факторы формируют восприятие СМИ населением страны.

Одним из главных источников информации таджикского общества до сих пор остается телевидение в силу своего массового характера вещания и доступности для населения. Особенно данному источнику информации проявляют интерес граждане страны среднего и старшего возраста.

Другие традиционные источники, такие как печатные газеты и радио малоэффективны. В последнее время наблюдается стабильная тенденция спада интереса со стороны населения к печатной продукции. К тому же сами газеты публикуются очень малым тиражом, вследствие чего они становятся недоступными для большинства населения. Что касается радио, то его самой главной и основной проблемой остается географическая зона охвата.

Самым же интересным и перспективным социальным источником распространения информации среди населения, безусловно, является Интернет. При этом, в последнее время всё больше интереса к Интернету, как к источнику информации, проявляют и люди более взрослого возраста. В

целом, Интернет все больше проникает в жизнь человека и общества. Его социальная функция и авторитет все больше возрастает. Его отличительная черта заключается в том, что его структура позволяет работать на опережение в решении проблемы экстремизма и международного терроризма. В этом плане, экспертно-аналитические круги справедливо и аргументированно отмечают его упреждающий фактор.

Упреждающий подход к противодействию использованию Интернета в террористических целях заключается в распространении идей и взглядов, которые обеспечивают альтернативу насилию и нетерпимости, пропагандируемым насильственными экстремистскими организациями. ИКТ-компании располагают технологическим потенциалом и ресурсами для разработки, в сотрудничестве с ОГО и молодежью, хорошо разбирающейся в ИКТ, целенаправленных стратегий и кампаний в области коммуникации, которые будут противостоять идеям воинствующих экстремистов и способствовать развитию культуры терпимости, диалога и не дискриминации. Другие усилия могут быть направлены на расширение прав и возможностей жертв, позволяющих им участвовать в деятельности предотвращения насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, и борьба с ними путем предоставления в их распоряжение интернет-форумов, на которых они могли бы поделиться своей историей [246, с. 51].

Столь подробное разделение и анализ каждого информационного источника в отдельности вполне логично. Оно объясняет социальные роли и востребованность каждого из них в степени информированности населения. В то же время предоставляет возможность для последующей разработки индивидуальных целевых программ, направленных на повышение потенциала проанализированных источников информации.

Постановка проблемы ставит перед нами задачу выявления ключевых направлений деятельности средств массовой информации в противодействии экстремизму и международному терроризму. Правильно выбранное направление позволит эффективно решать поставленную проблему. В

контексте исследуемой проблематики, сложившийся уровень проблемы формирует и предопределяет наиболее приоритетные направления деятельности, на которых имеется сильный социальный спрос.

Сегодня уже неоспоримо, что решение проблемы экстремизма и международного терроризма в обществе невозможно без участия в нем средств массовой информации. В первую очередь это вызвано их социальным предназначением, формирующим обратную связь между государством и человеком.

Как справедливо отмечает Е.В. Андреева: «СМИ сами должны осознать свои интегрирующие функции и взять на себя обязательства, как по объективному и беспристрастному информированию населения, так и по обеспечению информационной безопасности, как в контексте общественности, так и на уровне отдельного гражданина. СМИ в современном мире являют собой важнейший и сильнейший механизм, направленный на реализацию интересов гражданского общества. Пресса должна играть роль интеграции и консолидации, и должна быть выработана такая политика, которая бы отвечала запросам гражданского общества» [102, с. 69].

В этой связи первоочередной задачей выступает информированность широких слоев общества печатными и электронными средствами массовой информации о проблеме экстремизма и международного терроризма. Информированность по праву считается основополагающим и общепризнанным фактором, способным содействовать максимальному пробуждению граждан. Информированность как один из инструментов воздействия на сознание населения актуальна и востребована по целому ряду объективных причин, среди них:

- в первую очередь, в умах людей происходит реальное и объективное понимание всей опасности идеологии экстремизма и международного терроризма для самого общества;

- другим положительным моментом является повышение уровня осведомленности граждан по различным аспектам проблемы экстремизма и

международного терроризма. Общество начинает объективно оценивать причины данного явления, мотивацию участников деструктивных группировок. Осведомленность также раскрывает подлинные цели и задачи экстремистских и международных террористических организаций;

- происходит консолидация и единение нации перед общей угрозой, как на уровне местного сообщества, так и на национальном уровне. Следовательно, значительно повышается возможность более успешного решения проблемы. Таким образом, информированность населения является достаточно значимым и действенным инструментом получения необходимой первичной информации обществом.

Следует отметить, что информированность является комплексной системой, включающей в себя различные функции. Только максимальное использование каждой из этих функций может обеспечить эффективность информированности населения в противодействии идеологии экстремистских и террористических группировок.

В контексте Республики Таджикистан фактор информированности населения неоднократно отмечается экспертами как один из ключевых инструментов решения проблемы экстремизма и международного терроризма. При этом большое внимание уделяется тому, чтобы информированность была направлена на повышение уровня религиозной и правовой грамотности населения страны.

Такой подход обосновывается тем, что незнание основ действующего законодательства также влияет на вовлечение граждан в ряды экстремистских и террористических организаций. Низкий же уровень религиозной культуры и знаний вызывает естественную большую обеспокоенность. Среди населения наблюдается, как незнание основ традиционного Ислама, так и искаженное представление об Исламе и исламских канонах. В то же время происходит подмена ценностей. Как прямое следствие, религиозная неграмотность выступает как один из главных факторов роста и развития экстремизма и терроризма.

Существующий в обществе правовой и религиозный информационный вакуум, на наш взгляд, требует все более активного использования инструмента информированности. На наш взгляд, первостепенной задачей выступает усиление компонента информированности среди целевых групп, в особенности молодежи. Данный шаг позволит значительно повысить уровень правовой и религиозной культуры и грамотности общества.

Подтверждение эффективности компонента информированности населения в противодействии деструктивной идеологии мы находим в классической научной работе американского ученого Г.Д. Лассуэлла в его знаменитом труде «Структура и функции коммуникации в обществе». Еще в 1948 он отметил наличие прямой связи между средствами массовой коммуникации и пропагандой. Лассуэлл впервые приходит к мысли о том, что «самым простым или удобным путем описания акта коммуникации являются ответы на пять следующих вопросов: кто говорит? что говорит? по какому каналу сообщает? кому? с каким эффектом? Зарубежные исследователи коммуникации, связей с общественностью, политологи и социологи считают эту формулу одной из первых и наиболее значимых моделей общения» [109, с. 420].

Большое внимание следует уделить построению самого порядка вопросов, предложенных Г.Д. Лассуэллом. Последовательность расположения самих вопросов такова, что наглядно демонстрирует процесс протекания убеждения.

По нашему глубокому убеждению, теория Г.Д. Лассуэлла подтверждает эффективность использования метода информированности населения в противодействии экстремизму и международному терроризму. Структура модели данной теории имеет ярко выраженный пошаговый характер. Это, в свою очередь, позволяет проследить весь процесс возникновения и дальнейшего продвижения информации от самого начала до конца. В данной модели объектом вопроса «кто говорит?» выступают легальные средства массовой информации. Далее следует сообщение, т.е., их информационный

контент, а канал – это процесс передачи необходимой и актуальной информации. Вопрос, «кому?» раскрывает целевую аудиторию, которой предназначена конкретная информация, и наконец, «эффект» выявляет реакцию самого сообщества на полученную информацию.

Другим направлением деятельности средств массовой информации является активное использование метода нарратива как эффективного метода противодействия экстремизму и международному терроризму. В данном случае также целесообразно отметить, что нарратив – это многофункциональное явление. Нарратив, будучи логичным последовательным повествованием, позволяет сильно воздействовать на сознание людей. В то же время важно и принципиально соблюдение концептуальных рамок при подготовке нарративов.

Важную роль при этом играет соблюдение законов нарратива как способа трансляции значимой информации при использовании любого канала коммуникации. Доверие не может быть обезличенным. Оно возникает не к самому источнику информации (в этом случае картина мира адресата не меняется, поскольку имеющиеся в его сознании установки играют роль своеобразного фильтра), а к ее транслятору (нарратору). Цель нарратора – конструирование в сознании адресата с помощью последовательности отдельных событийных фрагментов более или менее целостной в смыслополагающем плане картины мира. Конвенционально заданная рамками формата значимость сообщения (событие есть то, что изменяет существующую картину мира) предполагает его осмысление – перенос информации из сферы знания в сферу убеждения адресата [127, с. 95].

В целом, широкий интерес к использованию нарративов вызван тем фактом, что они, как правило, легко понимаемы. Создание нарративов не предусматривает строгих утвержденных форматов. Более того процесс воссоздания нарративов полностью творческий, что предполагает креативность и не шаблонность мышления его авторов. Нарратив оказывает наиболее сильное влияние на духовно-нравственные ценности и культурно-

идеологическое сознание людей. Он непосредственно воздействует на внутреннюю сущность человека. При подготовке нарратива, на наш взгляд, важно большое внимание уделять двум основополагающим фактам - идеи и знаниям своего целевого адресата.

В техническом плане распространение и закрепление нарративов в информационном пространстве может происходить при помощи целого ряда средств – от граффити и листовок до сети Интернет. Это связано, в первую очередь, с лёгкостью формирования нарративов и их компактностью. Выживание, закрепление и, по возможности, доминирование нарративов в медиа среде, то есть переход от авторской позиции к официально признанной исторической версии события, зависит от широты их распространения в СМИ как в традиционных (радио, телевидение), так и в альтернативных (социальные сети, блоги) [117, с. 47-48].

Соответственно, средства массовой информации, как справедливо отмечают международные эксперты, выступают универсальным механизмом распространения нарративов. Уже сейчас СМИ играют центральную роль в создании популярных нарративов с помощью репортажей, фотографий, видеороликов и броских заголовков, которые могут формировать то, во что люди верят, какие идеи они принимают и кого или что они поддерживают. Институт мира США утверждает, что максимального воздействия на процесс предотвращения конфликтов и миростроительства можно достичь с помощью следующих пяти стратегий:

1. «Журналистика, учитывающая специфику конфликтов, и миротворческая журналистика.
2. Гражданская журналистика, продвигающая мирные идеи.
3. Развлекательные медиа, продвигающие мирные идеи.
4. Реклама или социальный маркетинг, работающие в интересах миростроительства и предотвращения конфликтов.
5. Регулирование СМИ для предотвращения подстрекательства к насилию» [207, с. 167].

Сложившаяся ситуация относительно восприятия нарративов в национальных экспертно-аналитических кругах, на наш взгляд, не удовлетворительная. Так, в настоящее время фактор нарратива как одного из эффективных инструментов противодействия идеологии экстремизма и международного терроризма не поднимается в научной среде отечественными экспертами. Тем не менее, на наш взгляд, именно в контексте Республики Таджикистан использование средствами массовой информации метода нарративов актуально и востребовано в настоящее время. Сегодня наблюдается отсутствие адаптированного нарратива, соответствующего реалиям страны. Нарратив позволит обществу получить обоснованную альтернативную точку зрения. Как информационный продукт нарратив является достаточно мощным и эффективным инструментом. Будучи, по своей социальной миссии, прямым вызовом, нарративы могут сильно дискредитировать идеологию экстремистских и террористических группировок в глазах общественности.

В целом, относительно актуальности использования нарративов большой интерес представляет точка зрения профессора Г. Почепцова – основателя оригинальной школы медиа коммуникаций и коммуникативных технологий. Так, он отмечает, что «нарративы формируют не только понимание прошлого, но и программируют будущее. Они дают варианты того или иного будущего, из знания которого возникает возможность рационального выбора. Каждое движение вперед опирается на тот или иной нарратив, который является не только интерпретацией прошлого, но и проекцией будущего» [248].

Следующим важным компонентом средств массовой информации в противодействии идеологии экстремизма является нравственно-воспитательная составляющая. Её актуальность состоит в том, что в период трансформации общества и переоценки моральных устоев вопрос нравственности приобретает особое значение.

В это время, как правило, происходит пересмотр социальных традиций и устоев, которые непосредственно и формировали нравственность общества. Ценности начинают подвергаться сомнению или же они наполняются новыми смыслами и трактовками, а иногда взамен обществу предлагают новые ценности. Их практическим результатом, соответственно, становится иное мировоззрение и новые социальные ориентиры, особенно у молодежи. Важно также то, что нравственность предопределяет не только поведение человека в обществе, но фактически формирует морально-духовные ценности человека.

Большой интерес в этой связи представляет точка зрения профессора Н.В. Розенберг о непосредственном влиянии средств массовой информации на внутреннее состояние человека. Она отмечает, что «исходя из большого количества факторов, влияющих на формирование образа жизни, под данной дефиницией можно понимать, как осознанное, так и стихийное построение жизни на основе ценностно-мировоззренческих ориентиров, менталитета и пр., а также под влиянием внешних факторов, которыми в эпоху информационной цивилизации выступают средства массовой информации. Именно они сегодня оказывают определяющее влияние на стереотипы поведения, стратегии и жизненные установки молодого поколения. Средства массовой информации, как один из важнейших социальных институтов современности, оказывают серьезное влияние на формирование образа жизни молодежи» [257, с. 5].

В обществе сформировалась качественно новая система ценностных ориентаций, выступающая как ключевой мотиватор социальной деятельности индивида. Она раскрывает, как саму причину действий и поступков отдельно взятого человека, так и демонстрирует их наиболее значимые и приоритетные ценности. В этом контексте актуальна теория ценностных ориентаций Милтона Рокича [309, с. 22]. В практическом плане она позволит определить социальное поведение индивида.

В настоящее время это особенно характерно в контексте Республики Таджикистан. Государство вступило в качественно новую стадию своего

развития. Наступивший исторический период ознаменовал собой полную переоценку духовно-моральных ценностей, как светского, так и религиозного характера.

Многовековые традиции и обычаи, в том числе религиозные, стали не просто отвергаться определенной частью населения, прежде всего, молодежью, а была поставлена цель их полного искоренения из жизни народа. Такое поведение было характерно для граждан, поддерживающих идеологию экстремистских и террористических группировок.

Как показывают анализы, одной из основных целей экстремистов и террористов заключается в пополнении своих рядов. Будучи хорошими психологами, они знают, что и как говорить. Экстремисты и террористы позиционируют себя в обществе как единственно истинных приверженцев Ислама. Активно используют религию в своих целях, попрекая религиозные чувства других людей. Они устойчивы в своих убеждениях, могут посредством проповедей завербовать других граждан. Самым главным для них является как можно большее привлечение людей в свои ряды. Соответственно, чем больше у них последователей, тем значительнее становятся их возможности для достижения поставленных корыстных целей.

В целом, восприятие индивидом экстремистской идеологии наглядно подтверждает наличие серьезного отклонения в духовно-нравственном развитии человека. В этом контексте следует отметить правильность и объективность суждения российских экспертов Н.А. Бобровой и С.И. Ивентьева, о том, что экстремизм и террор – это не только уголовные, но и духовно-нравственные преступления. Системность рассматриваемых пороков во многом обусловлена девальвацией системы духовно-нравственных ценностей, а также связана с острым конфликтом духовно-нравственных и материальных потребностей человека, на что мало обращается внимание государством и научной общественностью. То есть, система безопасности образовательного пространства находится вне контекста сбалансированных

духовно-нравственных и материальных потребностей души, духа и тела человека [107, с. 48].

В контексте всего вышесказанного важным становится эффективное использование потенциала средств массовой информации как одного из ключевых инструментов противодействия исследуемой угрозе. Можно смело констатировать, что главным является качество самого предлагаемого обществу информационного продукта. Так, именно качественный информационный продукт во многом будет предопределять успех всего процесса противодействия идеологии экстремизма и международного терроризма в обществе.

Задача СМИ сегодня заключается не только в разоблачении скрытых проявлений экстремизма и терроризма, но и в направлении средств на формирование антиэкстремистских настроений в обществе путем воздействия на него через массовую культуру: фильмы, книги, выставки, концерты, общественные мероприятия. Неотъемлемой частью создания и формирования подобного контента должна быть достоверность, правдивость, подкрепленная историческими фактами, не искаженная «во благо» в ходе времени.

Как отмечают российские исследователи А.А. Томова, А.А. Сардарян и С.А. Кропачева, «СМИ сегодня – это самое оперативное и эффективное средство воздействия на массовое сознание и сфера противодействия терроризму и экстремизму. Необходимо в полной мере использовать все профилактические возможности СМИ, чтобы создать информационно-психологическое противодействие террористическим и экстремистским организациям. Ведь основная цель информационной сферы – это устранение каналов информационного воздействия экстремистских и террористических преступных сообществ» [171, с. 431].

Анализы показывают, что именно деятельность средств массовой информации является решающим фактором, способным наиболее эффективно противодействовать пропаганде деструктивных идей в обществе. В этой связи целесообразно создание информационных продуктов по социальному,

гендерному и возрастному аспекту. Разработка новых передовых образовательных программ и модулей с применением новейших информационно-коммуникационных технологий. В работу должны активно вовлекаться представители институтов гражданского общества. Эффективность информационных продуктов в сфере противодействия экстремизму и терроризму напрямую зависит от глубины анализа детерминант данных явлений как на локальном, так и на национальном уровнях. Комплексный подход к трансляции качественного контента выступает необходимым условием повышения уровня правовой грамотности и социальной осведомленности населения в вопросах предотвращения угроз международного терроризма.

Целевым вектором деятельности массмедиа в рамках противодействия радикальным идеологиям является трансляция конструктивных ценностных ориентиров, способствующих социализации подрастающего поколения. Приоритетной задачей данной работы выступает воспитание гармонично развитой личности, обладающей критическим мышлением и устойчивой приверженностью правовым и этическим нормам общества, что служит ключевым фактором профилактики девиантного поведения в подростковой и молодежной среде.

Соответственно, всестороннее взаимодействие со СМИ в качестве независимого партнёра – это возможность для усиления поддержки жертв со стороны общества, устранения и снижения страха и стигмы, а также для улучшения понимания обществом процесса реабилитации и реинтеграции возвращенцев, а также своей роли.

Эффективная работа местных сообществ через СМИ означает установление контактов между официальным пресс-центрами, СМИ и блогерами. Регулярные встречи в рамках совместных семинаров или мастер-классов между журналистами и представителями власти будут способствовать укреплению доверия и обеспечит эффективное функционирование таких коммуникационных платформ [79, с. 115].

В этой связи важно подчеркнуть, что отмеченные направления деятельности средств массовой информации в контексте противодействия идеологии экстремизма и международного терроризма являются востребованными и своевременными. Их практическое использование приведет к серьезному изменению самого информационного контента, сделав его более качественным и эффективным. Тем самым, он станет самым серьезным заслоном на пути проникновения и распространения идеологии экстремизма и международного терроризма в широкие слои населения.

Выводы

1. В вопросе эффективного противодействия экстремизму и международному терроризму потенциал средств массовой информации огромен. В то же время данный ресурс обладает своей исключительностью и универсальностью. Практическое использование СМИ новейших технологий делает их возможности фактически безграничными. Это заключается в том, что именно их информационный продукт в конечном итоге и сформирует отношение общества к социальным процессам. Также СМИ, будучи универсальным социальным инструментом, позволяют государству довести официальную позицию до населения, тем самым влиять на сознание людей и, прежде всего, молодёжи.

2. Средства массовой информации оказывают сильное и решающее влияние на формирование эффективной обратной связи между государством и обществом в решении проблемы экстремизма и международного терроризма. Обратная связь является ключевым фактором, позволяющим выработать единые механизмы взаимодействия, сформировать отношение к данной проблеме и содействовать консолидации общества в деле предотвращения насильственного экстремизма и терроризма.

3. Систематическое информирование граждан через средства массовой информации выступает фундаментальным инструментом противодействия деструктивной идеологии экстремизма и терроризма. Рост уровня осведомленности и экспертной компетентности населения позволяет не только

повысить общую грамотность в вопросах безопасности, но и формирует у субъектов устойчивые навыки критического анализа радикального контента. В конечном итоге, именно уровень информированности становится определяющим фактором развития поведенческой культуры личности, способствуя институционализации морально-ценностных ориентиров, несовместимых с идеологией насилия

4. Использование нарративных стратегий является высокоэффективным инструментом противодействия радикальным идеологиям, позволяющим через формирование альтернативных смысловых каркасов деконструировать экстремистские установки в общественном сознании. Первоначально следует отметить, что нарративы имеют социальное предназначение. Сквозь призму повествования обществу предлагается убедительная точка зрения на острые социальные проблемы. Тем самым они оказывают сильное воздействие на сознание человека. Содержание и структура нарратива позволяет гораздо глубже и комплексно рассмотреть исследуемую проблему.

5. На наш взгляд именно нравственно-воспитательный компонент работы средств массовой информации является одним из приоритетных и ключевых направлений их деятельности. Это способствует формированию духовных ценностей и консолидации нации. В измерении индивида нравственно-воспитательные ценности являются естественными и базовыми, формируя его жизненные ориентиры и принципы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое нами исследование показало, что проблема экстремизма и терроризма имеет достаточно длительную историю. В то же время эта угроза до сих пор является актуальной, приобретая все более угрожающие масштабы.

Текущий уровень угрозы экстремизма и терроризма достиг масштаба, не имеющего аналогов в истории человечества. В результате, экстремизм и терроризм стали оказывать сильное влияние на безопасность современных государств. Проявление этих угроз в жизнедеятельности общества имеет чрезвычайно негативные последствия для государства. В конечном итоге деятельность деструктивных организаций приводит не только к расколу самого общества, но и способствует социально-политической дезорганизации и деморализации общества в целом.

Исходя из этого, во все времена поиск путей решения данного вопроса являлся весьма актуальным и востребованным. В различные исторические периоды выдающиеся мыслители, ученые, аналитики и эксперты стремились найти наиболее оптимальное решение столь сложной социальной проблематики. Несмотря на значительный эмпирический опыт, накопленный мировым сообществом в сфере противодействия экстремизму и терроризму, теоретическая база данных процессов остается дискуссионной. Анализ научной литературы демонстрирует отсутствие консенсуса в вопросах детерминации и механизмов интериоризации радикальных идеологий, а также выявляет наличие диаметрально противоположных подходов к разработке эффективных стратегий нейтрализации данных угроз, что обуславливает необходимость дальнейшего междисциплинарного изучения проблематики.

Наличие притягивающих факторов экстремизма и терроризма требует от общества принятия самых решительных мер по их искоренению. По своей сути общество должно вести бескомпромиссную борьбу с насильственным экстремизмом и терроризмом. Главное то, что в этой борьбе общество должно осознать, что экстремизм и терроризм противоречат самой природе человека и

не могут быть привлекательными. Экстремизм и терроризм не являются единственными источниками решения существующих в обществе насущных проблем. Более того, общество должно осознать, что экстремизм и терроризм являются главным препятствием на пути социально-экономического развития государства. Важно осознать и помнить, что ни одна идеология не может быть оправданием экстремизма и терроризма.

Подталкивающие факторы в лице социально-экономических проблем оказывают наиболее сильное влияние на формирование мировоззрения человека. Наличие проблем в данных сферах всегда становится причиной социального недовольства. Потенциально оно может стать мощным катализатором вовлечения людей в ряды деструктивных группировок.

Социально-экономические проблемы в обществе предоставляют экстремистским и террористическим организациям широкое поле для маневра. Они активно используют существующие в обществе трудности для вовлечения новых членов в свои ряды. Бедный и потенциально не имеющий перспектив выйти из своего финансового кризиса человек фактически может легко попасть в их сеть.

Долгие годы экспертами и государственными деятелями упор делался исключительно на силовые действия. При этом фактически не обращали внимания на факторы, порождающие данное социальное явление. Однако, в научных и экспертно-аналитических кругах в последнее время все более широко стал внедряться качественно иной подход, во главе которого стоит ненасильственный гражданский метод решения данного вопроса. Безусловно, от использования силового метода в борьбе с экстремизмом и терроризмом в ближайшее время не откажется ни одна страна.

В то же время необходимо отметить, что проблема изучения психологии экстремиста и террориста относится к числу наиболее дискутируемых и по праву принадлежит к группе трудно исследуемых вопросов. Фактор психологии и ментального состояния участника экстремистского и террористического сообщества представляет интерес по причине того, что оно

раскрывает не только их внутреннюю идентичность, природную сущность, но и мотивацию, приведшую их в деструктивные организации. В то же время данный фактор выявляет и общественные задачи, то есть, предполагаемые социально-политические цели и намерения.

По нашему глубокому убеждению, именно профилактика деструктивной идеологии становится все более актуальным и востребованным. Наиболее эффективным и востребованным инструментом в проведении профилактической работы выступают институты гражданского общества. Эффективная профилактическая работа позволяет позитивно влиять на мировоззрение, как отдельно взятого индивида, так и местного сообщества. Соответственно практическое и повсеместное использование институтов гражданского общества в противодействии угрозе экстремизма и терроризма в условиях Республики Таджикистан станет принципиально новым подходом. Стратегия вовлечения институтов гражданского общества в противодействие экстремизму и терроризму обусловлена необходимостью адаптации к современным вызовам, что детерминирует поиск и внедрение инновационных, нетривиальных подходов к нейтрализации радикальных угроз.

В современных исследованиях наблюдается закономерная трансформация методологических подходов к противодействию экстремизму и терроризму, связанная с переосмыслением роли институтов гражданского общества. Научный дискурс все более акцентирует внимание на необходимости интеграции гражданского сектора в систему обеспечения национальной безопасности, рассматривая его потенциал не как вспомогательный, а как концептуально значимый фактор профилактики радикализации и нейтрализации угроз.

Исследование социально-политических проблем современных государств свидетельствует об усилении роли институтов гражданского общества, чья вовлеченность в процессы государственного управления и профилактики деструктивных проявлений рассматривается сегодня как ключевой индикатор эффективности национальной стратегии безопасности.

Подобная высокая оценка строится на том, что их деятельность стала рассматриваться как один из основных социальных индикаторов. Также авторитетные международные институты воспринимают их ключевым фактором развития общества. В настоящее время общепризнанной мировой тенденцией является возрастание удельного веса вовлечения институтов гражданского общества в жизнедеятельности местного сообщества. Их практическая деятельность затрагивает различные социально-экономические, культурно-гуманитарные и иные значимые аспекты. Данный фактор является наглядным показателем социального спроса в их практической деятельности.

Понимание и признание главенствующей роли социума в эффективном противодействии экстремизму и терроризму, на наш взгляд, является важным результатом. Это свидетельствует об осознании того факта, что решение данной проблемы невозможно исключительно в силовой плоскости. В то же время важно отметить, что своё решающее влияние оказал фактор эффективности деятельности институтов гражданского общества в решение существующих социальных проблем.

Для Республики Таджикистан институты гражданского общества стали неотъемлемой частью жизнедеятельности общества. Они стали появляться в последние годы советской власти. После обретения государственной независимости данный процесс в стране только усилился. Процесс становления и развития институтов гражданского общества в Республике Таджикистан не носил системного характера, а имел ярко выраженный спонтанный характер.

Практическая деятельность институтов гражданского общества зависит, прежде всего, от стабильной финансовой составляющей. Донорами, предоставляющими финансирование, выступают международные организации. Фактор сильной и прямой зависимости от иностранных спонсоров продолжает оказывать сильное влияние на устойчивое выполнение их социальных функций.

В то же время при всех существующих проблемах в деятельности институтов гражданского общества эксперты справедливо отмечают, что именно они являются уникальной социальной структурой. Их деятельность позволяет гражданам принимать личное активное участие в решении насущных проблем своего общества в рамках действующего законодательства. Сегодня повестка практической деятельности институтов гражданского общества в стране неукоснительно расширяется. Согласно последним национальным тенденциям, в деятельности институтов гражданского общества фактически не осталось ни одной значимой сферы, где бы они не были вовлечены.

В настоящее время институты гражданского общества, особенно на местах, прилагают огромные усилия в налаживание партнерских контактов с заинтересованными сторонами. В частности – это государственные органы, международные организации, официально аккредитованные в стране. Институты гражданского общества стремятся получить социальную поддержку у местного сообщества. В контексте отмеченных проблем, стоящих перед институтами гражданского общества, целесообразным выглядит формирование необходимых для них условий. Поддержка позволит им стать полноправным, активным и востребованным сегментом общества.

Привлечение потенциала институтов гражданского общества к противодействию экстремизму и терроризму является общепризнанным вектором в современной научной дискуссии. Учитывая универсальный характер данных угроз, затрагивающих интересы всех социальных групп независимо от их демографических, конфессиональных или мировоззренческих характеристик, приоритетной задачей государства и социума становится формирование глобальной системы антитеррористической устойчивости. В современных реалиях критически важным представляется развитие способности к эффективному противодействию радикальным проявлениям, как на уровне индивидуального

критического сознания, так и в рамках консолидированной деятельности местных сообществ.

В свою очередь, в контексте политики Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму необходимо отметить, что наша страна имеет один из самых богатых опытов в регионе. В качестве одного из региональных лидеров в сфере превентивной безопасности Республика Таджикистан в 2016 году оперативно разработала и запустила в практику государственного управления Национальную стратегию по противодействию экстремизму и терроризму на период до 2020 года. Данный шаг позволил сформировать фундаментальный концептуальный базис для системного планирования оборонной политики и нивелирования деструктивных вызовов.

На уровне масштабного и фундаментального документа, коим является Национальная стратегия, государством признается, что сегодня экстремизм и терроризм является основной угрозой безопасности страны.

Принятие и реализация Национальной стратегии Таджикистаном демонстрирует стремление и политическую волю государства в решении проблемы экстремизма и терроризма. В то же время стоит особо подчеркнуть, что Таджикистан при реализации Стратегии опирается на содействие институтов гражданского общества в профилактике экстремизма и терроризма в обществе.

Многолетний опыт противодействия экстремизму и терроризму подтверждает многофакторную природу данных угроз, детерминированных сложным переплетением социально-экономических, политико-правовых, идеологических и культурно-нравственных деформаций.

Преодоление столь широкого спектра деструктивных факторов невозможно исключительно административными мерами. Оно требует системной интеграции институтов гражданского общества в антитеррористическую повестку. Эффективное использование потенциала институтов гражданского общества выступает ключевым условием нейтрализации радикализма, поскольку именно на местном уровне

обеспечивается глубокое понимание специфики проявления угроз, что позволяет вырабатывать наиболее адекватные и адресные стратегии реагирования. Другим важным преимуществом институтов гражданского общества в противодействии экстремизму и терроризму является возможность формирования прочного и эффективного канала обратной связи между местным сообществом и вовлечёнными сторонами. Также это содействует формированию личной ответственности индивида перед обществом, что также, по нашему мнению, очень важно в контексте решения проблемы экстремизма и терроризма. И, наконец – это фактор укрепления общественного доверия, как результат более активного и взаимовыгодного сотрудничества государственных органов и институтов гражданского общества в местном сообществе.

Институты гражданского общества Республики Таджикистан, на наш взгляд, являются очень важной и созидательной социальной силой. Практическое использование их потенциала внесет огромный вклад в профилактике экстремизма и терроризма.

В целом, анализируя непосредственный вклад институтов гражданского общества в противодействии экстремизму и терроризму, необходимо подчеркнуть их востребованность. Практический вклад институтов гражданского общества в успешном противодействии экстремизму и терроризму заключается в том, что данный сектор сформирован из числа различных слоев общества страны. Соответственно, их деятельность основана на принципе добровольности. В результате, общество вносит свой собственный непосредственный вклад в решение проблемы экстремизма и терроризма.

В то же время необходимо отметить еще один немаловажный фактор, который самым непосредственным образом увеличивает масштаб исследуемой проблемы. Это использование информационно-коммуникационных технологий, которые позволяют деструктивным структурам осуществлять виртуальный процесс вербовки. Преимущество

виртуальной вербовки в том, что эмиссары могут завербовать человека, который географически находится на другой части Земли. Также личность самого вербовщика остается не только не раскрытой, но даже тяжело будет определить его реальное месторасположение. Самое главное, в случае появления внезапной опасности разоблачения, вербовщик может просто прервать процесс вербовки.

Современный экспертно-аналитический дискурс постулирует, что повышение эффективности антитеррористической деятельности невозможно без приоритетного использования превентивных механизмов, среди которых ключевую роль играют информационные инструменты. В данном контексте системное воздействие через медиа-ресурсы направлено не только на нейтрализацию радикального контента, но и на формирование идеологического иммунитета общества, препятствующего распространению экстремистских и террористических установок.

С экспертной точки зрения, значительный превентивный потенциал средств массовой информации в противодействии экстремизму и терроризму позволяет рассматривать их в качестве одного из определяющих инструментов формирования системы общественной безопасности. В то же время данный ресурс обладает своей исключительностью и универсальностью. Практическое использование средствами массовой информации новейших технологий делает их возможности фактически безграничными. Это заключается в том, что именно их информационный продукт и формирует отношение общества к социальным процессам. Средства массовой информации, будучи универсальным социальным инструментом, также позволяют государству довести официальную позицию до населения, тем самым влияя на сознание людей и, прежде всего, молодежи.

Средства массовой информации выступают определяющим фактором в институционализации эффективной обратной связи между государством и обществом, необходимой для решения проблем экстремизма и терроризма. Полноценный коммуникативный диалог служит фундаментальным условием

выработки консолидированных механизмов взаимодействия, формирования общественной позиции по вопросам безопасности и достижения социального единства в противодействии радикальным идеологиям.

Использование нарративных стратегий является высокоэффективным инструментом противодействия радикальным идеологиям, позволяющим через формирование альтернативных смысловых каркасов деконструировать экстремистские установки в общественном сознании. Первоначально следует отметить, что нарративы имеют социальное предназначение. Сквозь призму повествования обществу предлагается убедительная точка зрения на острые социальные проблемы. Тем самым они оказывают сильное воздействие на сознание человека. Содержание и структура нарратива позволяет гораздо глубже и комплексно рассмотреть исследуемую проблему.

На наш взгляд, именно нравственно-воспитательный компонент работы средств массовой информации является одним из приоритетных и ключевых направлений их деятельности. Это способствует формированию духовных ценностей и консолидации нации. В измерении индивида нравственно-воспитательные ценности являются естественными и базовыми, формируя его жизненные ориентиры и принципы.

Касательно участия неправительственных организаций в противодействии экстремизму и терроризму стоит отметить, что использование их потенциала заметно усилит возможности всего общества в решение данной проблемы. В то же время будет создан механизм обратной связи, что позволит государству более эффективно и своевременно воздействовать на рассматриваемую проблему.

Другим, не менее важным фактором, является культура, которая формирует внутренний мир человека и его идентичность. В контексте противодействия экстремизму и терроризму культура обладает неисчерпаемым потенциалом. Говоря о практических преимуществах использования культурного фактора, можно отметить, что внедрение в широкие массы антиэкстремистского и антитеррористического культурного

продукта является наиболее универсальным и действенным социальным инструментом. Наряду с этим, именно культура содействует процессу социализации человека.

Таким образом, проведённое нами комплексное исследование позволяет сделать целевые практические рекомендации, позволяющие качественно изменить существующую ситуацию. Осознавая масштаб проблемы экстремизма и терроризма, качественные рекомендации позволят оказать сильное воздействие на решение столь сложной и актуальной проблемы.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Дальнейшее усовершенствование нормативно-правового обеспечения деятельности институтов гражданского общества в противодействии экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан. Содействие созданию профильных неправительственных организаций, непосредственно работающих в этой сфере.

2. Для повышения эффективности антитеррористической деятельности необходимо институционализировать статус институтов гражданского общества в качестве равноправных стратегических партнеров государства, а также обеспечить системную государственную поддержку социально значимым инициативам и экспертным проектам, направленным на превентивную профилактику идеологии экстремизма и терроризма.

3. Организация качественно новой информационной политики относительно институтов гражданского общества путём формирования их позитивного образа в социуме. Они должны преподноситься как эффективный и равноправный социальный партнер. При этом также важно отказаться от негативной риторики с целью дискредитации и подрыва доверия институтов гражданского общества в глазах широкой общественности. При таком подходе происходит процесс консолидации нации вокруг решения проблемы экстремизма и терроризма. Формируется обратная связь между государством

и обществом. Данный вектор взаимодействия позволяет существенно повысить результативность антитеррористических мероприятий за счет синергетического эффекта, возникающего при объединении государственных ресурсов и экспертно-аналитического потенциала гражданского общества.

4. Необходимо осуществить оптимизацию административно-правового регулирования, направленную на устранение барьеров для реализации потенциала гражданских институтов, а также внедрить диверсифицированные механизмы их практического взаимодействия с государством, что позволит существенно расширить роль институтов гражданского общества в профилактике и противодействии идеологии экстремизма и терроризма.

5. Концептуализация и реализация актуальных стандартов профессиональной деятельности институтов гражданского общества, обеспечивающих повышение уровня их институциональной прозрачности и легитимности, а также обеспечить систематическое вовлечение представителей гражданского сектора в процесс экспертной разработки и верификации нормативно-правовых актов, государственных стратегий и программ, направленных на противодействие экстремизму и терроризму

6. Создание постоянно действующей дискуссионной платформы, состоящей, как из числа представителей государственных министерств и ведомств, так и институтов гражданского общества. С учетом существующих проблем институтов гражданского общества государственным министерствам и ведомствам рекомендуется содействовать развитию их потенциала с целью укрепления их социальной вовлеченности.

7. Актуально проведение общенационального эмпирического мониторинга, направленного на детерминацию мотивационного профиля молодежи в контексте рисков вовлечения в радикальные сообщества. Системный анализ факторов рекрутирования позволит не только верифицировать глубинные причины уязвимости различных социальных групп, но и перейти к разработке научно обоснованных, превентивных

стратегий адресного характера, ориентированных на нивелирование конкретных идеологических и психосоциальных триггеров радикализации.

8. Фундаментальным условием обеспечения эффективности антитеррористической деятельности в современных условиях является приоритетная оптимизация информационного пространства, выступающая ключевым вектором превентивной стратегии государства. Первоначально необходимо собрать максимальное количество нужной информации и провести объективный контент-анализ печатных и электронных средств массовой информации. Другим направлением является контрпропаганда в социальных сетях, Интернет-ресурсах, в телевизионной и печатной периодике. Столь повышенное внимание к информации вызвано тем, что она играет решающую роль в успешной борьбе с экстремизмом и терроризмом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативно-правовые акты

- [1]. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 21.04.2022 г.)
- [2]. Декларация об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_141.shtml (дата обращения: 01.07.2021)
- [3]. Закон Республики Таджикистан «О праве на доступ к информации» от 18 июня 2008 года, № 411 // URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?asosi_id=1767 (дата обращения: 20.04.2022).
- [4]. Закон Республики Таджикистан «Об общественных объединениях» [Электронный ресурс]. – URL: <https://mmih.tj/Search/DocumentView?DocumentId=31267> (дата обращения: 14.05.2020)
- [5]. Конституция Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 14.06.2020)
- [6]. Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан: утв. Постановлением Правительства РТ от 7 ноября 2003 г. № 1175 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mmih.adlia.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=128334&compareid=128334#> (дата обращения: 18.06.2020)

- [7]. Концепция развития культуры Республики Таджикистан: утв. Постановлением Правительства РТ от 30 декабря 2005 г. № 501 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=31990> (дата обращения: 19.06.2020)
- [8]. Қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Оид ба таҷрибаи судии баррасии парвандаҳои ҷиноятӣ дар бораи ҷиноятҳои дорои хусусияти террористӣ ва экстремистӣ»: аз 12 июни соли 2014, № 1 // Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон: – URL: <https://sud.tj/upload/documents/plenum/2.UD.TJ/36.pdf> (санаи мурочиат: 09.04.2025)
- [9]. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Душанбе. – 104 с. – URL: [http://ef-ca.tj/publications/02.2_rus\(FILEminimizer\).pdf](http://ef-ca.tj/publications/02.2_rus(FILEminimizer).pdf) (дата обращения: 21.06.2020)
- [10]. Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016–2020 годы. – Душанбе: ООО «Контраст», 2016. – 79 с.
- [11]. Национальная целевая научно-исследовательская концепция по вопросам развития человека, дальнейшего обеспечения демократических принципов и развития гражданского общества на 2013–2028 годы: утв. Постановлением Правительства РТ от 2 июля 2013 г. № 288 [Электронный ресурс]. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=62162 (дата обращения: 04.09.2023)
- [12]. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/77/298 «Обзор Глобальной контртеррористической стратегии» от 22 июня 2023 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/77/298> (дата обращения: 20.04.2024)

- [13]. Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы. – Душанбе, 2021. – 174 с.

II. Выступления, Ежегодные послания и труды Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики

Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона

- [14]. Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики республики от 28 декабря 2024 г. // Президент Республики Таджикистан: [Электронный ресурс]. – URL: <https://president.tj/event/missives/49237> (дата обращения: 28.12.2025)
- [15]. Рахмон Э. Выступление на встрече с активистами, представителями общественности и религиозными деятелями страны. [Электронный ресурс]. – URL: <https://president.tj/event/speeches/37087> (дата обращения: 15.03.2025)
- [16]. Рахмон Э. Выступление на заседании Национального совета развития. [Электронный ресурс]. – URL: <https://president.tj/event/speeches/37766> (дата обращения: 14.08.2024)
- [17]. Рахмон Э. Выступление на Международной конференции высокого уровня на тему «Международное и региональное сотрудничество в области безопасности границ и пограничного контроля для борьбы с терроризмом и предотвращения передвижения террористов». [Электронный ресурс]. – URL: <https://president.tj/event/speeches/26767> (дата обращения: 18.03.2025)
- [18]. Рахмон Э. Выступление на Международной конференции на тему «Укрепление международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и создание эффективных механизмов безопасности границ – Кувейтский этап «Душанбинского процесса». [Электронный ресурс]. – URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/16070/vystuplenie-na-mezhdunarodnoi-konferentsii-na-temu-ukreplenie-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-borbe->

[s-terrorizmom-i-sozdanie-effektivnykh-mekhanizmov-bezopasnosti-granits-kuveitskii-etap-du](#) (дата обращения: 27.01.2025)

- [19]. Раҳмон Э. Выступление на пленарном заседании Конференции высокого уровня «Международное и региональное сотрудничество в борьбе против терроризма и источников его финансирования, в том числе незаконного оборота наркотиков и организованной преступности». [Электронный ресурс]. – URL: https://president.tj/event/domestic_trips/18298 (дата обращения: 25.01.2025)
- [20]. Раҳмон Э. Имоми Аъзам ва хуввияти миллӣ [Текст] / Э. Раҳмон. – Хучанд, 2009. – 88 с.
- [21]. Раҳмон Э. Тоҷикистон: дар роҳи демократия ва ҷомеаи мутамаддин [Текст] / Э. Раҳмон. – Душанбе: Ирфон, 1996. – 312 с.
- [22]. Раҳмонов Э. Ваҳдат, сулҳ ва бунёдкорӣ мароми мост! [Текст] / Э. Раҳмонов. – Душанбе: Ирфон, 2000, 160 с.

III. Книги

- [23]. Авдеев, Ю.И. Религиозный терроризм: особенности формирования, современная роль, характерные черты [Текст] // Терроризм и религия / научный редактор В.Н. Кудрявцев; сост. Л.В. Брятова. Обществ.-консультативный совет по проблемам борьбы с международным терроризмом РАН. – М.: Наука, 2005. – 199 с.
- [24]. Аджемоглу, Д. Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы [Текст] / Д. Аджемоглу, Дж. А. Робинсон. пер. с английского Г. П. Савченко. – Москва: АСТ, 2021. – 704 с.
- [25]. Алексеев, Р. А. Гражданское общество. Проблемы становления и развития в России (правовой аспект) [Текст] / Р.А. Алексеев. – М.: ИИУ МГОУ, 2013. – 96 с.
- [26]. Аристотель. Сочинения: в 4 т. [Текст] / Аристотель. – Москва: Мысль, 1983. – Т. 4. 830 с.

- [27]. Армстронг, К. Поля крови: Религия и история насилия [Текст] / К. Армстронг. пер. с английского Г. Ястребов. Москва: Альпина нон-фикшн, 2016. 538 с.
- [28]. Атран С. Разговаривая с врагом. Религиозный экстремизм, священные ценности и что значит быть человеком. – М.: Карьера Пресс, 2016. – 608 с.
- [29]. Бауман, З. Законодатели и толкователи [Текст] / З. Бауман. пер. с английского А. Корбута. – Москва: Новое издательство, 2008. – 256 с.
- [30]. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Текст] / Д. Белл. пер. с английского. Изд. 2-ое, испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
- [31]. Бергер, П.Л. Священная завеса: элементы социологической теории религии [Текст] / П.Л. Бергер. пер. с английского Р. Сафронова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2019. – 208 с.
- [32]. Бжезинский, З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы [Текст] / З. Бжезинский. пер. с английского О. Ю. Уральской. – Москва: АСТ, 2021. – 256 с.
- [33]. Бузыкина, Ю. С. Отношение к экстремизму: региональный аспект: монография [Текст] / Ю.С. Бузыкина. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания ЮКОМ», 2017. – 93 с.
- [34]. Бурковская, В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. [Текст] / В.А. Бурковская – М.: Издатель Пресс, 2005. – 216 с.
- [35]. Грачев, А. С. Политический экстремизм. [Текст] / А.С. Грачев. – М.: Мысль, 1986. – 276 с.
- [36]. Грачева, Т. В. Когда власть не от Бога: алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. [Текст] / Т.В. Грачева. – Рязань: Зерна-Слово, 2010. – 318 с.
- [37]. Гурр, Т. Р. Почему люди бунтуют [Текст] / Т. Р. Гурр. – Санкт-Петербург: Питер, 2005. – 464 с.

- [38]. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы [Текст] / Р. Дарендорф. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 288 с.
- [39]. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты: опыт систематического исследования [Текст] / А.Л. Дворкин. – 3-е изд. – Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2014. – 816 с.
- [40]. Дестют де Траси, А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова [Текст] / пер. с фр. Д.А. Ланина. – М.: Академический проект, 2018. – 255 с.
- [41]. Добаев, И. П. Исламский радикализм: социально-философский анализ [Текст] / И. П. Добаев; отв. ред. А. В. Малащенко. – Ростов-на-Дону: Изд-во «СКНЦ ВШ», 2002. – 120 с.
- [42]. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя. Декабрь 1876 г. [Текст] // Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1982. – Т. 24. 521 с.
- [43]. Друкер, П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке [Текст] / П. Ф. Друкер. Пер. с англ. Н. Макаровой. – Москва: Вильямс, 2004. – 272 с.
- [44]. Зайферт, А. К. Гражданское противодействие религиозному радикализму в Центральной Азии – с чего начинать? [Текст] / отв. ред. В.А. Кузнецов; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 69 с.
- [45]. Зеленков, М. Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект) [Текст] / М.Ю. Зеленков. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. – 244 с.
- [46]. Зоир, Ч. М. Муқовимат бо терроризм ва экстремизм (курси лексияҳо) [Текст] / Ч. М. Зоир, А. Ғ. Холиқзода, Ф. М. Қосимов. – Душанбе: Академияи идоракунии давлатии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2022. – 440 с.
- [47]. Иглтон, Т. Идеология: Введение [Текст] / Т. Иглтон. – Москва: Канон+, 2013. – 256 с.

- [48]. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: колл. монография [Текст] / под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. – СПб.: Петрополис, 2017. – 300 с.
- [49]. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс. Пер. с англ. под научной редакцией О. И. Шкаратана. – Москва: Издательский дом ВШЭ, 2000. – 608 с.
- [50]. Квинт В.Л. Теория и практика стратегирования. [Текст] / В.Л. Квинт. – Ташкент. «Тасвир», 2018. – 160 с.
- [51]. Кепель, Ж. Пророк и фараон: Религиозные движения в современном Египте [Текст] / Ж. Кепель. – Москва: [б.и.], 2011. – 288 с.
- [52]. Козер Л. Функции социального конфликта. [Текст] / Л. Козер. – М.: «Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги», 2000. – 208 с.
- [53]. Кочубей М.А. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. Монография [Текст] / М.А. Кочубей, П.Л. Мареев, А.А. Смирнов, Е.В. Сутормина. – СПб.: ООО «Издательство «Русь», 2018. – 96 с.
- [54]. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). [Текст] / В.Г. Крысько. – Минск, «Харвест», 1999. – 208 с.
- [55]. Курносов Ю.В. Азбука аналитики. [Текст] / Ю.В. Курносов. – М.: «РУСАКИ», 2013. – 138 с.
- [56]. Лакер, У. История терроризма [Текст] / У. Лакер. перевод с английского А. П. Комаринец. – Москва: Спецкнига, 2013. – 464 с.
- [57]. Левин, З.И. Очерки природы исламизма [Текст] / З.И. Левин / Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2014. – 126 с.
- [58]. Лифтон, Р. Дж. Технология «промывания мозгов»: Психология тоталитаризма [Текст] / Р. Дж. Лифтон. перевод с английского. – Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2005. 576 с.
- [59]. Майтдинова, Г.М. Таджикистан в геополитической структуре Центральной Евразии второй половины второго десятилетия XXI века. Монография [Текст] / Г.М. Майтдинова. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 455с.

- [60]. Маннгейм, К. Избранное: Диагноз нашего времени. [Текст] / К. Маннгейм. – М.: РАО Говорящая книга, 2010. – 744 с.
- [61]. Махмадбекзода, М.Ш. Исследование причин и мотивов радикализации трудовых мигрантов [Текст] / М.Ш. Махмадбекзода, У.С. Раимдодов. – Душанбе: ООО Нушбод, 2020. – 93 с.
- [62]. Махмадов, А.Н. Мукаддимаи идеяи миллӣ [Матн] / А.Н. Махмадов. – Душанбе: ЭР-граф, 2013. – 180 с.
- [63]. Михайличенко Д.Г. Противодействие религиозному экстремизму в социальных сетях. [Текст] / Д.Г. Михайличенко, К.Ю. Сафронов. – Уфа: Издательство БГПУ им. М. Акмуллы, 2016. – 124 с.
- [64]. Молдалиев О.А. Современные вызовы безопасности Кыргызстана и Центральной Азии. [Текст] / О.А. Молдалиев. – Бишкек: Фонд им. Ф. Эберта. 2001. – 142 с.
- [65]. Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. [Текст] / Н.А. Назарбаев. – Алматы: «Атамура». 2003. – 240 с.
- [66]. Нойманн, П. Радикализация. Как рождается терроризм [Текст] / П. Нойманн. перевод с немецкого А.В. Ланских. - Москва: Альпина нон-фикшн, 2019. – 256 с.
- [67]. Оганесян С.С. Проблемы противодействия религиозному экстремизму и пути формирования веротерпимости в местах лишения свободы. Монография [Текст] / С.С. Оганесян, А.Ш. Габараев, О.Г. Годованец, П.Н. Казберов, Ф.И. Ушков. – М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. – 168 с.
- [68]. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. [Текст] / Д.В. Ольшанский. – Санкт-Петербург: «Питер», 2002. – 288 с.
- [69]. Осипов А. Что такое этническая дискриминация и что с ней можно сделать? [Текст] / А. Осипов. – М.: Центр «Сова», 2012. – 152 с.
- [70]. Парето, В. Учебник политической экономии [Текст] / В. Парето. перевод с французского. 2-е изд. – Москва: Инфра-М, 2018. – 592 с.

- [71]. Патнэм, Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии [Текст] / Р. Патнэм. перевод с английского А. Захарова. – Москва: Ad Marginem, 1996. – 287 с.
- [72]. Платон. Государство [Текст] / Платон. перевод с древнегреческого А. Н. Егунова. – Москва: Азбука, 2022. – 448 с.
- [73]. Политический экстремизм: основные тенденции и причины эскалации: информационно-аналитический вестник [Текст] / под ред. А.П. Кошкина. – Вып.8. – Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2017. – 96 с.
- [74]. Проблемы информационной безопасности в международных военно-политических отношениях [Текст] / под ред. А.В. Загорского, Н.П. Ромашкиной – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 183 с.
- [75]. Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма: методическое пособие для пропагандистов [Текст] / под общ. ред. Л. Н. Панковой, Ю. В. Таранухи. – М.: Университетская книга, 2010. – 312 с.
- [76]. Ризоён, Ш. Ш. Афганистан до и после возвращения Талибан [Текст] / Ш. Ш. Ризоён. – Душанбе: Дониш, 2023. – 508 с.
- [77]. Ризоён, Ш. Ш. Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан. Монография [Текст] / Ш. Ш. Ризоён. – Душанбе: Дониш, 2020. – 320 с.
- [78]. Руа, О. Глобализированный ислам: в поисках новой уммы [Текст] / О. Руа. перевод с французского Р. Ибатуллина. – Москва: Текст, 2018. – 337 с.
- [79]. Руководство по предотвращению экстремизма, реабилитации и реинтеграции возвращенцев из зон вооруженных конфликтов в Республику Таджикистан. [Текст] – Душанбе, 2023. – 138 с.
- [80]. Саидов, Х. С. Пуштуны. Проблемы этнокультурной идентификации: этногенез, политическое сознание, морально-духовные ценности и социально-бытовые традиции / Х. С. Саидов. – Душанбе: Эр-граф, 2022. – 344 с.

- [81]. Сангинов, Н.Н. «Гибридные войны» – реальность современного мира [Текст] / Н.Н. Сангинов. – Душанбе: Дониш, 2022. – 227 с.
- [82]. Сангинов, Н.Н. Центральная Азия в условиях трансформирующей системы международных отношений [Текст] / Н.Н. Сангинов. – Душанбе: ООО «ИЛМ», 2023. – 144 с.
- [83]. Сафарализода, Х.Қ. Таҳдидҳои замони муосир: масъалаҳои назариявӣю методологӣ. Монография [Матн] / Х.Қ. Сафарализода. – Душанбе: Эр-граф, 2023. – 420 с.
- [84]. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, организация, практика, профилактика и противодействие. [Текст] / рук. авт. колл. А.-Н. З. Дибиров, Г. К. Сафаралиев. – Махачкала: Лотос, 2009. – 973 с.
- [85]. Таарнби, М. Исламистская радикализация в Таджикистане: анализ тенденции в настоящее время // Центр социально-политических исследований: [отчет]. – Душанбе: Коршинос, 2012. – 78 с.
- [86]. «Третий сектор» в мире: модели гражданской активности в XX-XXI вв. [Текст] / под ред. О. В. Павленко, Н. А. Борисова, М. В. Восканян. – Москва: РГГУ, 2021. – 452 с.
- [87]. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология» [Текст] / Ю. Хабермас. перевод с немецкого М. Л. Хорькова. – Москва: Праксис, 2007. – 208 с.
- [88]. Хайдт, Дж. Праведный разум: почему хорошие люди разделяются политикой и религией [Текст] / Дж. Хайдт. перевод с английского О. А. Левченко. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2020. – 592 с.
- [89]. Хайек, Ф.А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики [Текст] / Ф.А. Хайек. перевод с английского Б. Пинскера, А. Кустарева. – Москва: ИРИСЭН, 2006. – 644 с.
- [90]. Халид, А. Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии [Текст] / А. Халид. перевод с английского А. Б. Богдановой. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – 304 с.

- [91]. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон. перевод с английского. – Москва: Издательство АСТ, 1996. – 605 с.
- [92]. Чалдини, Р. Психология влияния [Текст] / Р. Чалдини. – 5-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2024. – 480 с.
- [93]. Шалиан, Ж. История терроризма: от античности до «Аль-Каиды» [Текст] / Ж. Шалиан, А. Блен. перевод с английского. – Москва: Аспект Пресс, 2015. – 612 с.
- [94]. Шарипов, С. И. Свобода: пределы и возможности [Текст] / С. И. Шарипов. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 166 с.
- [95]. Шмитт, К. Понятие политического. [Текст] / К. Шмитт. – Санкт-Петербург: Наука, 2016. – 568 с.
- [96]. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка. перевод с английского под редакцией В. А. Ядова. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
- [97]. Эрикссон, Э.Г. Идентичность: юность и кризис [Текст] перевод с английского / Э.Г. Эрикссон. общ. ред. и предис. А.В. Толстых. – 2-е изд. – М.: Флинта: Прогресс: МПСИ, 2006. – 352 с.
- [98]. Эсенаманова, Н. Типология мышления и пошаговых действий экстремиста, внутренние причины его радикализации и протеста. Укрепление потенциала по предотвращению насильственного экстремизма в Кыргызской Республике [Текст] / под ред. Н. Курбановой. – Бишкек: Maxprint, 2014. – 178 с.
- [99]. Юргенсмейер, М. Террор во имя Бога: глобальный подъем религиозного насилия [Текст] / М. Юргенсмейер. перевод с английского. – Москва: Культурная революция, 2021. – 384 с.

IV. Научные статьи

- [100]. Абдулганеев, Р.Р. Детерминирующие факторы религиозного экстремизма и их предупреждение [Текст] / Р.Р. Абдулганеев //

Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. № 2. С. 139-142

- [101]. Азильханов, М. Международные инициативы Казахстана по противодействию религиозному экстремизму: политологический анализ [Текст] / М. Азильханов, Р. Нуртазина // Вестник КазНУ. Серия философии, культурологии и политологии. – 2022. – Т. 79, №1. – С. 88-103
- [102]. Андреева, Е. В. Роль средств массовой информации в терроризме XXI в. [Текст] / Е.В. Андреева // Молодой ученый. – 2011, № 5 (28). Т. 2. – С. 67-69
- [103]. Андронов, О. В. Неправительственные организации как фактор политического развития России на современном этапе [Текст] / О.В. Андронов // Известия Саратовского университета. – 2009, Т. 9. Вып.1. – С. 126-129
- [104]. Баринов, П. С. Институты гражданского общества: общетеоретический аспект [Текст] / П.С. Баринова, В.А. Катомина // Пролог: журнал о праве. – 2022, №2. – С. 24-31
- [105]. Барковский, П. Постидеологии современности: «гибридные идеологии», или «новые мифологии», как фактор конституирования постсовременного социального поля [Текст] / П. Барковский // Идеология и политика. – 2018, № 3 (11). – С. 78-125
- [106]. Белов, А.Б. Проблема обратной связи в общении: обзор психологических исследований [Текст] / А.Б. Белов // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2012. Т. 5, №2. – С. 81-90
- [107]. Боброва, Н.А. Духовно-нравственные аспекты противодействия терроризму и экстремизму [Текст] / Н.А. Боброва, С.И. Ивентьев // Противодействие идеологии терроризма: концепции и адресная профилактика: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа, 2019. – С. 45-51

- [108]. Богатырева, Е. Н. Культурный конфликт в контексте социокультурного анализа [Текст] / Е.Н. Богатырева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2016, Т.16, вып.2. – С.130-134
- [109]. Воронцов, С. Г. Модель коммуникации Г. Д. Лассуэла как элемент методологии цивилистических исследований [Текст] / С.Г. Воронцов // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019, №1. – С. 414-431
- [110]. Ганаева, Е. Э. Исторические предпосылки религиозного экстремизма [Текст] / Е.Э. Ганаева // Молодой ученый. – 2016, №1 (105). – С. 794-795
- [111]. Герасимов, А.В. Гражданское общество как объект социально-философского познания [Текст] / А.В. Герасимов // Социально-гуманитарные знания. – 2015, №1. – С.266-276
- [112]. Горлова, Е.Б. Культура как социальный и воспитательный феномен [Текст] / Е. Б. Горлова // Вестник университета. – 2013, № 5. – С. 201-204
- [113]. Грачев, С.И. Идеология как определяющий компонент террористической активности и антитеррористической политики [Текст] / С.И. Грачев, О.А. Гасымов, А.С. Попов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013, Т. 4 №2 (12). – С.45-49
- [114]. Гырла, Л. Причинности религиозной девиантности и преступности [Текст] / Л. Гырла, А.О. Жефля // Молдавский государственный университет. – 2018, № 3 (113). – С. 70-80.
- [115]. Давыдов, Д.А. Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе [Текст] / Д.А. Давыдов // Науч. Ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН, - 2018. Т. 18, выпуск 3. – С. 86-102
- [116]. Давыдов, Д.Г. Методика диагностики диспозиции насильственного экстремизма [Текст] / Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов // Психологическая диагностика. – 2017, Т.14, № 1. – С. 78-97

- [117]. Дорошенко, Е.И. Нарративы в информационном противодействии идеологическим установкам терроризма и экстремизма (на примере ИГ) / Е. И. Дорошенко // Обзор. НЦПТИ. – 2017. – № 11. – С. 46-49
- [118]. Ивентьев, С.И. Концепт «смерти» в идеологии терроризма [Текст] / С.И. Ивентьев // Молодёжный экстремизм: современное состояние и методы противодействия: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа: «Мир печати», 2018. – С. 127-133
- [119]. Инаева, Д.Д. Религиозный экстремизм: исторические истоки зарождения [Текст] / Д.Д. Инаева // Молодой учёный. – 2016. – №1 (105). – С. 799-801
- [120]. Кабылинский Б.В. Конфликт и культура: к вопросу об эффективном управлении [Текст] / Б.В. Кабылинский // Управленческое консультирование. – 2017, № 11(107). – С. 119-124.
- [121]. Касимова, А.В. К вопросу о религиозном экстремизме [Текст] / А.В. Касимова // Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: колл. монография / под ред. Р. Ф. Патеева, В.Т. Сакаева. – Казань: Фолиант, 2017. – С. 44-49
- [122]. Касперович, Ю.Г. Мотивация экстремизма и факторы его формирования [Текст] / Ю.Г. Касперович // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2012, №2 (49). – С. 81-84
- [123]. Клейберг, Ю.А. Маргинализация топоса как детерминанта подростково-молодежного экстремизма [Текст] / Ю.А. Клейберг // Экстремальная психология и безопасность личности. – 2025. – Т. 2, № 4. – С. 11-24
- [124]. Кодзоков, Б.В. Проблемы соотношения экстремизма и терроризма: понятия, типология, признаки [Текст] / Б.В. Кодзоков // Образование и право. – 2022, № 7. – С. 59-63
- [125]. Кораев, Т.К. Исламский фундаментализм и международный терроризм: идеология и практика [Текст] / Т.К. Кораев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2007. – № 3. – С. 36-64

- [126]. Котляров, С.Б. Поиск эффективной модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества [Текст] / С.Б. Котляров, О.В. Кукушкин, О.Е. Храмова // Социально-политические науки. – 2016, № 2. – С. 62-64.
- [127]. Кочетков, П.Н. Значение нарратива в условиях меняющегося информационного пространства [Текст] / П.Н. Кочетков // Приволжский научный вестник. – 2015, № 6-3(46). – С. 93-97
- [128]. Кузьмин, П.В. Взаимодействие государства и гражданского общества и развитие демократии / П.В. Кузьмин // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. – 2013, Т. 24 (65), № 1-2. – С. 341-351
- [129]. Курбонов, Ш.Д. Становление и развитие гражданского общества в Республике Таджикистан / Ш.Д. Курбонов // Инновационный потенциал молодежи: гражданственность, профессионализм, творчество: сборник научных трудов Международной молодежной научно-исследовательской конференции, Екатеринбург, 24 ноября 2020 года. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2020. – С. 267-273
- [130]. Лапунова, Ю. А. Распространение идеологии экстремизма и терроризма в киберпространстве: проблемы и пути их решения [Текст] / Ю. А. Лапунова, Н. П. Голяндин // Труды Академии управления МВД России. – 2017, № 3(43). – С. 100-104
- [131]. Магомедов, Ш.Б. Политический экстремизм и терроризм: причины возникновения и пути преодоления [Текст] / Ш.Б. Магомедов, О.М. Гусейнов // Юридический вестник ДГУ. – 2023, Т.45, №2 (66). – С. 13-23
- [132]. Магомедов, К.М. О содержательной сути экстремизма [Текст] / К.М. Магомедов, Н.Р. Ванатиев // Молодёжный экстремизм: современное состояние и методы противодействия: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа: Мир печати, 2018. – С. 140-146

- [133]. Майтдинова Г.М. Реализация Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы: права человека и верховенство закона [Текст] / Г.М. Майтдинова // Постсоветские исследования. – 2022, Т.5, №6. – С. 573-583
- [134]. Малащенко, А.В. Ислам – идеология на все времена [Текст] / А.В. Малащенко // Россия и мусульманский мир. – 2006. – № 11. – С. 141-163
- [135]. Маллинс С. Важность идеологии. Контртеррористические стратегии требуют больше «мягкой силы» для эффективной борьбы с террористической вербовкой. [Текст] / С. Маллинс // Per Concordiam. Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы. – 2016, Т. 7, №4. – С.7-9
- [136]. Манина, М.С. Проблемы и сущность терроризма [Текст] / М.С. Манина // Молодой ученый. – 2018, №20 (206). – С. 315-317
- [137]. Мимулатова, Т.Д. Религиозный экстремизм: концептуальное понятие [Текст] / Т.Д. Мимулатова // Молодой учёный. – 2016. – №1 (105). – С. 816-818
- [138]. Митрофанова, А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизации» [Текст] / А.В. Митрофанова // Век глобализации. – 2008. – №1. – С. 109-119
- [139]. Молчан Э.М. Роль культуры в формировании духовно-нравственных ценностей человека [Текст] / Э.М. Молчан, А.Н. Камыш // Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы: материалы международной научно-практической конференции. – Пенза – Москва – Минск: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 9-14
- [140]. Муленков, Д.В. Понятие, формы и виды экстремизма [Текст] / Д. В. Муленков, Н.В. Филина // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 1. – С. 146-149

- [141]. Муртазин, М. Государства Центральной Азии и угрозы религиозного экстремизма [Текст] / М. Муртазин // Россия и новые государства Евразии. – 2017, №1. – С. 41-55
- [142]. Мухаммад, А. Н. Глобализация и угрозы: проблемы и современная ситуация [Текст] / А.Н. Мухаммад // Известия Национальной академии наук Таджикистана. Отделение общественных наук. – 2022. – №1 (266). – С. 17-21
- [143]. Мухаммад, М. А. Исследование западной и исламской концепций развития и цивилизации [Текст] / М.А. Мухаммад // Афро-азиатский мир: проблемы цивилизационного анализа. – Москва: ИНИОН РАН, 2004. – Вып. 2: Региональные цивилизации. – С. 66-80
- [144]. Мухаммадзода, П.А. Взгляд Республики Таджикистан по укреплению региональной безопасности в контексте афганского кризиса. [Текст] / П.А. Мухаммадзода // Международные отношения и безопасность. – 2022, №2 (2) – С. 49-58
- [145]. Мухаммадзода, П.А. Инициативы Республики Таджикистан как фактор развития и укрепления политики добрососедства в Центральной Азии в современных условиях международных отношений. [Текст] / П.А. Мухаммадзода // Международные отношения и безопасность. – 2023, №1 (5) – С. 17-23
- [146]. Мухаммадзода, П.А. Меры по устранению условий, способствующих распространению терроризма: взгляд из Таджикистана. [Текст] / П.А. Мухаммадзода // Таджикистан и современный мир. – 2022, №1 (77) – С. 12-20
- [147]. Мухаммадзода, П.А. Опыт Таджикистана по противодействию экстремизму и терроризму посредством диалога и сотрудничества. [Текст] / П.А. Мухаммадзода, С.А. Мухаммадзода // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2019, №10-2. – С. 304-309

- [148]. Мухаммадзода, П.А. Умная сила, умная стратегия и новые угрозы современности. [Текст] / П.А. Мухаммадзода, Х.К. Сафарализода // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2019, №10-1. – С. 266-274
- [149]. Мухаммадзода П.А. Центральная Азия в контексте афганского кризиса: вызовы безопасности и императивы развития. [Текст] / П.А. Мухаммадзода // Таджикистан и современный мир. – 2022, №4 (80) – С. 12-19
- [150]. Новикова, О.В. Эффективная модель взаимодействия государства и гражданского общества в современной России: формирование структурно институционального консенсуса [Текст] / О.В. Новикова // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2009, №3. – С. 48-53
- [151]. Оганесян, С.С. Религиозный экстремизм современной молодежи. Проблемы и основные направления профилактики. [Текст] / С.С. Оганесян // «Обзор. НЦПТИ». – 2018, №3 (14). – С. 49-50
- [152]. Олифиренко, Е.П. К вопросу о совершенствовании культурно-образовательного пространства вуза как средства профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде [Текст] / Е.П. Олифиренко // Молодёжный экстремизм: современное состояние и методы противодействия: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа: «Мир печати», 2018. – С. 168-173
- [153]. Орлова, М.А. К вопросу о роли политических партий в современном демократическом обществе [Текст] / М.А. Орлова. // Молодой ученый. – 2013, № 4 (51). – С. 434-436.
- [154]. Пащенко, И.В. Современные практики дерадикализации осужденных за проявление религиозного экстремизма: мировой опыт [Текст] / И.В. Пащенко // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 12 (14). – С. 26-33

- [155]. Певзнер, М.Н. Подготовка лидеров местных сообществ в области социально-этического маркетинга: постановка проблемы [Текст] / М.Н. Певзнер, И.А. Дониная, Н.А. Шайдорова // Вестник Новгородского государственного университета. – 2017. – № 1(99). – С. 40-44
- [156]. Пирбудагова, Д.Ш. Роль институтов гражданского общества в противодействии экстремизму в России [Текст] / Д.Ш. Пирбудагова, З.М. Мусалова // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 4. – С. 784-793
- [157]. Подольный, Н.А. Факторы радикализации молодёжи и средства упреждения её криминализации [Текст] / Н.А. Подольный // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2021. – Т. 9, № 2 (34). – С. 5-14
- [158]. Пронина, Т.С. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен [Текст] / Т.С. Пронина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т.16, №2. – С. 154-166
- [159]. Раванди-Фадаи, Л.М. Роль религиозного наставничества в противодействии экстремизму и терроризму [Текст] / Л.М. Раванди-Фадаи // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 159, № 6. – С. 1529-1540
- [160]. Рахмонов, А. С. Роль и место Республики Таджикистан в системе безопасности и противодействия современным нетрадиционным угрозам в ЦАР [Текст] / А. С. Рахмонов, Б. Ш. Шарипов // Вестник ТГУПБП. Серия общественных наук. – 2016. – №2 (67). – С. 107-116
- [161]. Руденкин, В.Н. Социальное партнерство государства и гражданского общества: сущность, исторические типы, формы реализации [Текст] / В.Н. Руденкин // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2011. – № 4(17). – С. 80-97
- [162]. Рязанов, Д.С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное [Текст] / Д.С. Рязанов // Известия Иркутского

государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т.7. – С. 177-184

- [163]. Салимов, Д.М. Современные таджикские СМИ в условиях глобализации: влияние внешних факторов [Текст] / Д.М. Салимов // Южно-Российский журнал социальных наук. – 2020. – Т.21, № 4. – С. 86-102
- [164]. Сафаргалеев, И. Позитивный потенциал тасаввуфа как действенная альтернатива распространению идеологии псевдорелигиозного экстремизма в России и странах Центральной Азии [Текст] / И. Сафаргалеев // Национальные стратегии новых государств Центральной Азии в XXI веке: приоритеты, механизмы реализации, международное сотрудничество: материалы международной научной конференции. – Душанбе: РТСУ, 2019. – С. 116-123
- [165]. Саядова, А.С. Правовые основы противодействия религиозному экстремизму в современной России [Текст] / А.С. Саядова // Философия права. – 2017. – № 4(83). – С. 117-122
- [166]. Селиверстова, Н.А. Представления студенческой молодёжи о смыслах образования: социокультурные особенности саморегуляции [Текст] / Н.А. Селиверстова, Ю.А. Зубок // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – Т. 11, №1 – С. 44-69
- [167]. Силаева, З.В. Трансформация религиозной идентичности как угроза национальной безопасности [Текст] / З.В. Силаева // Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: коллективная монография / под ред. Р.Ф. Патеева, В.Т. Сакаева. – Казань: Фолиант, 2017. – С. 50-57
- [168]. Сковиков, А.К. Гражданское общество: теоретический аспект [Текст] / А.К. Сковиков // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 1067

- [169]. Стародубровская, И. В. Можно ли считать джихадистов рациональными акторами? (на примере Дагестана) [Текст] / И.В. Стародубровская // Пути к миру и безопасности. – 2017. - №1 (52). С. 91-105
- [170]. Стегний, В.Н. Новые формы проявления экстремизма и терроризма среди молодёжи [Текст] / В.Н. Стегний, Т.А. Топеха // Молодёжный экстремизм: современное состояние и методы противодействия: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа: «Мир печати», 2018. – С. 176-179
- [171]. Томова, А.А. Выявление и профилактика терроризма и экстремизма в средствах массовой информации [Текст] / А.А. Томова, А.А. Сардарян, С.А. Кропачева // Молодой ученый. – 2016. – №24 (128). – С. 429-432
- [172]. Ускова, К.В. Государство и гражданское общество: современный взгляд на типологизацию социологических концепций [Текст] / К.В. Ускова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 5(133). – С. 14-19
- [173]. Федотова, Н.Н. Культура как ресурс развития общества: теоретические дискуссии и опыт России [Текст] / Н.Н. Федотова // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 4. – С. 70-81
- [174]. Харланова, Ю.В. Экстремизм как социально-психологический феномен [Текст] / Ю.В. Харланова // Молодежный экстремизм: современное состояние и методы противодействия: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа: «Мир печати», 2018. – 452 с.
- [175]. Хаустова, Н.А. Идеологические и психологические аспекты изучения религиозного экстремизма [Текст] / Н.А. Хаустова // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2018. – № 1. – С. 47-50
- [176]. Черкасова, Т.Г. Теоретические аспекты изучения гражданского общества и социальных институтов и их положение в современных реалиях российской федерации 21 века [Текст] / Т.Г. Черкасова // Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – Т. 7, № 1А. – С. 5-12

- [177]. Черная, И.Ю. Использование духовно-нравственного потенциала отечественной культуры в воспитании личности [Текст] / И.Ю. Черная // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – 2007. – № 4. – С. 319-324
- [178]. Шерматова, С.М. Анализ центральноазиатской региональной идентичности: единство в многообразии [Текст] / С.М. Шерматова // Национальные стратегии новых государств Центральной Азии в XXI веке: приоритеты, механизмы реализации, международное сотрудничество: материалы международной научной конференции. – Душанбе: РТСУ, 2019. – С. 208-234
- [179]. Шкирчак, С.И. К вопросу о моделях взаимодействия государственной власти и гражданского общества [Текст] / С.И. Шкирчак // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2013. – № 22(165). – С. 174-181
- [180]. Шоткинов, С.А. СМИ и преступность: специфика взаимодействия [Текст] / С.А. Шоткинов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2003. – № 1. – С. 239-250
- [181]. Яхьяев, М.Я. Институализация исламского экстремизма [Текст] / М.Я. Яхьяев, З.Г. Султанахмедова // Исламоведение. – 2017. – Т. 8, № 3(33). – С. 5-19
- [182]. Яхьяев, М.Я. Методологические аспекты предупреждения идеологии и психологии религиозного экстремизма [Текст] / М.Я. Яхьяев // Формы и методы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи. Роль и задачи образовательных организаций: тезисы научно-практической конференции. – Москва, 2015. – С. 103-106
- [183]. Яхьяев, М.Я. Причины радикализации ислама в современном мире [Текст] / М.Я. Яхьяев // Россия и мусульманский мир. – 2014. – №1 (259). – С. 16-31

V. Диссертации и авторефераты

- [184]. Арчаков, М.К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия [Текст]: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / М.К. Арчаков. – Благовещенск, 2016. – 320 с.
- [185]. Каримов, Ш. Т. Роль неправительственных организаций в формировании гражданского общества в Таджикистане: политологический анализ [Текст]: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Ш.Т. Каримов. – Душанбе, 2016. – 48 с.
- [186]. Махмадов, П.А. Информационная безопасность в системе политической коммуникации: состояние и приоритеты обеспечения (на материалах государств Центральной Азии) [Текст]: автореф. дис ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / П.А. Махмадов. – Душанбе, 2018. – 48 с.
- [187]. Рахматова, З.Д. Религиозный радикализм среди молодежи Таджикистана: предпосылки, специфика и пути его предотвращения [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14 / З.Д. Рахматова. – Душанбе, 2019. – 24 с.
- [188]. Рахмонов, А.К. Особенности становления гражданского общества в Таджикистане [Текст]: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А.К. Рахмонов. – Душанбе, 2007. – 20 с.
- [189]. Шарипов, Х.Б. Социально-политические факторы формирования и развития гражданского общества в Таджикистане [Текст]: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Х.Б. Шарипов. – Душанбе, 2002. – 151 с.

VI. Электронные ресурсы

- [190]. 10 причин, почему гражданское общество является союзником, а не противником в борьбе с насильственным экстремизмом [Электронный ресурс]. – URL: <https://capve.org/ru/dokumenty/issledovaniya-i-stati/10-prichin-pochemu-grazhdanskoe-obshchestvo-yavlyetsya-soyuznikom-a-ne-protivnikom-v-borbe-s-nasilstvennym-ekstremizmom-global-solutions-exchange> (дата обращения: 15.08.2022)

- [191]. Азиатский банк развития. Краткий обзор гражданского общества Таджикистана [Электронный ресурс]. – Душанбе, 2011. 12 с. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29494/csb-taj-ru.pdf> (дата обращения: 08.02.2023)
- [192]. Анализ концептуальных моделей соотношения и взаимодействия государства и гражданского общества [Электронный ресурс]. – URL: <https://studopedia.org/12-25066.html> (дата обращения: 06.02.2023)
- [193]. Анварзод, М. Исламский фактор как инструмент дестабилизации Центральной Азии [Электронный ресурс]. – URL: <https://cabar.asia/ru/mahram-anvarzod-islamskij-faktor-kak-instrument-destabilizatsii-tsentralnoj-azii/> (дата обращения: 21.09.2023)
- [194]. Аrtикль 19. Разъясняя «язык вражды»: практическое пособие [Электронный ресурс]. – 2015. – 94 с. – URL: https://www.article19.org/wp-content/uploads/2015/12/A19_Hate-Speech-Report-2018_Russian.pdf (дата обращения: 11.07.2023)
- [195]. Бейсембаев, С. Религиозный экстремизм в Казахстане: между криминалом и джихадом [Электронный ресурс]. – URL: https://ofstrategy.kz/images/Статья_радикализм_итог_Серик.pdf (дата обращения: 12.07.2023)
- [196]. Борьба с терроризмом. Модуль 2: Условия, способствующие распространению терроризма [Электронный ресурс]. – Вена: Управление ООН по наркотикам и преступности, 2019. – 62 с. – URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/CounterTerrorism/E4J_CT_module_2_-_final_RU.pdf (дата обращения: 14.06.2023)
- [197]. Введенская, Т.Ю., Дзигумская, Е.А. Международный терроризм: психологический аспект [Электронный ресурс]. – URL: <https://psyfactor.org/terror2.htm> (дата обращения: 23.02.2024)
- [198]. Вершинин, М. Методы вербовки и идеологической работы террористических религиозных движений в Поволжье (на примере

- «Хизб ут-Тахрир») [Электронный ресурс]. – URL: <https://psyfactor.org/lib/vershinin5.htm> (дата обращения: 07.07.2022)
- [199]. Вовлечение молодежи в усилия по противодействию насильственному экстремизму и радикализации, ведущим к терроризму: отчет о выводах и рекомендациях [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/4/c/103356.pdf> (дата обращения: 14.11.2023)
- [200]. Горбунов, А.А. Политический экстремизм и терроризм – специфические формы проявления политического процесса [Электронный ресурс]. – URL: [https://kaspy.asu.edu.ru/storage/archive/4\(2008\)/44-50.pdf](https://kaspy.asu.edu.ru/storage/archive/4(2008)/44-50.pdf) (дата обращения: 29.09.2023)
- [201]. Государство и гражданское общество как социальные системы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.read.virmk.ru/s/SANZ_SOC/g-043.htm (дата обращения: 30.04.2021)
- [202]. Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад / Л. М. Якобсон и др. [Электронный ресурс]. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 63 с. – URL: <https://www.hse.ru/data/2022/02/11/1745020200/CIVICUS%20Russia%20RUS.pdf> (дата обращения: 14.08.2022)
- [203]. Гражданское общество и государство [Электронный ресурс]. – URL: <https://interlaws.ru/grazhdanskoe-obshchestvo-i-gosudarstvo/> (дата обращения: 13.04.2023)
- [204]. Грамши, А. Тюремные тетради [Электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/book/gramshi_antonio/tyuremnie_tetradi_izbrannoe.html (дата обращения: 11.05.2022)
- [205]. Груздев, М. Теория разбитых окон [Электронный ресурс]. – URL: http://www.orator.ru/int_teoriya_razbityh_okon.html (дата обращения: 10.10.2023)
- [206]. Давыдов, И.П. Проблема определения и религиоведческо-правоведческой квалификации проявлений религиозного экстремизма

- [Текст] / И.П. Давыдов // Религия и общество - 12: сборник научных статей, Могилев, 12-17 марта 2018 года / Под общей редакцией В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2018. – С. 135-137
- [207]. Даллин, В. Л. Противодействие насильственному экстремизму: вводное руководство по концепциям, разработке программ и передовой практике [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sfcg.org/countering-violent-extremism/SFCG-Countering_Violent_Extremism-An_Introductory_Guide_Russian.pdf (дата обращения: 16.08.2023)
- [208]. Де Мартино Л. Инициатива «Окружающая среда и безопасность»: Трансформация рисков в сотрудничество Центральная Азия [Электронный ресурс]: вспомогательный отчет. UNEP, UNDP, OSCE. 2006. - 60 с. <https://www.osce.org/files/f/documents/f/1/19332.pdf> (дата обращения: 12.11.2023)
- [209]. Доклад о состоянии гражданского общества в ЕС и России / под редакцией Е. Белокуровой [Электронный ресурс]. 2017. – 154 с. – URL: https://www.researchgate.net/publication/316431917_State_of_Civil_Society_Report_2016_EU-Russia_Civil_Society_Forum (дата обращения: 15.04.2023)
- [210]. Денисенко, Ю. Реабилитация при социальной зависимости на примере экстремистских и террористических групп: психологическая подготовка консультанта [Электронный ресурс]: – URL: <https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2019/07/Part-I-Rehabilitation-and-CVE-psychological-training.pdf> (дата обращения: 20.04.2023)
- [211]. Законодательство Республики Таджикистан об общественных организациях: учебно-информационное пособие [Электронный ресурс] // ФЕЦА – Таджикистан: – Душанбе, 2017. – 23 с. – URL: [http://ef-ca.tj/publications/12_rus\(FILEminimizer\).pdf](http://ef-ca.tj/publications/12_rus(FILEminimizer).pdf) (дата обращения: 20.01.2024).

- [212]. Измерение проявлений гендерного неравенства в рамках других подгрупп населения [Электронный ресурс] / Экономический и социальный совет ООН. – Женева, 2008. – URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.30/2008/10.r.pdf> (дата обращения: 16.02.2024).
- [213]. Иманалиев, К.К. Идеология: Генезис, сущность и роль в политической практике [Электронный ресурс] / К.К. Иманалиев // Via in tempore. История. Политология. <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-genezis-.suschnost-i-rol-v-politicheskoy-praktike/viewer> (дата обращения: 07.06.2024)
- [214]. Использование Интернета в террористических целях [Электронный ресурс] / УНП ООН. – Вена, 2013. – с.5 – URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes/Use_of_the_internet_for_terrorist_purposes_Russian.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
- [215]. Как террористы используют Интернет [Электронный ресурс] / НЦПТИ. – URL: https://ncpti.su/articles/?ELEMENT_ID=122 (дата обращения: 20.02.2024).
- [216]. Каримов, Ш.Т. О гражданском обществе в Таджикистане [Электронный ресурс]. / Ш.Т. Каримов // Институт изучения проблем стран Азии и Европы. – URL: <https://osiyoavrupo.tj/index.php/pdf/o-grazhdanskombshchestve-v-tadzhikistane> (дата обращения: 15.01.2024).
- [217]. Карпачёва, О.В., Нефляшева, Н.А. Опыт дерадикализации исламского движения в Египте и России [Электронный ресурс]. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/24642/view> (дата обращения: 20.12.2023).
- [218]. Каршибоев, Н. Религиозная радикализация в Центральной Азии: мифы и реальность [Электронный ресурс]. – URL: <https://cabar.asia/ru/nuriddin-karshiboev-potentsial-smi-v-protivodejstvii-radikalizmu-i-ekstremizmu> (дата обращения: 03.04.2024).

- [219]. Комар, В.И. Ислам, исламизм и западная цивилизация: (аналитический обзор) [Электронный ресурс] / В.И. Комар // Региональные цивилизации (исламская, японская, африканская): реферативный сборник / ИНИОН РАН. отв. ред. Ю.И. Комар, А.И. Фурсов. – Москва, 2004. – С. 6-44. – URL: https://inion.ru/site/assets/files/2499/2004_afr_asiat_mir_2.pdf (дата обращения: 02.06.2024)
- [220]. Комар, Ю.И. Ислам, демократия и гражданское общество: (аналитический обзор) / Ю.И. Комар // Региональные цивилизации (исламская, японская, африканская): реферативный сборник [Электронный ресурс] / ИНИОН РАН. отв. ред. Ю.И. Комар, А.И. Фурсов. – Москва, 2004. – С. 85-90. – URL: https://inion.ru/site/assets/files/2499/2004_afr_asiat_mir_2.pdf (дата обращения: 02.06.2024)
- [221]. Контртеррористическое управление ООН. Разработка региональных и национальных планов действий по предупреждению насильственного экстремизма. [Электронный ресурс]. 1-е изд. – КТУ ООН, 2020. – 54 с. – URL: https://www.un.org/counterterrorism/sites/default/files/unoct_pve_reference_guide_russian.pdf (дата обращения: 06.08.2023)
- [222]. Ловушка для верующих: истории татарстанцев, вышедших из «Хизб-ут-Тахрир» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sntat.ru/kriminal/lovushka-dlya-veruyushchikh-istorii-tatarstantsev-vyshedshikh-iz-khizb/> (дата обращения: 01.09.2022)
- [223]. Мадалиева, Ж.К. Общетеоретические подходы к пониманию гражданского общества. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusnauka.com/11_DN_2016/Pravo/9_210184.doc.htm (дата обращения: 02.10.2021)
- [224]. Масаулов, С.И. История салафизма в Таджикистане: от вербовщиков до экстремистов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ia->

centr.ru/experts/sergey-masaulov/istoriya-salafizma-v-tadzhikistane-ot-verbovshchikov-do-ekstremistov/ (дата обращения: 09.08.2023)

- [225]. Матвеева, А.Г., Файзуллаев, Б. Гендер и насильственный экстремизм в Таджикистане [Электронный ресурс]. – URL: <https://eca.unwomen.org/ru/digital-library/publications/2017/10/women-and-violent-extremism-in-tajikistan> (дата обращения: 17.04.2022)
- [226]. Международная кризисная группа. Радикальный ислам в Центральной Азии: ответ на появление Хизб-ут-Тахрир. [Электронный ресурс]. Отчет №58, МГПК-Азия, 2003: Ош/Брюссель. – URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/54bf7c6c4.pdf> (дата обращения: 23.08.2021)
- [227]. Мерсиянова, И.В. Индексы гражданской активности: сила и слабость методик [Электронный ресурс]. – М.: 2008. – URL: https://www.hse.ru/data/533/114/1237/Индексы%20гражданской%20активности_Мерсиянова_1.pdf (дата обращения: 13.06.2022)
- [228]. Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича [Электронный ресурс]. – URL: <https://bptt.profi.edu.ru/file/download?id=323> (дата обращения: 05.05.2023)
- [229]. ЮНЕСКО. Методическое пособие по предотвращению насильственного экстремизма [Электронный ресурс]. 2016. – 46с. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000244676_rus (дата обращения: 29.05.2024)
- [230]. Молчанов И. Секреты деструктивных культов и тоталитарных сект. (Корпоративные тайны тех, кто любит Господа профессионально) [Электронный ресурс]. – URL: <https://psyfactor.org/sekta.htm> (дата обращения: 31.03.2022)
- [231]. Муллоджанов П. Гражданское общество Таджикистана во время пандемии и после нее: основные проблемы и перспективы развития. [Электронный ресурс]. – URL:

- <https://fpc.org.uk/гражданскоеобществотаджикистана-во/> (дата обращения: 29.06.2021)
- [232]. Муллоджанов П. Постсоветская Средняя Азия и мусульманский мир: салафизация как инструмент геополитики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cabar.asia/ru/parviz-mullodzhanov-postsovetskaya-srednyaya-aziya-i-musulmanskij-mir-salafizatsiya-kak-instrument-geopolitiki/#> (дата обращения: 22.05.2021)
- [233]. Нескрябина О.Ф. Антиномичность теоретического дискурса о психологии терроризма. Современные системы безопасности. Антитеррор [Электронный ресурс]: материалы конгрессной части X специализированного форума (28-29 мая 2014 г.) / отв. ред. А.В. Букарин – Красноярск. СибЮИ ФСКН России, 2014. – 276с. – URL: http://nac.gov.ru/sites/default/files/antiterror_2014_krasnoyarsk.pdf (дата обращения: 30.01.2024)
- [234]. Низамов А. Культурная интеграция – как решающий фактор укрепления межгосударственных взаимоотношений Таджикистана и Узбекистана [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-cis.info/news/566/88632/> (дата обращения: 26.01.2024)
- [235]. НПО Таджикистана и перспективы евразийской интеграции. Ч. 1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/npo-tadzhikistana-i-perspektivy-evraziyskoy-integratsii-ch-1/> (дата обращения: 26.11.2022)
- [236]. О роли гендерного фактора в предотвращении насильственного экстремизма и радикализации, ведущей к терроризму, а также в борьбе с этой угрозой. Передовой опыт работы правоохранительных органов [Электронный ресурс]. – URL: https://cdn.osce.org/sites/default/files/f/documents/1/1/429452_0.pdf (дата обращения: 25.12.2023)
- [237]. О сущности религиозного экстремизма и фундаментализма и мерах по противодействию этим явлениям. [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.mirniy.ru/info/anti_terror/5723-o-suschnosti-religioznogo-ekstremizma-i-fundamentalizma-i-merah-po-protivodeystviyu-etim-yavleniyam.html (дата обращения: 24.12.2022)

- [238]. Объединяя гражданское общество. Укрепление совместных мер по обеспечению безопасности мира. Аналитическая справка [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.saferworld-global.org/downloads/Russian-Unitingcivilsociety.pdf> (дата обращения: 23.12.2023)
- [239]. Основные модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества [Электронный ресурс]. – URL: https://studopedia.net/1_30629_osnovnie-modeli-vzaimodeystviya-gosudarstva-i-institutov-grazhdanskogo-obshchestva.html (дата обращения: 21.11.2023)
- [240]. Основы социального наставничества: практическое пособие / под общей редакцией Е.В. Коневой. – Ярославль, 2014 г. – 127 с. – URL: https://www.yarregion.ru/depts/agmol/docsActivities/Приложение%202_секция%203.pdf (дата обращения: 11.06.2023)
- [241]. Отчёт ФАТФ. Новые риски финансирования терроризма. [Электронный ресурс]. – 2015. – 77 с. – URL: https://www.cbr.ru/statichtml/file/36805/emerging-terrorist-financing-risks_russian.pdf (дата обращения: 30.07.2023)
- [242]. Отчет ФАТФ. Финансирование террористической организации Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) [Электронный ресурс]. 2015. – 68 с. – URL: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/IGIL.pdf (дата обращения: 13.08.2023)
- [243]. Патерналистская модель социальной политики, её анализ [Электронный ресурс]. – URL: <https://sci.house/osnovyi-ekonomiki-scibook/paternalistskaya-model-sotsialnoy-politiki-32905.html> (дата обращения: 20.05.2022)

- [244]. Повестка дня на XXI век [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch27.shtml (дата обращения: 23.09.2021)
- [245]. Повышение устойчивости молодежи к радикализации: на примере Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/517691587015444679/pdf/Strngthening-Youth-Resilience-to-Radicalization-Evidence-from-Tajikistan.pdf> (дата обращения: 11.11.2022)
- [246]. Подход, основанный на участии всего общества, к П/БНЭРВТ: руководство для Центральной Азии [Электронный ресурс] / ОБСЕ. – Вена. – 2020. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/2/3/470076.pdf> (дата обращения: 12.12.2023)
- [247]. Понятие «маргинальности» в социологии, ее виды и причины. Справочник [Электронный ресурс]. – URL: https://spravochnick.ru/sociologiya/marginalnost_v_sociologii_ee_vidy_i_prichin/ (дата обращения: 17.04.2024)
- [248]. Почепцов, Г.Г. Нарративные войны на постсоветском пространстве: Беларусь, Украина, Россия [Электронный ресурс]. – URL: <https://rezonans.kz/narrativniye-voyny-na-postsovetском-1/> (дата обращения: 12.07.2023)
- [249]. Почепцов, Г.Г. Персонализация поиска в Интернете – взгляд Эли Паризера [Электронный ресурс]. – URL: <https://psyfactor.org/lib/web-media-4.htm> (дата обращения: 03.08.2023)
- [250]. Практическое руководство по мониторингу учреждений уголовно-исполнительной системы Казахстана, в которых отбывают наказание осужденные за преступления экстремистского и террористического характера [Электронный ресурс]. – URL: <https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2019/07/Prison-Monitoring-Practical-Guide-for-oversight->

- [251]. Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму. Подход, основанный на взаимодействии полиции с населением [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/e/116413.pdf> (дата обращения: 28.02.2022)
- [252]. Рассел, Б. Наука и религия (Главы из книги). Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. – URL: http://lib.ru/FILOSOF/RASSEL/n_and_r.txt (дата обращения: 22.04.2023).
- [253]. Рейтинг стран по уровню кибербезопасности [Электронный ресурс]. – URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/cybersecurity-index> (дата обращения: 20.10.2022)
- [254]. Религия. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 20.01.2023)
- [255]. Религия и проблема её определения [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/religiya.html> (дата обращения: 02.04.2024)
- [256]. Ризоён, Ш.Ш. Плюсы и минусы таджикской стратегии против экстремизма и терроризма [Электронный ресурс]. – URL: <https://cabar.asia/ru/plyusy-i-minusy-tadzhikskoj-strategii-protiv-ekstremizma-i-terrorizma/> (дата обращения: 14.11.2021)
- [257]. Розенберг, Н. В. Влияние средств массовой информации на образ жизни молодежи [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2015 №1 (9) – URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/rozenberg_nv_15_1_14.pdf (дата обращения: 25.08.2022)
- [258]. Роль гражданского общества в предотвращении терроризма. Неформальное рабочее совещание. Отчет [Электронный ресурс]. 2007. –

- URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/b/f/25143.pdf> (дата обращения: 10.05.2024)
- [259]. Роль СМИ в противодействии идеологии терроризма [Электронный журнал]. – URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/42/80/42807c8c-6234-4baf-af52-ceb65c06fb16/rol_smi.pdf (дата обращения: 29.04.2023)
- [260]. Рустамзода, К. Хуршед Зиёи: «Необходимо проявлять политическую бдительность» [Электронный ресурс] – URL: http://www.narodnaya.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=13602 (дата обращения: 23.03.2024)
- [261]. Саидов, Н. Опыт построения гражданского общества в Таджикистане [Электронный ресурс]. – URL: http://narodnaya.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=11725 (дата обращения: 21.04.2023)
- [262]. Салафизм и его профилактика с помощью разъяснительной работы. Вопросы и ответы [Электронный ресурс]. Баварское ведомство по охране конституции. – URL: https://www.verfassungsschutz.bayern.de/mam/anlagen/salafismus_broschur_e_russisch.pdf (дата обращения: 23.02.2024)
- [263]. Семедов, С.А. Идеологи и идеология радикального ислама [Электронный ресурс]. – URL: <https://ethnorelig.ru/wp-content/uploads/2016/06/Семедов.-Идеологи-и-идеология-исламизма..pdf> (дата обращения: 12.06.2023)
- [264]. Сергеев, С.А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках [Электронный ресурс]. – URL: <https://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf> (дата обращения: 24.09.2022)
- [265]. Серия экспертных онлайн-форумов ОБСЕ по использованию Интернета террористами: угрозы, ответы и возможные будущие шаги [Электронный ресурс]. – 2013. – с.9 URL:

- <https://cdn.osce.org/sites/default/files/f/documents/8/3/104407.pdf> (дата обращения: 07.05.2024)
- [266]. Синцов, Н.В. Основные идеологические установки религиозно-экстремистских организации, действующих в Приволжском федеральном округе [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?name=nijnij_novgorod_konferenciya_27_06_2013.pdf (дата обращения: 15.07.2023)
- [267]. Системный кризис культуры: структура и содержание проблемы // Культура и безопасность: интернет-журнал [Электронный ресурс]. – URL: <http://sec.chgik.ru/sistemnyiy-krizis-kulturyi-struktura-i-soderzhanie-problemyi/> (дата обращения: 14.07.2023)
- [268]. Составление долгосрочных отношений с государственными структурами. Учебно-информационное пособие [Электронный ресурс]. – URL: [http://ef-ca.tj/publications/13_rus\(FILEminimizer\).pdf](http://ef-ca.tj/publications/13_rus(FILEminimizer).pdf) (дата обращения: 26.06.2021)
- [269]. Специфика мотивации личности экстремиста, террориста [Электронный журнал]. – URL: <https://alldetectives.ru/ort/transformatsiya-lichnosti-ot-radikala-do-terrorista/spetsifika-motivatsii-lichnosti-ekstremista-terrorista.html> (дата обращения: 23.10.2023)
- [270]. Международный союз электросвязи. Страны активизируют деятельность в рамках стратегий кибербезопасности [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/Pages/pr06-2021-global-cybersecurity-index-fourth-edition.aspx> (дата обращения: 20.12.2023)
- [271]. Сударенков, В.В. Борьба с терроризмом и насилием средствами культуры [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2005/disk/233.pdf> (дата обращения: 19.08.2022)
- [272]. Сулейманов, Р.Р. Механизмы вербовки мусульманской молодежи Поволжья в ряды религиозно-экстремистских организаций [Электронный ресурс]. – URL:

https://docs.yandex.ru/docs/view?name=terrorism_7.pdf (дата обращения: 27.04.2023)

- [273]. Сунгуров, А. Взаимодействие правоохранительных органов и общественных организаций в современной России: накопленный опыт и реализуемые модели [Электронный ресурс]. – URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/go7rzg8g02/direct/91682057> (дата обращения: 25.05.2023)
- [274]. Технология аутсорсинга в сфере социального обслуживания / сост.: О.И. Проня, М.В. Пикинская, И.Д. Пестова, Я.Д. Григорьева [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?name=tekhnologiya-autsorsinga.pdf> (дата обращения: 27.11.2023)
- [275]. Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам-членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях [Электронный ресурс] / под ред. И. В. Панарина, А. А. Казанцева. – URL: <https://mgimo.ru/upload/2017/03/imi-odkb-igil.pdf> (дата обращения: 26.12.2023)
- [276]. Улезко, Э.В. Экстремизм и терроризм: понятийно-категориальный аппарат исследования явления [Электронный ресурс] // Философия права: научно-теоретический журнал. – 2009. – №5 (36). – URL: <http://рюи.мвд.рф/наука/философия-права/архив-журнала/2009-год> (дата обращения: 18.12.2021)
- [277]. Улугов, У. Обзор деятельности экологических общественных организаций в Таджикистане [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.carececo.org/main/ckh/publications/obzor-deyatelnosti-ekologicheskikh-obshchestvennykh-organizatsiy-v-tadzhikistane-rabochiy-dokument/> (дата обращения: 29.03.2024)
- [278]. Уничтожение культурного наследия народов – угроза миру и безопасности на земле [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.un.org/ru/audio/2015/08/102950> (дата обращения: 09.01.2024)

- [279]. Устинова, Ю. «Хизб-ут-Тахрир» в современной Британии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fergananews.com/articles/5028> (дата обращения: 20.11.2021)
- [280]. Фаткулин, Г.Т. Проблема выявления распространителей радикальной идеологии среди мусульман [Электронный ресурс] // Современные системы безопасности. Антитеррор: материалы форума. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – Ч. 1. 292 с. – URL: https://admtyumen.ru/files/upload/OIV/U_gvm/Документы/Антитеррор_Часть%201.pdf (дата обращения: 20.10.2021)
- [281]. Фрэнсис, Д. Вопросы культуры, асимметрии власти и гендера в трансформации конфликта [Электронный ресурс]. – URL: <https://berghof-foundation.org> (дата обращения: 20.09.2021)
- [282]. Халаписис, А.В. Постидеологический мир? [Электронный ресурс]. – URL: <http://halapsis.net/postideologicheskij-mir> (дата обращения: 20.08.2021)
- [283]. Хасан Д.Н. Политический ислам, терроризм и безопасность на Ближнем Востоке [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/320759066_Political_Islam_Terrorism_and_security_in_the_Middle_East (дата обращения: 13.06.2021)
- [284]. Хассан, Х. «Исламское государство»: идеологические корни и политический контекст межконфессиональной вражды [Электронный ресурс]. – URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Hassan_Rus_web.pdf (дата обращения: 23.10.2021)
- [285]. Хосаграхар, Дж. Вклад культуры в достижение Целей устойчивого развития [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.unesco.org/courier/april-june-2017/vklad-kultury-v-dostizhenie-celey-ustoychivogo-razvitiya> (дата обращения: 18.12.2021)

- [286]. Хоффер, Э. Истинноверующий. Мысли о природе массовых движений [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.klex.ru/x7> (дата обращения: 29.07.2021)
- [287]. Хусаинова, С.В. Эмпирическое исследование личностно-социальной устойчивости обучающихся [Электронный ресурс]. // Современные системы безопасности. Антитеррор: материалы форума. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – Ч. 1. – С. 292. – URL: http://nac.gov.ru/sites/default/files/antiterror_chast_1.pdf (дата обращения: 01.12.2021)
- [288]. Элшими, М.С. Исследование факторов, способствующих радикализации среди трудовых мигрантов из Центральной Азии в России [Электронный ресурс] / М.С. Элшими, Р. Пантуччи, С. Лейн, Н.Л. Салман. – URL: https://documents.sfcg.org/wp-content/uploads/2018/04/RUSI-report_Central-Asia-Radicalisation_%D0%0%D0%A3%D0%A1_24042018.pdf (дата обращения: 20.12.2023)
- [289]. Эффективное управление для экономического развития. Компонент 2: Гражданское общество и подотчетность. Отчет: картирование открытых данных в Таджикистане [Электронный ресурс]. – URL: https://internews.org/wp-content/uploads/2022/07/Final-Report-on-Tajikistan_RUS.pdf (дата обращения: 20.10.2022)
- [290]. ЮНЕСКО в действии. Повсеместное предотвращение насильственного экстремизма [Электронный ресурс]. – 36 с. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000259485_rus (дата обращения: 21.12.2023)
- [291]. ЮНЕСКО. Критическому времени критический подход: роль средств информации в построении миролюбивых, справедливых и инклюзивных обществ. Концептуальная записка [Электронный ресурс]. – URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/wpfd2017_concept_note_ru.pdf (дата обращения: 30.11.2023)

- [292]. Яхьяев, М. Я. К вопросу об экстремизме в исламе [Электронный ресурс].
– URL: <http://ncpti.su/> (дата обращения: 12.09.2023)

VII. Литература на иностранном языке

- [293]. Akhantayeva, S. Religious Extremism and Terrorism in Central Asia: An Overview of Radical Groups / S. Akhantayeva, A. Mussabekova // Journal of Central Asian Studies. – 2024. – Vol. 96, № 4. – с. 54-68.
- [294]. Astor, J. The Overton Window // Mackinac Center for Public Policy, 2003: [Electronic resource]. URL: <https://www.mackinac.org/OvertonWindow> (accessed: 02.02.2025).
- [295]. Buzan, B. People, States and Fear: the national security problem in international relations. – Boulder: Wheatsheaf book, 1983. – 262 p.
- [296]. Dale, E. Audio-Visual Methods in Teaching. – 3rd ed. [Text] / E. Dale // Holt, Rinehart and Winston, 1969, 66 p.
- [297]. Edwards, M. Civil Society. 4th edition. – Cambridge: Polity Press, 2020. – 192 p.
- [298]. Franc, R. Inequality and Radicalisation: Systematic Review of Quantitative Studies / R. Franc, T. Pavlović // Terrorism and Political Violence. – 2023. Vol.35, №4. с. 785-810.
- [299]. Galtung, J. Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research. – 1969. Vol.6. – №3. – с. 167-191
- [300]. Holbrook, D. Sacred Violence: The Enduring Role of Ideology in Terrorism and Radicalisation. – London: Commission for Countering Extremism, 2025. – 52 с.
- [301]. Horgan, J. The Psychology of Terrorism. 2nd edition. – London: Routledge, 2014. – 206 p.
- [302]. Joint Plan of Action for the Implementation of the United Nations Global Counter-Terrorism Strategy in Central Asia [Electronic resource] // UNOCT: – New York, 2022. – URL:

https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/220302_jpoa_tashkent_0.pdf

(accessed: 23.12.2025)

- [303]. Kelling, G.L. Broken Windows [Electronic resource] / G.L. Kelling, J.Q. Wilson // The Atlantic: 1982. – URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1982/03/broken-windows/304465/> (accessed: 20.11.2025)
- [304]. Kruglanski, A.W. The Psychology of Closed Mindedness. – New York: Psychology Press, 2004. – c. 37-42
- [305]. Maher, Sh. Salafi-Jihadism: The History of an Idea. – London: Penguin Books, 2017. – 300 p.
- [306]. Majidi, U. Youth Radicalization and Digital Spaces: Emerging Threats to Peace and Security in Central Asia [Electronic Resource] // Peace Humanity. – URL: <https://peacehumanity.org/monitor/youth-radicalization-and-digital-spacesemerging-threats-to-peace-and-security-intajikistan/> (accessed: 20.09.2024)
- [307]. Post, J.M. The Mind of the Terrorist: The Psychology of Terrorism from the IRA to al-Qaeda. – New York: St. Martin's Press, 2007. – 311 p.
- [308]. Pratt, D. Religion and Extremism. Rejecting Diversity. – New York: Bloomsbury Academic, 2017. – 196 c.
- [309]. Rokeach, M. The Nature of Human Values. – New York: Free Press, 1973. – 438 p.
- [310]. Sageman, M. Understanding Terror Networks. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004. – 220 p.
- [311]. Salamon, L.M. Partners in Public Service: Government-Nonprofit Relations in the Modern Welfare State. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. – 311 p.
- [312]. Schmid, A.P. Al-Qaeda's "Single Narrative" and Attempts to Develop Counter-Narratives // ICCT [Electronic Resource]. The Hague. – 2014. – 38 c.

- [313]. Strengthening Youth Resilience to Radicalization: Evidence from Tajikistan // World Bank Group [Electronic resource]. – Washington, DC, 2020. – c. 15-18. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/> (accessed: 20.10.2025)
- [314]. The Psychology of Extremism: A Motivational Perspective / ed. by A. Kruglanski, C. Kopetz, E. Szumowska. – London: Routledge, 2021. – 308 p.
- [315]. The United Nations Global Counter-Terrorism Strategy: eighth review [Electronic resource] // UNOCT: - URL: <https://docs.un.org/en/A/RES/77/298>
- [316]. Tucker, N. Traced between Three Conflicts: Central Asian Migrants and the Risk of Violent Extremism [Electronic resource] / N. Tucker, S. Weine // PONARS Eurasia: – URL: <https://www.ponarseurasia.org/traced-between-three-conflicts-central-asian-migrants-face-problems-we-can-no-longer-ignore/> (accessed: 11.12.2025)
- [317]. Verkuyten, M. The Social Psychology of Tolerance. – London: Routledge, 2023. – 248 p.
- [318]. Vulnerability and Resilience to Violent Extremism: An Actor-Centric Approach / ed. by J. Beaujouan, V. Dudouet, M. Halilovic-Pastuovic [et al.]. – London: Routledge, 2023. – 258 p.
- [319]. Walzer, M. The Civil Society Argument // Statsvetenskaplig tidskrift [Electronic resource]. London, 1991. – URL: <https://journals.lub.lu.se/st/article/download/2863/2427> (accessed: 27.07.2025)
- [320]. Whitehouse, H. Inheritance: The Evolutionary Origins of the Modern World. – London: Allen Lane, 2024. – 368 p.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

I. Научные статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах Высшей аттестационной комиссии при Президенте

Республики Таджикистан

- [1-А]. Додихудоев, Х.А. Актуальность формирования и продвижения общественных инициатив в противодействии экстремизму и международному терроризму / Х.А. Додихудоев // Таджикистан и современный мир. – 2024. – № 1 (85). – С.48-55. ISSN: 2075-9584
- [2-А]. Додихудоев, Х.А. Анализ информационно-коммуникационного фактора как детерминанта роста насильственного экстремизма / Х.А. Додихудоев // Международные отношения и безопасность. – 2022. – № 2 (2). – С.78-87. ISSN: 2090-3567.
- [3-А]. Додихудоев, Х.А. Анализ подталкивающих факторов как детерминанта роста экстремизма и международного терроризма / Х.А. Додихудоев // Государственное управление. – 2022. – № 3 (57). – С.267-273. ISSN: 2664-0651.
- [4-А]. Додихудоев, Х.А. Институты гражданского общества ключевые имплементаторы Стратегии противодействия экстремизму и терроризму / Х.А. Додихудоев // Известия института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана. – 2022. – № 3. – С.126-129. ISSN: 0235-005X.
- [5-А]. Додихудоев, Х.А. Научно-теоретический анализ феномена экстремизма / Х.А. Додихудоев // Международные отношения и безопасность. – 2022. – № 4 (4). – С.63-68. ISSN: 2090-3567.
- [6-А]. Додихудоев, Х.А. Потенциал контрнарративов в противодействии идеологии экстремизма и международного терроризма / Х.А. Додихудоев // Таджикистан и современный мир. – 2023. – № 1 (81). – С.61-67. ISSN: 2075-9584.
- [7-А]. Додихудоев, Х.А. Потенциал неправительственных организаций Республики Таджикистан в противодействии экстремизму и

- международному терроризму / Х.А. Додихудоев // Таджикистан и современный мир. – 2022. – № 2 (78). – С.29-38. ISSN: 2075-9584.
- [8-A]. Додихудоев, Х.А. Потенциал социально-культурных объектов Республики Таджикистан в противодействии идеологии экстремизма и международного терроризма / Х.А. Додихудоев // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана. – 2022. – № 2. – С.134-139. ISSN: 0235-005X.
- [9-A]. Додихудоев, Х.А. Потенциал средств массовой информации Республики Таджикистан в противодействии насильственному экстремизму / Х.А. Додихудоев // Таджикистан и современный мир. – 2022. – № 1 (77). – С.55-65. ISSN: 2075-9584.
- [10-A]. Додихудоев, Х.А. Прогнозирование как фактор эффективного противодействия экстремизму / Х.А. Додихудоев // Таджикистан и современный мир. – 2021. – № 4 (76). – С.48-53. ISSN: 2075-9584.
- [11-A]. Додихудоев, Х.А. Роль традиционных и религиозных лидеров в противодействии экстремизму / Х.А. Додихудоев // Таджикистан и современный мир. – 2022. – № 4 (80). – С.93-98. ISSN: 2075-9584.
- [12-A]. Додихудоев, Х.А. Сотрудничество Республики Таджикистан и Российской Федерации в противодействии угрозам экстремизма и международного терроризма: проблемы и потенциал институтов гражданского общества / Х.А. Додихудоев // Международные отношения и безопасность. – 2022. – № 3 (3). – С.87-94. ISSN: 2090-3567.
- [13-A]. Додихудоев, Х.А. Социальная сплоченность – ключевой ресурс в противодействии экстремизму и международному терроризму / Х.А. Додихудоев // Международные отношения и безопасность. – 2024. – № 1 (9). – С.46-54. ISSN: 2090-3567.

- [14-A]. Додихудоев, Х.А. Теоретический анализ проблемы экстремизма / Х.А. Додихудоев // Международные отношения и безопасность. – 2022. – № 1 (1). – С.96-102. ISSN: 2090-3567.
- [15-A]. Додихудоев, Х.А. Теория изменений в контексте изучения проблемы экстремизма / Х.А. Додихудоев // Таджикистан и современный мир. – 2021. – № 3 (75). – С.23-29. ISSN: 2075-9584
- [16-A]. Додихудоев, Х.А. Фактор идеологии в деятельности радикально-экстремистских организаций / Х.А. Додихудоев // Государственное управление. – 2021. – № 4/1(53). – С.214-223. ISSN: 2664-0651
- [17-A]. Додихудоев, Х.А. Фактор социальной стигмы в решении проблемы экстремизма и терроризма в местном сообществе / Х.А. Додихудоев // Таджикистан и современный мир. – 2022. – № 4 (80). – С.20-25. ISSN: 2075-9584.
- [18-A]. Додихудоев, Х.А. Экстремизм как социально-политическое явление: политологический анализ / Х.А. Додихудоев // Таджикистан и современный мир. – 2022. – № 3 (79). – С.57-67. ISSN: 2075-9584.
- [19-A]. Додихудоев, Х.А. Меры противодействия "гибридным войнам" со стороны Республики Таджикистан / Х. А. Додихудоев, Н. Н. Сангинов // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2019. – № 7. – С.244-248. ISSN: 2413-5151
- [20-A]. Мухаммадзода, П.А., Додихудоев, Х.А. Механизмы взаимодействия государства и институтов гражданского общества в контексте борьбы с экстремизмом и международным терроризмом / П.А. Мухаммадзода, Х.А. Додихудоев // Государственное управление. – 2022. – № 2 (56). – С.230-238. ISSN: 2664-0651

II. Научные доклады на республиканских и международных конференциях

- [21-А]. Додихудоев Х.А. Стратегия Вашингтона и Пекина в отношении Центральной Азии [Текст] / Х.А. Додихудоев, А.Б. Баховаддинов // Материалы конференции: «Европейский Союз и Таджикистан – состояние и перспективы сотрудничества» (Душанбе, 15 мая 2003 г.). – Душанбе, 2003. – С. 39-49
- [22-А] Додихудоев Х.А. Позиция КНР в отношении антитеррористической операции в ИГА [Текст] / А.Б. Баховадинов, Х.А. Додихудоев, В.А. Ниятбеков // Материалы научно-практической конференции (Душанбе, 29 апреля 2005 г.). – Душанбе: ПОО «Универсал-3», 2005. – С. 108-113
- [23-А] Додихудоев Х.А. Перспективы расширения сотрудничества ШОС с ОДКБ и ООН [Текст] / Х.А. Додихудоев, В.А. Ниятбеков // Сотрудничество стран ШОС в сфере безопасности, экономики, водно-энергетических ресурсов, коммуникации, культуры и перспективы её расширения: материалы пятого заседания Форума ШОС (Душанбе, 13-14 мая 2010 г.). – Душанбе: Ирфон, 2011. – С. 166-170
- [24-А] Додихудоев Х.А. Республика Таджикистан и Китайская Народная Республика [Текст] / В.А. Ниятбеков, Х.А. Додихудоев // Таджикистан и современный мир. – 2006, №3 (12). – С.56-68. – (Спец. вып.: материалы научно-практической конференции «Межгосударственные отношения Таджикистана и Китая: состояние и перспективы», Душанбе, 26 сентября 2006 г.)
- [25-А] Додихудоев Х.А. Многовекторная политика государств Центральной Азии и Китайская Народная Республика [Текст] / Х.А. Додихудоев // Таджикистан и современный мир. 2009, №4 (23). – С. 16-20. – (Спец. вып.: материалы круглого стола «Многовекторность во внешней политике государств ЦА и ее перспективы», Душанбе, 2009)
- [26-А] Додихудоев Х.А. Роль ОДКБ в борьбе с экстремизмом и международным терроризмом [Текст] / Х.А. Додихудоев // Программа

Международного круглого стола: «ОДКБ как важный фактор обеспечения региональной безопасности» (Душанбе, 18 мая 2022 г.). – Душанбе, 2022. – С. 4

[27-А] Додихудоев Х.А. Сотрудничество Республики Таджикистан и Республики Узбекистан в противодействии угрозе международного терроризма и экстремизма [Текст] / Х.А. Додихудоев // Программа-приглашение на круглый стол: «Современные тенденции и перспективы развития таджикско-узбекских отношений в рамках стратегического партнерства» (Душанбе, 28 апреля 2022 г.). – Душанбе, 2022. – С. 3-4

[28-А] Додихудоев Х.А. Взгляд политиков на вопросы предотвращения насильственного экстремизма: прогресс и приоритеты [Текст] / Х.А. Додихудоев // Программа Международной научно-практической конференции: «Разработка эффективных программ сотрудничества и политик в области предотвращения насильственного экстремизма: извлеченные уроки и передовая практика» (Ашхабад, 18-19 июня 2019 г.). – Ашхабад, 2019. С.3

[29-А] Додихудоев Х.А. Роль общественных организаций в защите национальных интересов [Текст] / Х.А. Додихудоев // Программа Республиканской научно-практической конференции: «Национальные интересы Республики Таджикистан на новом этапе развития национальной государственности» (Душанбе, 10 ноября 2023 г.);

[30-А] Додихудоев Х.А. Вклад Республики Таджикистан и Республики Узбекистан в урегулирование афганского кризиса [Текст] / Х.А. Додихудоев // Материалы Международной научной конференции: «Вклад Лидеров Таджикистана и Узбекистана в укреплении дружбы, добрососедства и доверия, открытие новой страницы таджикско-узбекского стратегического партнерства» (Душанбе, 14-15 сентября 2020 г.). – Душанбе: Изд.учрежд. “Дониш” НАНТ, 2021. – с. 127-132

- [31-A] Додихудоев Х.А. Положительный опыт Республики Таджикистан в борьбе с экстремизмом и международным терроризмом [Электронный ресурс] / Х.А. Додихудоев // Научный семинар: «Терроризм и экстремизм – нежелательные явления международного сообщества» (Душанбе, 27 мая 2025 г.). – Душанбе, НАНТ <https://www.facebook.com/groups/amit.tj/posts/4018132838454729/>
- [32-A] Додихудоев Х.А. Вклад институтов гражданского общества в укрепление политики добрососедства [Текст] / Х.А. Додихудоев // Программа Международной конференции: «Таджикистан – Центральная Азия: политика добрососедства, взаимной поддержки, вечной дружбы и совместного развития» (Душанбе, 10 марта 2023 г).
- [33-A] Додихудоев Х.А. Сотрудничество Республики Таджикистан и Российской Федерации в противодействии угрозе экстремизма и международного терроризма: проблемы и потенциал институтов гражданского общества [Текст] / Х.А. Додихудоев // Программа Международной онлайн-конференция на тему: «Состояние и перспективы развития стратегического партнерства и союзничества между Таджикистаном и Россией» (15 июня 2022 г.). – Душанбе, 2022. – С.3
- [34-A] Додихудоев Х.А. Роль институтов гражданского общества в противодействии угрозе экстремизма и международного терроризма [Текст] / Х.А. Додихудоев // Программа Международного экспертного круглого стола: «Вызовы и угрозы транзитным возможностям Центрально-Азиатского региона в эпоху глобальной политической и экономической турбулентности» с докладом на тему « (Душанбе, 16 августа 2022 г.). – Душанбе, 2022. – С.1